МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ и ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ



ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ
И
ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

Книга IV.



ИЗДАНІЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1915.



Периссу на войнѣ.

Разсказъ *Поля Маргеритъ*.

Надъ ландами и пустынными волнами Бискайскаго залива догоралъ дивный лѣтній день, знойный подъ соснами, свѣжій на дюнахъ; одинъ изъ тѣхъ дней, что являются раемъ для людей, какъ Периссу, которые ничего на свѣтѣ не могутъ назвать своимъ — ни лодку, на которой они выѣзжаютъ въ море, ни клочокъ земли, на которомъ протекаетъ ихъ трудовая жизнь. Солнце такъ славно напекло ему затылокъ, онъ полной грудью надышался соленымъ воздухомъ моря—и этого было достаточно для Периссу.

Онъ гребъ медленно. Зачѣмъ спѣшить? Никто не ждалъ его; онъ жилъ одинъ. Съ самаго отрочества, сиротливаго отрочества, полнаго трудовъ и лишеній, онъ привыкъ къ одиночеству и даже полюбилъ его. Въ глубинѣ бора, на краю озерка, прозваннаго Зеленымъ, ютился онъ въ хижинѣ, которая была лишь немногимъ удобнѣе тѣхъ тростниковыхъ шалашей, которые служатъ засадой стрѣлкамъ при охотѣ на дикихъ голубей.

Фермеръ Кордеба раньше держалъ тамъ своихъ павлиновъ — въ тѣ времена, когда онъ еще не сдалъ въ аренду свою ферму и не перебрался на жительство въ свой новый домъ, что стоялъ на краю торговой слободки, членомъ муниципальнаго совѣта, котораго его выбрали. Съ изобрѣтательностью истаго Робинзона, Периссу, назначенный сторожемъ этой части владѣній фермера Кордеба, укрѣпилъ крышу своей хижины досками, выброшенными моремъ, заткнулъ щели въ стѣнахъ связками вереска и смастерилъ изъ жестянокъ изъ-подъ сардинокъ водосточный желобъ, собирая прѣсную дождевую воду въ открытую кадку.

Это не былъ дворецъ, но Периссу чувствовалъ себя счастливымъ въ своей убогой лачугѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ потребностей и почти не зналъ развлеченій. Чувство свободы вполнѣ замѣняло ему все остальное. Никогда его не видѣли въ трактирѣ, никогда онъ не ѣздилъ въ ближайшіе города, Даксъ и Байонну, и если каждый понедѣльникъ онъ ходилъ въ слободку, то только для того, чтобы купить себѣ краюху хлѣба, нѣсколько луковицъ и немного свиного сала. Благодаря крабамъ и ракушкамъ, которыя онъ сгребалъ съ утесовъ, онъ не голодалъ. Чего же больше?

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ отбылъ солдатчину, онъ вернулся къ природѣ. Онъ жилъ нелюдимомъ, подчиняясь инстинкту независимости, приближавшему его къ лѣснымъ звѣрямъ. То немногое, чему онъ учился, онъ забылъ. Умѣлъ ли онъ еще читать? Потребности въ чтеніи онъ не чувствовалъ. То, что занимало большинство людей, его не интересовало. Говоръ волнъ, рокотъ моря, свистъ вѣтра, очарованіе лѣса—вотъ что составляло его жизнь, тяжелую и суровую, но въ то же время и пріятную. Онъ отвыкъ говорить; едва ли думалъ даже. Его прозвали «Дикаремъ».

Его отношенія къ цивилизованному міру ограничивались связью съ фермеромъ Кордеба, изъ сосенъ котораго онъ гналъ путемъ подсѣчки смолу и для котораго ловилъ рыбу въ ветхой лодкѣ, на которой заплатъ было больше, чѣмъ у нищаго на штанахъ. За это онъ получалъ до смѣшного ничтожную плату, которую онъ, однако, считалъ достаточной. Это было настоящее рабство, тяжести котораго онъ, однако, не чувствовалъ. Кордеба, ворчливый и смышленый, сумѣлъ затронуть его чувствительную стру-

су. Одно только существо на свѣтѣ когда-то проявило жалость къ Периссу-ребенку: старая мать Кордеба, Доминикетта. И это-то воспоминаніе привязывало Периссу къ хитрому фермеру. Онъ любилъ Кордеба.

Одного ли его? Была тамъ еще Граціенна, племянница, взятая въ домъ, когда Кордеба лишился всѣхъ своихъ дѣтей, дѣвушка шестнадцати лѣтъ, хорошенькая и рѣзвая, какъ козочка. Но Граціенна, вѣчно хохотавшая по всякому поводу, вѣроятно, только смѣялась надъ нимъ, «Дикаремъ».

Солнце садилось за берегами Испаніи. Океанъ серебрился, весь словно покрытый мелкими чешуйками. Съ протяжнымъ рокотомъ набѣгалъ приливъ на песчаный берегъ, гдѣ его безконечные валы разбивались пѣнистыми каймами.

Спрыгнувъ въ воду, Периссу потащилъ лодку по гладкому песку до углубленія въ дюнѣ, гдѣ изъ предосторожности еще прочно закрѣпилъ ее якоремъ. Потомъ вскинулъ весла на плечо и, взявъ въ руку сѣтку, въ которой лежала большая рыба, зашагалъ къ лѣсу.

Онъ зналъ, что Кордеба, лакомый, какъ котъ, будетъ доволенъ его уловомъ, и это ему было пріятно. Синяя линія лѣса стала зеленой по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ ней; вскорѣ онъ вошелъ въ нагрѣтый боръ, гдѣ порыжѣвшая хвоя шуршала подъ его босыми ногами. Кругомъ него стояли сосны, прямыя и неподвижныя на фонѣ золотисто-багроваго неба, всѣ съ глубокими надрѣзами, подъ которыми были привязаны горшечки для стекающей смолы.

Вдругъ Периссу насторожился. Чу, что это? До его слуха донесся какой-то отдаленный, унылый и дробный звукъ, похожій на то, словно стучали трещеткой по дереву.. Никакъ барабанъ? Да, барабанъ. Звуки шли, казалось, со стороны Бишалосса; потомъ онъ услышалъ ихъ, слабѣе, съ противоположной стороны, точно другой барабанъ отвѣчалъ первому. Онъ прибавилъ шагу. Можетъ быть побѣжать?

На поворотѣ тропинки, по которой онъ всегда возвращался домой съ рыбной ловли, передъ нимъ выросла легкая фигурка: Граціенна, запыхавшаяся, разрумянившаяся, взволнованная.

— Что случилось, пожаръ, что ли?— спросилъ онъ.

Она всплеснула руками, испуганная, но въ то же время гордая, что можетъ сообщить ему такую великую новость.

— Пожаръ? Какой тамъ пожаръ!.. Война объявлена. Развѣ ты не слышишь, что бьютъ сборъ?

Тысячу чертей! Конечно, онъ узналъ теперь этотъ быстрый ритмъ, настойчивый, какъ призывъ на помощь въ минуту крайней опасности. Конечно, бьютъ сборъ! Въ немъ внезапно проснулись воспоминанія трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ казармѣ—воспоминанія, которыя онъ изгналъ изъ памяти съ тѣхъ поръ, какъ сталъ въ этомъ медвѣжьемъ углу жителемъ ландъ и моря.

Растерянный, ошеломленный смотрѣлъ онъ на молодую дѣвушку.

— Ну съ кѣмъ же война, скажите, ради Бога?

— Да съ Германіей, понятно! Съ кѣмъ же еще?

— Съ Германіей? Чего же ей надо отъ насъ?

— Пруссаки хотятъ напасть на насъ врасплохъ, какъ въ 70-мъ году. Они вѣчно ищутъ предлога къ ссорѣ съ нами. Гадкіе люди! Ну, поэтому и мобилизація. Жители ландъ исполнятъ свой долгъ. Ты тоже, Периссу?

Онъ смотрѣлъ на нее, ничего не видя. Смутныя мысли шевелились въ его мозгу. Мобилизація... Ему тоже придется отправиться... И теперь же, немедленно! Онъ увидѣлъ свой солдатскій билетъ—предметъ, казавшійся ему безконечно далекимъ, а теперь вдругъ ставшій такимъ близкимъ—замызганную книжку, на которой крупными буквами написано его имя; увидѣлъ синюю шинель, ружье, сумку,все снаряженіе. Стало-быть, правда? Такъ, вдругъ, сразу, ни съ того ни съ сего онъ долженъ отправиться солдатомъ — онъ, которому ничего не надо отъ людей и которому до нѣмцевъ столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга? Налѣво кругомъ, маршъ! Помнитъ ли онъ еще артикулы?.. Нѣтъ, все это ужъ слишкомъ... да, это ужъ слишкомъ!

— Ты молчишь, Периссу?—съ тревогой спросила Граціенна.

Она глядѣла на него и находила его красивымъ съ его шапкой курчавыхъ волосъ подъ баскскимъ беретомъ, съ его темной шелковистой бородкой, эластичной походкой и могучей грудью, выпукло вырисовывавшейся подъ синей съ бѣлой фуфайкой. Она не могла сомнѣваться въ томъ, что онъ храбрый. Но



— Прощайте, Граціенна! Надо исполнить долгъ.

почему же онъ молчитъ? Болѣе развитая, чѣмъ онъ, полукрестьянка, полубарышня, она изъ того, что слышала въ домѣ дяди, и изъ того, что читала въ мѣстной газеткѣ, уже знала все то, о чемъ Периссу понятія не имѣлъ: о предательскомъ поступкѣ Австро-Венгріи, о попыткахъ Соединенныхъ Штатовъ уладить конфликтъ и о вызывающемъ поведеніи Германіи, сдѣлавшемъ неизбѣжной войну—страшную войну, въ которую (какъ мэръ выразился въ ея присутствіи) Франція должна вложить всю свою душу и всю свою силу, чтобы или побѣдить или погибнуть!

— Ну, Периссу! Что размечтался?—сказала она, раздраженная его молчаніемъ.

Онъ напряженно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, посмотрѣлъ на сосны, повернулся къ дюнамъ, скрывавшимъ океанъ, охватилъ долгимъ взглядомъ, въ глубокомъ смутномъ волненіи, весь этотъ знакомый видъ. Великое сожалѣніе поднималось въ немъ. Онъ видѣлъ лишь одно: что ему придется покинуть все это!

Онъ вздохнулъ.

— Прощайте, стало-быть, Граціенна. Надо исполнить долгъ!

Это слово, вырвавшееся у него прежде, чѣмъ онъ успѣлъ его подумать, это инстинктивное слово, внезапно поднявшееся изъ тьмы его души, было, видимо,

тѣмъ самымъ словомъ, котораго ожидала Граціенна, потому что она улыбнулась, ставъ сразу еще красивѣе, но въ то же время и печальнѣй.

— Да, Периссу. И ты вернешься къ намъ цѣлъ и невредимъ послѣ побѣды.

— Кто знаетъ?

Нѣсколько минутъ они молча шли рядомъ. Наконецъ Периссу сказалъ:

— Вотъ рыба. Отнесите ее вашему дядюшкѣ.

— А ты развѣ не пойдешь со мной, чтобы поговорить съ нимъ?

Онъ вздохнулъ, и чтобы продлить это маленькое, невинное и—увы!—такое кратковременное удовольствіе, согласился.

— Ладно, пойду.

Когда поздно вечеромъ (его оставили ужинать) Периссу возвращался въ свою лачугу, голубоватый свѣтъ ночи придавалъ прямымъ чернымъ соснамъ таинственный видъ. Луна отражалась въ зеленомъ озерѣ длинной сверкающей полосой; вѣяло восхитительной прохладой. Если бы не барабанъ, который все еще зловѣще отбивалъ дробь въ глубинѣ лѣсовъ, Периссу могъ бы подумать, что это одна изъ тѣхъ ночей, полныхъ глубокаго мира, въ которыя онъ всѣмъ своимъ существомъ наслаждался чувствомъ, что онъ здоровъ, молодъ и силенъ, свободенъ отъ заботъ и всякой отвѣтственности.

Вотъ и его лачуга. Онъ толкнулъ дверь, вошелъ и зажегъ лампу. Ему показалось, что его жилище имѣетъ какой-то чуждый видъ: это онъ самъ принесъ сюда другого Периссу, выбитаго изъ колеи.

Онъ сѣлъ на свое ложе, состоявшее изъ деревяннаго ящика и мѣшка съ кукурузной соломой, и, подперевъ голову руками, попытался обдумать положеніе. Слова Кордеба и его сосѣдей, которые тоже ужинали тамъ, безпорядочно толпились въ его мозгу, причиняя ему такое же страданіе, какъ стукъ крови въ вискахъ при сильной головной боли. Его мысли путались; изрѣдка слабый свѣтъ вспыхивалъ въ его мозгу, но тотчасъ же гасъ. Слишкомъ много навалилось на него сразу. Онъ совершенно не могъ разобраться въ этомъ хаосѣ. Только одна мысль гвоздемъ сидѣла въ головѣ: что завтра утромъ онъ долженъ ѣхать въ Байонну, и что оттуда его пошлютъ вмѣстѣ съ другими на войну, и онъ долженъ будетъ убивать и, можетъ-быть, будетъ убитъ. Это казалось ему неестественнымъ, непонятнымъ, почти несправедливымъ. Но сейчасъ же онъ слышалъ слова, сказанныя Граціенной на тропинкѣ: разъ нѣмцы сами нарочно затѣяли съ нами ссору, надо ихъ бить безпощадно. Тогда они, можетъ-быть, оставятъ насъ въ покоѣ, наконецъ.

Мысль краткая, но вполнѣ достаточная, чтобы укрѣпить его рѣшеніе, сдѣлать его солидарнымъ съ товарищами изъ слободки, которые пойдутъ на войну вмѣстѣ съ нимъ. И онъ повторялъ себѣ съ интонаціей Граціенны: «Жители ландъ исполнятъ свой долгъ. И я, Периссу, тоже исполню свой долгъ».

Спалъ онъ плохо и часа въ четыре утра проснулся отъ колокольнаго звона. Это били въ набатъ! Часъ спустя, подъ соснами снова раздались заглушенные звуки барабанной дроби, словно созывая опоздавшихъ, если таковые были. Периссу поспѣшно одѣлся и взялъ старое ружье и патроны, чтобы отнести ихъ къ Кордеба вмѣстѣ съ ключомъ своей хижины.

Кордеба онъ засталъ въ кухнѣ, гдѣ служанка хлопотала у огня, а Граціенна разставляла чашки на большомъ деревянномъ столѣ.

— Выпей съ нами кофейку,—сказалъ фермеръ.

И Периссу, тайкомъ бросая взгляды на Граціенну, пилъ съ тяжелымъ сердцемъ горячій черный напитокъ.

— Мы проводимъ тебя до станціи,—сказалъ Кордеба.

Утро было прекрасное. Сосны бора казались розовыми въ лучахъ солнца, озеро сверкало матовымъ свѣтомъ, пріятно пахло смолой. На маленькой желѣзнодорожной станціи были расклеены три официальныхъ объявленія. Иные парни шутили, балагурили, хлопали другъ друга по плечу; другіе молча смотрѣли передъ собой, серьезные, задумчивые. Но въ глазахъ всѣхъ Периссу видѣлъ рѣшимость, которая укрѣпляла его собственное рѣшеніе исполнить свой долгъ.

Крошечный передаточный поѣздъ подошелъ. Его взяли штурмомъ. Стоя на

площадкѣ, Периссу улыбнулся фермеру, бросилъ послѣдній взглядъ на Граціенну. Сердце у него разрывалось на части. Поѣздъ тронулся. Прощай, родина, прощай, море, прощай все! Онъ повелъ плечами, точно желая сбросить свою печаль. Нужно, такъ нужно! Тотъ ли, другой ли человѣкъ—не все ли равно, и онъ, Периссу, не боится.

Нѣтъ, Периссу не боялся. Среди хаоса, царившаго въ его темномъ умѣ, среди нахлынувшихъ на него со всѣхъ сторонъ новыхъ ощущеній и быстро смѣняющихся картинъ, онъ цѣплялся, твердый какъ скала, за это сознаніе, за свое рѣшеніе.

Сначала онъ былъ огорошенъ, ошеломленъ всѣмъ этимъ новымъ. Онъ раскрывалъ большущіе глаза, и жилы вздувались на его лбу отъ тщетныхъ усилій понять. О, они правы были въ слободкѣ, называя его «Дикаремъ»? Все казалось ему страннымъ, всякая мелочь повергала его въ изумленіе. И къ чему только не пришлось снова привыкать! Уже одно то, что пришлось опять надѣвать обувь, эти башмаки съ гвоздями, стягивать шею синимъ воротникомъ и тѣло мундиромъ. И эти общія помѣщенія, полныя народу! Привыкшій къ свѣжему воздуху, онъ задыхался здѣсь.

Обрывки воспоминаній и зародыши мыслей, которыя, казалось, навсегда исчезли съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ казарму, теперь снова въ его мозгу подъ вліяніемъ того, что онъ слышалъ кругомъ. Всѣ товарищи знали гораздо больше его. Они могли объяснить причины и обстоятельства войны: «Русскіе и англичане пойдутъ съ нами, и мы вернемъ себѣ Эльзасъ Лотарингію, и давно пора бы это сдѣлать». Периссу становилось стыдно, что онъ такой невѣжда. Къ чему служило ему теперь знаніе, какъ ведутъ себя звѣри и деревья въ разное время года, и всѣ хитрости рыбы, и искусство ставить силки? Что толку знать все это, и не знать столько другихъ важныхъ вещей?

Онъ прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ, и все, что онъ слышалъ и видѣлъ,—разговоры товарищей, приказы капрала и сержанта, возбужденныя толпы на улицахъ, любопытство, ожиданіе и надежда во взорахъ хорошенькихъ дѣвушекъ, газеты, телеграммы, выставленныя у банковъ и у ратуши, лихорадочная сутолока вокзала, занятаго одними военными,—все это, весь этотъ живой хаотическій кинематографъ съ необыкновенной силой дѣйствовалъ на Периссу.

Но вотъ, послѣ нѣсколькихъ дней примѣрныхъ маршировокъ и ученія, въ теченіе которыхъ онъ опять овладѣлъ элементарными основами военнаго искусства, пришелъ приказъ выступить. Съ горнистами во главѣ, съ развернутымъ знаменемъ прошелъ полкъ мѣрнымъ шагомъ черезъ городъ. На тротуарахъ стояли матери, невѣсты, старики-отцы. Обмѣнивались прощальными словами, на ходу пожимали другъ другу руки. Но Периссу, у котораго не было родныхъ шелъ съ высоко поднятой головой, не покидая строя. Онъ былъ радъ, что полкъ отправляется, что можно будетъ дѣйствовать. Это было для него облегченіемъ.

И другимъ облегченіемъ было то, что онъ чувствовалъ себя въ сомкнутомъ ряду, гдѣ онъ шелъ плечомъ къ плечу, бокъ-о-бокъ съ другими, и гдѣ прямо передъ нимъ и прямо за нимъ шли еще такіе же ряды. Впечатлѣніе неожиданное для него, привыкшаго къ одиночеству! Онъ сталъ частью огромнаго организованнаго цѣлаго, которое, казалось, во много разъ увеличивало силы и способности каждой отдѣльной составляющей его единицы.

И если раньше ему сладка была независимость, то теперь его облегчала возможность повиноваться другимъ. Что дѣлалъ бы онъ, несчастный, одинъ въ этомъ водоворотѣ? Другіе думали за него, другіе распоряжались за него—ему приходилось только слушаться. Периссу впервые смутно почувствовалъ красоту дисциплины. И совмѣстная жизнь съ товарищами открыла ему еще и другую, тоже прекрасную вещь: солидарность между людьми одной расы, одного возраста, одной страны. Въ своей лѣсной глуши Периссу едва сознавалъ себя даже гасконцемъ. Теперь онъ чувствовалъ себя французомъ.

Одинъ товарищъ показалъ ему карту Европы.

Вотъ этотъ кусокъ, похожій на шахматную доску,—это Франція. Вонъ тотъ уголокъ внизу — это Гасконь и ихъ родныя ланды. Боже, какъ они малы рядомъ со всѣмъ остальнымъ! Вонъ тамъ, среди моря, Англія, здѣсь Бельгія, тамъ Германія, а ниже Швейцарія и Италія. Все разные народы, съ разными обычаями, разными языками. За Германіей—Австрія и маленькая Сербія. Міръ на бумагѣ былъ малъ и тѣсенъ, и Франція занимала въ немъ лишь небольшое мѣсто. Но дорога впервые показала Периссу, какъ она велика.

Изъ катящагося ящика на колесахъ, въ которомъ тѣснились люди и вещи, онъ видѣлъ безконечныя убѣгающія дали. Сколько рѣкъ, сколько дорогъ, сколько лѣсовъ, сколько равнинъ, сколько различныхъ мѣстностей, не похожихъ на родныя ланды съ ихъ соснами и озерами! Послѣ карты, изображенія фиктивнаго, которое ничего не говорило его воображенію, передъ его глазами развертывалась настоящая Франція во плоти и крови—большая, богатая и обильная, со своими жатвами въ снопахъ и скирдахъ, со своими лугами, на которыхъ паслись стада коровъ, со своими рѣчками, окаймленными вербами, и колокольнями церквей, а также заводами, складами и доками вокругъ ея городовъ. Начиная съ Бордо, ничто не напоминало больше ландъ съ ихъ однообразіемъ.

Периссу, который, не задумываясь, сталъ бы защищать свою лачугу и свой клочокъ земли, если бы на нихъ напали, ощущалъ гордость при мысли, что они идутъ защищать все это—цѣлые округа, гдѣ находятся деревни, поважнѣе Бишалосса, и города больше и красивѣе, чѣмъ Байонна, съ женщинами, дѣтьми, молодыми дѣвушками и стариками, которые всѣ надѣются на нихъ, солдатъ. Да, все это была Франція. Въ этомъ словѣ, которое онъ безпрестанно повторялъ про себя съ торжественностью новообращеннаго, какъ будто эти семь буквъ получили для него новый, болѣе обширный и высокій смыслъ, Периссу открывалъ отечество.

Несмотря на жару, дорога не была очень утомительна. На всѣхъ остановкахъ толпы народа, стоявшія за барьерами вдоль полотна дороги, привѣтствовали ихъ поѣздъ громкими кликами. Они обгоняли другіе воинскіе поѣзда или пропускали ихъ мимо себя. На одномъ находились артиллеристы съ лошадьми и съ пушками, къ которымъ прикрѣпили зеленыя вѣтки. Вездѣ подъемъ духа этой молодежи придавалъ силу и вѣру въ побѣду. Периссу чувствовалъ, какъ души всѣхъ этихъ незнакомыхъ братьевъ поднимали его собственную душу, словно могучій валъ: онъ, ничтожно-маленькій, участвовалъ въ чемъ-то необъятно-великомъ! Газетныя извѣстія становились для него менѣе туманными. Нѣмцы вторглись въ Люксембургъ и Бельгію — безъ всякаго права, чтобы врасплохъ напасть на Францію; но мужественные бельгійцы не пропускаютъ ихъ. Вотъ это лихо! Вѣдь они—маленькій народъ, и нѣмцевъ во столько разъ больше, чѣмъ ихъ! Периссу подумалъ, что нѣмцы и въ самомъ дѣлѣ гадкій народъ, и ему страстно хотѣлось поскорѣе выпустить въ нихъ свою первую пулю.

Но, несмотря на это законное нетерпѣніе, ему пришлось дожидаться еще три недѣли. Три недѣли, въ теченіе которыхъ онъ не видѣлъ врага и зналъ только обозы, снабженіе провіантомъ, развѣдки и ночные караулы, и въ теченіе которыхъ онъ научился терпѣнію, а также началъ со слѣпой вѣрой относиться къ своимъ начальникамъ, которые исполняли свой долгъ съ безупречной самоотверженностью, внушали ему увѣренность въ конечной побѣдѣ и обращались съ нимъ и другими солдатами не какъ съ подчиненными, а скорѣе какъ съ товарищами въ великомъ и трудномъ общемъ дѣлѣ.

Подъ открытымъ небомъ, въ этой кочевой жизни, гдѣ человѣкъ долженъ разсчитывать на одного себя, Периссу чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Нѣсколько дней полировки и общенія съ людьми отшлифовали его. Въ его мозгу какъ будто просвѣтлѣло, выраженіе лица было уже не такимъ сосредоточеннымъ и взглядъ не такой устремленный въ себя, какъ раньше. Съ открытымъ лицомъ

и яснымъ взглядомъ исполнялъ онъ свои обязанности. Начальники замѣтили его, и это наполняло его гордостью.

Ему некогда было думать о своей хижинѣ, лодкѣ, ландахъ, о Кордеба и даже о Граціеннѣ. Но онъ думалъ о томъ, что то, что онъ дѣлаетъ теперь, есть дѣло хорошее и болѣе важное, чѣмъ то, что онъ дѣлалъ раньше. Однимъ словомъ, въ лицѣ большого отечества онъ защищалъ и свою маленькую родину. И ему хотѣлось совершить какой-нибудь геройскій подвигъ, чтобы и Кордеба и Граціенна гордились имъ.

Онъ находилъ, что война, несмотря ни на что, даже любопытное дѣло. Право, хотя уже появились транспорты раненыхъ! Иные были блѣдны, другіе рвались назадъ въ бой, третьи съ мутнымъ взглядомъ и землистымъ цвѣтомъ лица уже носили на себѣ печать смерти— и почти всѣ жалобно просили пить. Приводили также плѣнныхъ; иные изъ нихъ держались вызывающе, другіе были тупоравнодушны. Впервые въ жизни Периссу видѣлъ блиндированные автомобили, а главное—аэропланы, которые рѣяли въ воздухѣ, словно огромныя стрекозы. Когда онъ слышалъ вдали гулъ канонады, его сердце трепетало. Когда же, наконецъ, дойдетъ очередь до ихъ полка? Неужели только для другихъ есть работа?



Периссу вырвалъ знамя изъ рукъ падающаго врага и тотчасъ же почувствовалъ, что его лѣвая рука безпомощно опустилась.

Но вотъ однажды раздались свистки и тихая команда: полкъ долженъ былъ итти въ линію огня. Периссу посмотрѣлъ на товарищей. Нѣкоторые поблѣднѣли, другіе хмурились, кусая усы, но, несмотря на волненіе, никто не сплошалъ. Маленькій бѣлокурый сержантъ задорно ухмылялся, а полковникъ, который все-

гда ходилъ хмурый, потому что страдалъ печенью, въ первый разъ казался довольнымъ.

Прошли мимо обоза, перешли черезъ какой-то каналъ и направились полемъ къ холму, увѣнчанному шестью тощими тополями. Было около четырехъ часовъ вечера. Солнце казалось окруженнымъ вѣнцомъ изъ пыли и дыма. Слѣва стояла артиллерійская батарея и ея 75 - миллиметровыя орудія гремѣли безъ перерыва, съ головокружительной быстротой посылая куда-то въ пространство снарядъ за снарядомъ. А вотъ что-то со страннымъ свистомъ прорѣзало воздухъ, и нѣсколько непріятельскихъ снарядовъ упало неподалеку отъ двухъ передовыхъ развернутыхъ ротъ.

— Чемоданы!—сказалъ одинъ весельчакъ.—Берегись, задавятъ!

По командѣ полковника всѣ залегли за маленькимъ лѣскомъ. Одинъ снарядъ, взорвавшійся въ двадцати пяти метрахъ отъ нихъ, сдѣлалъ въ землѣ воронку, въ которой могъ бы помѣститься быкъ. Периссу, сердце котораго безумно колотилось въ груди, лихорадочно сжималъ въ рукахъ ружье. Ему казалось, что когда онъ выпуститъ свою первую пулю, онъ почувствуетъ себя совсѣмъ спокойнымъ. Лишь бы удалось попасть, убить на мѣстѣ! Съ какой стати ранить, заставлять страдать? Вѣдь сражаются для того, чтобы убивать. Какъ время тянется!

Ну вотъ, слава Богу! Поднимаются, бѣгутъ. Пробѣжали пятьдесятъ метровъ и опять ложись, ползи, пользуясь для прикрытія всѣми неровностями почвы. Надо еще продвинуться впередъ. А вотъ, наконецъ, и холмъ и шесть тополей. Да нѣтъ, ихъ только пять: одинъ начисто срѣзанъ снарядомъ. Тутъ, на холмѣ, уже настоящая битва: какой грохотъ! А пули-то такъ и свистятъ.

— Ложись и открывай огонь!

Наконецъ - то! Периссу выстрѣлилъ. Ружье сильно отдало ему въ плечо. Ему хотѣлось знать, попала ли его пуля, но онъ ничего не видитъ—ничего, кромѣ деревни, откуда поднимается пламя; и только съ трудомъ различаетъ, наконецъ, тамъ, вдали, маленькія точки, которыя оказываются касками. Нѣмцы укрѣпились въ домахъ и стрѣляютъ оттуда со всѣми удобствами, словно сидятъ у себя дома. Но погодите, мы вамъ покажемъ!

Слѣдомъ за пѣхотинцами прискакала галопомъ артиллерія, которая только что была слѣва; вмигъ орудія снимаютъ съ передковъ и начинается: бахъ! бахъ! бахъ! Видно, какъ деревня рушится, точно карточные домики. Черныя точки копошатся и суетятся, какъ потревоженные муравьи.

Теперь рота на ногахъ съ примкнутыми штыками. Ускореннымъ шагомъ, потомъ бѣгомъ, бросаются впередъ. Сосѣдъ Периссу падаетъ. Это былъ красивый парень, весельчакъ и балагуръ. А теперь, на тебѣ — прямо въ лицо! Что-то ударило Периссу. Комъ земли, камень? Нѣтъ, изъ шеи идетъ кровь, въ челюсти боль. Но онъ не остановится, конечно, изъ-за такого пустяка. Бѣлокурый сержантъ не ухмыляется больше, а кричитъ:

— Впередъ, ребята! Гони ихъ!

И глаза у него страшные, остановившіеся. Второй солдатъ падаетъ ничкомъ, протянувъ впередъ руки... Периссу бѣжитъ дальше. Впередъ! Его охватываетъ какое-то опьянѣніе. О да, мы погонимъ этихъ гадкихъ нѣмцевъ, которые убиваютъ женщинъ и дѣтей. Посмотримъ, выдержатъ ли они бой грудь съ грудью, лицомъ къ лицу!

Въ этотъ часъ, котораго онъ дожидался съ такимъ нетерпѣніемъ, Периссу чувствуетъ себя другимъ человѣкомъ. Онъ знаетъ, что сотни, тысячи его товарищей и братьевъ сражаются вмѣстѣ съ нимъ въ эту минуту, что многіе изъ нихъ уже ранены, убиты—и у него только одна мысль: прогнать врага. Наслѣдственныя качества расы одушевляютъ его—его, темнаго, ничтожнаго, невѣжественнаго, еще вчера жившаго лишь инстинктами, его, который ничего не знаетъ, ничего собою не представляетъ, но котораго мощное дуновеніе, идущее отъ всѣхъ французовъ, какіе жили раньше, живутъ нынѣ и будутъ жить послѣ, бросаетъ къ побѣдѣ и смерти простымъ величественнымъ героемъ.

Еще сто метровъ осталось. Теперь тридцать, десять... Онъ уже различаетъ нѣмцевъ и ихъ сѣрыя шинели. Схватка

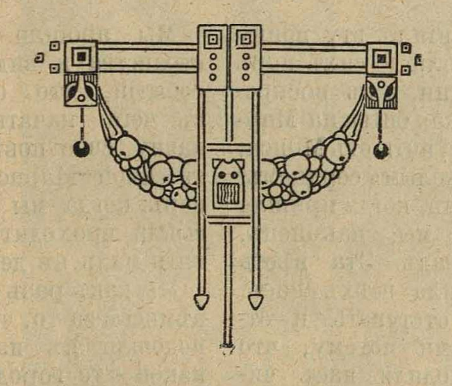
въ этомъ углу разрушенной деревни идетъ жестокая; бьются вокругъ непрiятельскаго знамени.

Периссу ринулся впередъ. Его штыкъ пронзилъ кого-то. Онъ стрѣляетъ въ знаменосца, и въ тотъ же мигъ чувствуетъ, что его лѣвая рука повисла безсильная, точно сломанная. Тѣмъ хуже! Онъ вырываетъ знамя изъ рукъ падающаго врага. Тотъ два раза въ упоръ разряжаетъ въ него револьверъ. Не попалъ! Товарищи окружаютъ его, толкаютъ его. Онъ цѣлъ со своимъ знаменемъ!..

Въ полевомъ госпиталѣ, гдѣ полковникъ пришелъ поздравить его, Периссу получилъ нашивки капрала и узналъ, что имя его будетъ упомянуто въ приказѣ по войскамъ! Только тогда онъ начинаетъ думать о своихъ ранахъ, отъ которыхъ сильно страдаетъ: у него оказалась пуля въ рукѣ и осколокъ шрапнели въ лѣвой челюсти. Но что за бѣда! Такiе пустяки! Это заживетъ. Зато деревня взята и нѣмцы показали пятки!

Периссу закрываетъ глаза и тихо вздыхаетъ. Только врачъ, перевязывающiй его, слышитъ, какъ онъ шепчетъ:

— Да, ничего тутъ не скажешь: мы всѣ исполнили свой долгъ!



МАРНСКАЯ ПОБѢДА.

Разсказъ участника.

Когда германцы, благодаря своему огромному численному превосходству, принудили британскій экспедиціонный отрядъ отступить отъ Монса, они упорно и непрерывно продолжали преслѣдовать его. Они терпѣли огромный уронъ, но были убѣждены, что не остановятся до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ Парижа. День за днемъ продолжалось отступленіе, безъ остановки и передышки, отъ 28-го августа до 6-го сентября. Но тутъ, соединившись съ французами, англичане перешли въ наступленіе и, послѣ четырехдневнаго отчаяннаго боя, извѣстнаго подъ названіемъ «битвы на Марнѣ, нѣмцы были отброшены съ огромными потерями къ Суассону. Этотъ великій поворотъ въ ходѣ войны описанъ на нижеслѣдующихъ страницахъ со словъ капрала Джилліама изъ Кольдстримскаго гвардейскаго полка.

Самыя жестокія сраженія въ эту войну почему-то происходили до сихъ поръ все въ воскресные дни, и въ воскресенье же началась великая битва на Марнѣ. Намъ пришлось отступить отъ Монса, и мы сдѣлали это съ тяжелымъ сердцемъ. Но мы забыли всю печаль, когда пришла радостная вѣсть, что мы, наконецъ, погонимъ нѣмцевъ назадъ. Эта вѣсть необыкновенно одушевила всѣхъ насъ.

Намъ пришлось все отступать и отступать передъ нѣмцами потому, что они безмѣрно превосходили насъ численностью, но мы и отступая причинили имъ не мало вреда и дали имъ не одинъ горькій урокъ. Когда мы дошли до рѣки Марны, гдѣ мы могли, наконецъ, встрѣтиться съ ними на равныхъ условіяхъ, они были убѣждены, что снова заставятъ насъ отступить. Къ этому времени они уже почти дошли до первыхъ фортовъ Парижа и уже приготовили, вѣрно, музыку, чтобы торжественно вступить въ столицу Франціи. Но вмѣсто того имъ пришлось бѣжать назадъ—и притомъ гораздо скорѣе, чѣмъ они пришли. Мы много разъ слышали нѣмецкую полковую музыку, но всякій разъ это было все дальше и дальше отъ Парижа.

Мы прошли такія огромныя пространства и видѣли столько великихъ событій, что очень трудно рѣшить, съ чего начать разсказывать. Но я начну свое повѣствованіе, пожалуй, не съ самой Марнской битвы, а съ тѣхъ поръ, когда мы еще отступали и привыкли проходить по двадцать-двадцать пять миль въ день.

Мы какъ разъ опять немного проучили нѣмцевъ за то, что они слишкомъ близко подошли къ намъ, и, пройдя черезъ какой - то городокъ, вступили въ лѣсъ. Тамъ я ненадолго отсталъ отъ своихъ. Вдругъ я слышу голоса, говорящіе безусловно не по-англійски, и вижу шесть нѣмцевъ, которые прямо бѣгутъ ко мнѣ. Я рѣшилъ, что мнѣ пришелъ конецъ, и говорю: «Ну, товарищъ, постоимъ за себя въ послѣдній разъ». Подобралъ ружье (это оно-то и есть «товарищъ») и шасть за дерево. Удивительно, какое чувство безопасности придаютъ хорошая винтовка и много патроновъ. Я подождалъ, пока нѣмцы не оказались на разстояніи ярдовъ ста отъ меня, тогда нацѣлился хорошенько и уложилъ двоихъ на мѣстѣ. Однако мое положеніе было критическое, потому что остальные четверо нѣмцевъ стали

перебѣгать отъ дерева къ дереву, выжидая лишь удобную минутку, чтобы броситься на меня. И, судя по всему, имъ не долго пришлось бы дожидаться, если бы на мое счастье трое нашихъ, изъ 17-ой полевой батареи, не явились мнѣ на подмогу. Они проходили мимо и, увидѣвъ въ чемъ дѣло, крикнули мнѣ: «Не шевелись. Мы съ ними покончимъ».

Нѣмцы въ это время находились уже ярдахъ въ пятидесяти отъ меня, все время стрѣляя въ меня изъ-за деревьевъ. Какъ я ихъ благословлялъ за то, что они такіе плохіе стрѣлки! Наконецъ они выскочили изъ-за своего прикрытія и прямо кинулись ко мнѣ. Но имъ удалось пробѣжать всего ярдовъ двадцать, когда мои спасители дали залпъ и, уложивъ ихъ на мѣстѣ, всѣхъ четверыхъ, спасли меня отъ печальной участи попасть въ плѣнъ къ нѣмцамъ и, можетъ - быть, и кое отъ чего похуже. Мы къ этому времени видѣли не мало доказательствъ варварскихъ жестокостей, которыя нѣмцы совершаютъ по отношенію къ тѣмъ, кого они берутъ въ плѣнъ— жестокостей, которыхъ можно было бы ожидать отъ дикарей, но никакъ не отъ народа хвастающагося своей культурностью.

4-ое сентября было послѣднимъ днемъ нашего отступленія, и въ этотъ день мы совсѣмъ не видали врага. Мы нѣсколько разъ переходили рѣку Марну и взрывали отступая, всѣ мосты. Но нѣмцы съ поразительной быстротой наводили черезъ рѣку собственные мосты и продолжали преслѣдованіе. Иной разъ они при этомъ ужъ черезчуръ торопились— и платились за это, какъ покажетъ нижеслѣдующій случай.



Я спрятался за деревомъ и, прицѣлившись хорошенько, уложилъ двоихъ на мѣстѣ.

Мы взорвали два моста черезъ Марну: одинъ—желѣзнодорожный, а другой—красивый каменный. Изъ нашей роты я перешелъ послѣднимъ черезъ этотъ мостъ до саперовъ, которые готовились взорвать его. Боже, какой трескъ, гулъ и грохотъ раздались, когда произошелъ взрывъ! Красивый мостъ, работы мно-

гихъ мѣсяцевъ, стоившій, вѣрно, десятки тысячъ франковъ, обратился въ груду обломковъ менѣе, чѣмъ въ пять секундъ.

Я стоялъ и смотрѣлъ на эту картину разрушенія, когда увидѣлъ нѣмецкій автомобиль, который съ бѣшеной скоростью мчался къ тому мѣсту, гдѣ раньше былъ мостъ. Нѣмцы, должно-быть, смотрѣли только на насъ и, увлекшись погоней, совсѣмъ не видѣли, что находится передъ ними, потому что они прямехонько понеслись къ зіяющей пропасти, оставшейся вмѣсто моста, и, не успѣли ахнуть, какъ очутились вмѣстѣ со своимъ автомобилемъ въ рѣкѣ.

Наше отступленіе было рядомъ боевъ, описаніе каждаго изъ которыхъ могло бы составить отдѣльный длинный разсказъ. Мы шли и сражались, сражались и шли въ страшную августовскую жару и были счастливы, когда могли лечь на голую землю, имѣя подъ головой кучку песку или снопъ хлѣба, вмѣсто подушки. Въ концѣ-концовъ, мы такъ близко подошли къ Парижу, что его форты открыли огонь по нѣмцамъ, преслѣдовавшимъ насъ, и это было началомъ того боя, который будетъ, я увѣренъ, концомъ нѣмцевъ.

Намъ удалось, наконецъ, войти въ соприкосновеніе съ французской арміей, и мы перешли къ активной оборонѣ и наступленію. Французы обошли нѣмцевъ и заставили ихъ повернуть къ Куломье, небольшому городку на Марнѣ; а затѣмъ мы, продолжая дѣло, прогнали ихъ за этотъ городъ. Большая часть этой работы пришлась на долю насъ, гвардейцевъ; но то, что мы тутъ дѣлали, въ это же самое время дѣлали, разумѣется, и другіе британскіе и французскіе полки чуть не на всемъ далеко растянувшемся боевомъ фронтѣ.

Вечеромъ 5 сентября мы лежали въ траншеяхъ, которыя вырыли вдоль берега какого-то канала возлѣ Куломье, и поджидали нѣмцевъ. 21-го они, дѣйствительно, не замедлили явиться. Уже темнѣло, когда мы замѣтили три ихъ аэроплана, рѣющихъ въ небѣ, словно птицы. Мы къ этому времени видали уже не мало германскихъ аэроплановъ и знали, чего теперь надо ждать. Они хотѣли разузнать наше положеніе, чтобы сообщить артиллеристамъ прицѣлъ.

Внезапно аэропланы выпустили нѣсколько голубыхъ огненныхъ шариковъ. Это былъ очень красивый фейерверкъ, но намъ некогда было любоваться имъ, потому что нѣмецкая артиллерія немедленно начала жарить по насъ изъ орудій, да такъ, что, лежа въ траншеяхъ, мы чувствовали, какъ земля дрожала.

Подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, нѣмцы—32-ая пѣхотная бригада, если не ошибаюсь—бросились къ тому берегу канала и открыли по насъ ружейный огонь; но мы не остались въ долгу, и стали осыпать ихъ такимъ дождемъ пуль, что они очень скоро принуждены были убраться назадъ, оставивъ на берегу канала груды убитыхъ и раненыхъ.

Я не буду разсказывать все по порядку, но разскажу о стычкахъ, которыя произошли на Марнѣ и въ которыхъ наша пѣхота и артиллерія уложили не мало нѣмцевъ, преимущественно уланъ, которые, по-моему, очень посредственные солдаты, даромъ, что такъ хвастаютъ.

Наши развѣдчики вернулись съ извѣстіемъ, что нѣмецкій арьергардъ окопался на разстояніи полуторы мили отъ насъ, на берегу Марны. Намъ приказали, по обыкновенію, разсыпаться цѣпью, и передовыя цѣпи пошли впередъ, между тѣмъ, какъ главныя силы залегли сзади.

Не прошли мы и 900 ярдовъ, какъ нѣмецкая пѣхота открыла по насъ огонь. Мы отвѣчали и завязалась жаркая перестрѣлка. Но, кромѣ того, у насъ былъ припасенъ для нѣмцевъ небольшой сюрпризъ. Дѣло въ томъ, что съ нами находилось нѣсколько нашихъ, британскихъ, кавалерійскихъ полковъ, и они незамѣтно пробрались до лѣска, откуда могли врасплохъ ударить на нѣмцевъ. Какъ только они были готовы къ атакѣ, они намъ подали сигналъ, и мы одновременно бросились на нѣмцевъ,—кавалеристы во весь карьеръ, а мы, гвардейцы, бѣгомъ, хотя у насъ были тяжелыя сумки на спинѣ, а въ такую жару лишняя тяжесть дѣлаетъ и безъ того нелегкій трудъ атаки еще несравненно тяжелѣе. Но въ такую минуту не думаешь ни о жарѣ ни о тяжести—чувствуешь только возбужденіе и опьянѣніе битвы, а также радость отъ сознанія, что отплачиваешь лиходѣямъ по заслу-

гамъ за страдающій, обиженный народъ.

Мы, гвардейцы, и наши кавалеристы съ такой ужасной силой обрушились на нѣмцевъ, что смяли ихъ и выбили изъ траншей.

Это была жестокая и кровавая схватка, и такихъ было еще много. Въ концѣ-концовъ, мы совершенно разбили данную часть нѣмецкаго арьергарда и захватили массу плѣнныхъ. Многіе изъ этихъ плѣнныхъ были даже рады, что попали въ плѣнъ. У большинства изъ нихъ, повидимому, было такое чувство. Я помню, какъ одинъ изъ нихъ, офицеръ, сказалъ на хорошемъ англійскомъ языкѣ: «Слава Богу, что меня взяли въ плѣнъ! Теперь, по крайней мѣрѣ, не буду больше голодать!»

Кстати, разъ рѣчь зашла объ атакахъ, я укажу, что мы и нѣмцы ходимъ въ атаку совершенно различнымъ образомъ. Нѣмцы стараются какъ можно больше шумѣть, бьютъ въ барабаны, трубятъ въ трубы — прямо адъ какой-то! Ну, и, разумѣется, идутъ съ развѣвающимися знаменами. Мы же никакихъ знаменъ не носимъ съ собой (мы оставляемъ ихъ дома); нѣтъ у насъ также никакого барабаннаго боя, никакихъ трубныхъ звуковъ. Часто сигналомъ къ атакѣ является только движеніе руки офицера или краткая команда. Но это вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ практическимъ цѣлямъ и заставляетъ насъ бросаться впередъ не менѣе быстро и отважно, чѣмъ сколько угодно шуму.

Послѣ первой стычки, когда мы прогнали нашихъ нѣмцевъ изъ траншей, мы думали, что уже совсѣмъ прогнали ихъ на ту сторону Марны и что они теперь начали отходить назадъ—къ Берлину. Но неожиданно мы были атакованы значительными силами ихъ кавалеріи, которая находилась, оказывается, въ засадѣ, на растояніи менѣе чѣмъ въ тысячѣ ярдовъ отъ насъ. Германскіе кавалеристы неслись на насъ бѣшенымъ галопомъ и, казалось, что намъ



Нѣмецкій автомобиль несся прямо къ тому мѣсту, гдѣ былъ мостъ, и я видѣлъ, какъ онъ исчезъ въ пропасти.

придется очень плохо. Нашихъ тутъ были: нашъ Кольдстримскій, да еще Ворчестерскій и Камеронскій полки.

Нѣмцы уже были менѣе чѣмъ въ ста ярдахъ отъ насъ. Тогда мы кинулись на нихъ, и они такъ и повалились съ сѣделъ, словно кегли. Наша контръ-атака оказалась для нихъ слишкомъ горячей. Одинъ изъ ихъ офицеровъ скомандовалъ что-то, они повернули коней и ускакали прочь—въ безопасное мѣсто, какъ они думали. Но въ дѣйствительности они неслись прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояла часть французской артиллеріи.

Когда они достаточно приблизились, французы открыли огонь, и снаряды посыпались на всадниковъ, буквально уничтожая ихъ, разрывая на куски людей и лошадей. А изъ тѣхъ, что уцѣлѣли, французы взяли въ плѣнъ около ста пятидесяти человѣкъ. Это было славное дѣло, и оно помогло намъ запомнить нашу первую встрѣчу съ нашими союзниками-французами на Марнѣ.

Артиллерійскій огонь на Марнѣ былъ ужасенъ по своимъ дѣйствіямъ и оглушителенъ по своему шуму; иной разъ казалось, что самый воздухъ превратился въ твердое тѣло, которое гудитъ и гремитъ вокругъ васъ. Но мы скоро привыкли ко всему этому и смѣялись, и курили, и шутили, сидя въ траншеяхъ, гдѣ сзади насъ были углубленія, которыя мы назвали «кроликовыми норками». Эти «норки» были хорошо прикрыты сверху и являлись полезной защитой отъ снарядовъ. Когда непріятельскій огонь становился черезчуръ сильнымъ, мы забирались въ наши норки.

Приблизительно въ полдень 6 сентября насъ послали впередъ къ берегу рѣки, гдѣ мы оказались передъ значительной силой нѣмцевъ, у которыхъ были съ собой гаубичныя батареи. Эти гаубицы причиняютъ ужасный уронъ, а газы ихъ лиддитныхъ снарядовъ страшно ядовиты и смертоносны: они распространяются на большое разстояніе и убиваютъ всѣхъ людей кругомъ. Было около четырехъ часовъ пополудни, когда нѣмцы начали жарить по насъ изъ гаубицъ, при чемъ они обстрѣливали насъ вдоль. Но окопы давали намъ хорошую защиту, и нѣмцамъ не долго пришлось позабавиться, — они причинили намъ сравнительно мало вреда. Здѣсь опять наши войска припасли для нѣмцевъ одинъ изъ многочисленныхъ сюрпризовъ, съ которыми имъ пришлось встрѣтиться на берегахъ Марны. Одна изъ нашихъ батарей короткихъ гаубицъ—четыре орудія—незамѣтно пробрались вдоль берега рѣки и спряталась въ кустахъ справа отъ нѣмецкихъ гаубицъ, между тѣмъ какъ одна батарея нашей полевой артиллеріи заняла командующую позицію слѣва, такъ что нѣмцы очутились между двухъ огней. Потомъ раздалась команда: «Десять залповъ быстраго огня!»

Но десяти залповъ даже не потребовалось. Уже послѣ четырехъ залповъ, нѣмецкая батарея была приведена къ молчанію. Но это, повидимому, не произвело особаго впечатлѣнія на врага, потому что онъ послалъ противъ насъ еще новые и новые отряды пѣхоты, которые положительно наводнили всю мѣстность. Пѣхоту все время подвозили на безчисленныхъ поѣздахъ и автомобиляхъ.

Тутъ мы возобновили знакомство съ особаго рода германскими стрѣлками, которыхъ мы прозвали «drop-shots». Кажется, во всей германской арміи имѣется только одна бригада такихъ стрѣлковъ, и надо отдать имъ справедливость, что они очень хорошо знаютъ свое дѣло. Они опускаются на одно колѣно и, прикладывая ружье къ бедру, стрѣляютъ въ воздухъ подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ. Пуля описываетъ въ воздухѣ большую дугу и падаетъ прямо на васъ, сидящихъ въ траншеяхъ или за прикрытіями. На Марнѣ эти стрѣлки находились отъ насъ на разстояніи всего четырехсотъ съ чѣмъ-то ярдовъ, но видимо они никакъ не могли взять точный прицѣлъ, такъ какъ ихъ пули падали впереди насъ или позади насъ, не причиняя вреда.

Съ полчаса эти drop-shots продолжали свою игру съ нами, но видя, что не могутъ причинить намъ никакого вреда, они прекратили ее, тѣмъ болѣе, что мы начали выбивать ихъ изъ позицій нашимъ огнемъ. Поистинѣ адская ружейная перестрѣлка происходила между войсками, окопавшимися по ту и другую сторону рѣки Марны, и вода, ставшая

совсѣмъ красной отъ крови, то и дѣло уносила трупы солдатъ.

Бой становился всегда особенно жаркимъ, когда нѣмцы сосредоточивали въ одномъ мѣстѣ массы своихъ войскъ, бѣшено бросая на насъ свои полки въ тщетной попыткѣ пробиться къ Парижу. Каждая схватка тогда бывала ужасной, и одна изъ самыхъ свирѣпыхъ схватокъ произошла на улицахъ Куломье.

Городъ Куломье былъ, разумѣется, почти всецѣло предоставленъ намъ, войскамъ, потому что мы предупредили жителей, чтобы они уходили отъ нѣмцевъ поскорѣе и подальше. Бѣдняги! Ихъ не требовалось даже уговарить. Они уже знали «культурность» нѣмцевъ, и, захвативъ съ собой только то, что можно было собрать наспѣхъ, они немедленно бѣжали. Дороги, ведущія къ Парижу, чернѣли отъ этихъ толпъ бѣженцевъ. Во время сраженія въ Куломье луна такъ ярко свѣтила—дѣло происходило ночью—что можно было бы даже кроликовъ стрѣлять.

Время было около восьми часовъ вечера, когда мы дошли до Куломье. Мы какъ разъ собирались отдохнуть и поѣсть, когда два нѣмецкихъ снаряда упали среди насъ, убивъ четверыхъ и ранивъ четырнадцать. Мы вскочили, примкнули штыки къ ружьямъ и пошли было въ атаку на нѣмцевъ, но ихъ снаряды заставили насъ остановиться и лечь на землю, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ они безпрерывно палили по насъ изъ орудій. Къ счастью, они взяли слишкомъ дальній прицѣлъ и снаряды только перелетали черезъ насъ, вмѣсто того, чтобы попадать въ насъ.



Когда кавалеристы приготовились къ атакѣ, они подали намъ сигналъ и мы вмѣстѣ бросились на нѣмцевъ.

Мы лежали до десяти часовъ вечера когда получили приказъ итти въ атаку. Мы снова вскочили—мы мало-по-малу начали привыкать къ атакамъ—и опять бросились впередъ, пробѣжали со всѣхъ

ногъ ярдовъ сто по улицѣ, и опять бросились на землю.

Нѣмцы такъ и жарили въ насъ изъ ружей, и если бы ихъ огонь былъ мѣткимъ, никого изъ насъ, вѣроятно, не осталось бы въ живыхъ. Но именно мѣткости имъ недоставало, и мы отдѣлались потерей всего нѣсколькихъ человѣкъ. Пролежавъ минутъ пять, мы опять вскочили и побѣжали дальше, по главной улицѣ.

Это было жаркое дѣло, и мы могли гордиться нашей лихой атакой, особенно, когда нѣмцы начали выскакивать изъ дверей всѣхъ домовъ, бросаясь наутекъ, чтобы спасти свою жизнь. Они стрѣляли въ насъ изъ верхнихъ оконъ, а когда увидали, что мы не шутимъ и идемъ напроломъ, сломя голову начали выбѣгать изъ домовъ.

Мы преслѣдовали ихъ, и буквально вывели изъ города, а потомъ наткнулись на кучку нѣмцевъ, которые уже никуда не годились. Они разграбили всѣ винныя лавки города и перепились до того, что едва держались на ногахъ. Отъ Монса до Марны, замѣчу кстати, не одинъ нѣмецъ былъ убитъ или взятъ нами въ плѣнъ пьянымъ.

Выгнавъ непріятеля изъ Куломье, мы остановились, потому что дальше у нѣмцевъ были наготовѣ для насъ четыре батареи и дивизіонъ кавалеріи. Поэтому мы отступили къ центру города и подождали тамъ, пока не подоспѣли двѣ наши батареи тяжелыхъ орудій. Тогда мы заняли обѣ пересѣкающіяся главныя улицы; въ концѣ каждой изъ нихъ было поставлено по два орудія, и рѣшили, что битва была кончена на этотъ день.

Но около полуночи нѣмцы снова начали осыпать насъ снарядами. Адскій гулъ стоялъ въ воздухѣ отъ ихъ страшной канонады, кирпичи, камни и щепки летѣли во всѣ стороны, во многихъ мѣстахъ дома горѣли. Намъ лично эти снаряды причинили мало вреда, но дома пострадали ужасно. Бомбадировка продолжалась приблизительно до половины третьяго утра, когда, къ нашему великому изумленію, мы увидѣли, что нѣмцы бѣгутъ прямо на насъ по улицѣ.

— Лежите смирно, рябята, дайте имъ подойти,—скомандовали наши офицеры.

Мы это исполнили и лежали совсѣмъ смирно, пока нѣмцы уже были почти совсѣмъ возлѣ насъ. Тогда раздался новый приказъ:

— Десять залповъ одинъ за другимъ!

Мы выпустили всѣ десять залповъ менѣе чѣмъ въ одну минуту и прямотаки скосили нѣмцевъ. Ихъ убитые и раненые кучами лежали на мостовой и на тротуарахъ, когда мы вскочили и со штыками на перевѣсъ бросились преслѣдовать оставшихся въ живыхъ. На этотъ разъ мы погнали ихъ до самыхъ жерлъ ихъ орудій, гдѣ намъ необычайно повезло. Артиллеристы, увидѣвъ насъ, обратились въ бѣгство, и мы смяли ихъ, и смяли ихъ пѣхоту и пробѣжали прямо черезъ батареи и продолжали преслѣдовать врага, который бѣжалъ передъ нашими штыками.

На протяженіи цѣлыхъ трехъ миль продолжали мы гнать ихъ. Это былъ долгій и свирѣпый бой при лунномъ свѣтѣ, но зато мы, въ концѣ-концовъ, окончательно утвердились въ Куломье и захватили шесть батарей нѣмецкихъ орудій и около тысячи плѣнныхъ.

Казалось бы, мы уже достаточно поработали и пора бы отдохнуть, но только что мы усѣлись, чтобы выпить чего-нибудь горяченькаго—въ чемъ мы очень нуждались—какъ раздался крикъ: «Впередъ, ребята! Погонимъ ихъ еще!» Мы опорожнили наши фляжки, которыя были полны горячаго кофе съ ромомъ, и опять побѣжали гнать нѣмцевъ. Къ утру ихъ уже не было подъ Куломье. Мы были очень довольны этимъ, а также количествомъ захваченныхъ нами трофеевъ.

Въ теченіе двухъ съ половиной сутокъ я участвовалъ въ великой битвѣ на Марнѣ, но затѣмъ былъ раненъ осколкомъ шрапнели, которая попала мнѣ въ бедро и вырвала большой кусокъ мяса. Когда я увидѣлъ хлынувшую кровь, я подумалъ, что мнѣ конецъ. Докторъ сказалъ мнѣ послѣ, что это въ самомъ дѣлѣ легко могло быть такъ, будь рана немного глубже. Это былъ очень славный докторъ, ласковый и добрый, и вскорѣ послѣ того онъ былъ убитъ, исполняя свои обязанности подъ огнемъ. Его имя было упомянуто въ донесеніяхъ вмѣстѣ съ именами наиболѣе отличившихся офи-

церовъ. Я помню одного изъ нихъ, штабъ-офицера Кольдстримскаго полка, который во время жаркаго сраженія, стоялъ заложивъ руки въ карманы, наблюдая, какъ идутъ наши дѣла, и восклицалъ: «Ребята, это отлично, замѣчательно! Мы скоро будемъ на той сторонѣ рѣки».

И мы дѣйствительно вскорѣ были тамъ, хотя для того чтобы перейти Марну одно время намъ пришлось биться, стоя по поясъ въ водѣ.

Марнская битва была долгимъ и труднымъ сраженіемъ послѣ долгаго и труднаго отступленія. Но она была также славной побѣдой. Намъ пришлось испытать не мало лишеній, но радость одержанной побѣды вполнѣ вознаградила насъ за нихъ, и мы всегда были бодры и веселы и часто пѣли пѣсни, причемъ пѣсенкѣ о «Тіпперагу» неизмѣнно принадлежало почетное мѣсто.

Мы часто видѣли сэра Френча и генерала Жоффра, и я могу вамъ сказать, что появленіе нашего великаго главнокомандующаго было для насъ всегда не меньшей радостью, чѣмъ побѣда, потому что мы прямо боготворимъ его. Сэръ Френчъ — джентльменъ съ головы до ногъ и другъ каждаго солдата. Онъ приходилъ къ намъ въ траншеи и стоялъ, заложивъ руки въ карманы, обращая на нѣмецкія снаряды и пули, летавшіе и лопавшіеся кругомъ, ровно столько же вниманія, какъ если бы это ребятишки стрѣляли горохомъ.

Одинъ разъ онъ обходилъ наши траншеи и спрашивалъ по обыкновенію:

— Ну, что, ребята, всѣмъ довольны?

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣтили ему,—намъ бы очень хотѣлось получить немного воды.



Нѣмцы выскакивали изъ всѣхъ домовъ, бросаясь наутекъ, чтобы только спасти свою жизнь.

И мы, дѣйствительно, очень нуждались въ водѣ, потому что погода стояла такая жаркая, что мы прямо-таки варились въ собственномъ соку въ нашихъ мундирахъ и съ нашимъ тяжелымъ снаряженіемъ.

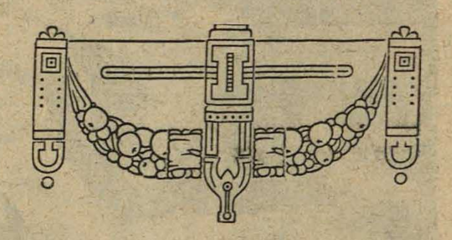
— Хорошо, я распоряжусь,—отвѣтилъ сэръ Френчъ. И сейчасъ же повернулся,

подозвалъ нѣсколько обозныхъ служителей и приказалъ имъ немедленно принести намъ воды.

Генералъ Жоффръ тоже общій любимецъ. Онъ хорошо говоритъ по-англійски. Однажды онъ пришелъ къ намъ въ траншеи и спрашиваетъ, не нуждаемся ли мы въ чемъ-нибудь? Мы въ это время страшно стосковались по папиросамъ и сказали ему это. Онъ сейчасъ же досталъ изъ кармана коробку, въ которой было штукъ сто папиросъ, и роздалъ ихъ намъ.

Я теперь настолько поправился, что скоро могу вернуться во фронтъ, и мнѣ очень хочется поскорѣе попасть снова въ линію огня и участвовать опять въ штыковыхъ атакахъ, потому что именно штыковыя атаки—это та метла, которая лучше всего выметаетъ нѣмцевъ.

Я служу въ Кольдстримскомъ полку вотъ уже свыше двѣнадцати лѣтъ и всегда гордился этимъ; но никогда еще я не испытывалъ такой гордости, какъ теперь, когда прочелъ, что сказалъ нашъ главнокомандующій о насъ въ своихъ донесеніяхъ.





НАПАДЕНІЕ ПОДВОДНЫХЪ ЛОДОКЪ.

Разсказъ матроса одного изъ погибшихъ крейсеровъ.

Во вторникъ 22 сентября 1914 года три большихъ британскихъ крейсера рано утромъ подверглись въ Сѣверномъ морѣ нападенію нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ и пошли ко дну, при чемъ погибло около 1500 человѣкъ матросовъ и офицеровъ. Эти крейсера были: *Абукиръ*, *Кресси* и *Хогъ*. Каждый изъ нихъ былъ вмѣстимостью въ 12.000 тоннъ, имѣлъ скорость 22 узла и стоилъ 750.000 ф. ст. Это были военныя суда устарѣлаго типа, и до войны было даже рѣшено продать ихъ. Нижеслѣдующее описаніе этого трагическаго событія написано со словъ Ч. Нэрза, одного изъ спасшихся матросовъ съ крейсера *Хогъ*.

Утромъ 22-го сентября мы находились въ Сѣверномъ морѣ, гдѣ нашъ *Хогъ*, а также *Абукиръ* и *Кресси* несли сторожевую службу, охраняя британскія торговыя суда и слѣдя за тѣмъ, чтобы нѣмцы не разбрасывали минъ. День былъ ясный и тихій, но по морю все-таки ходили большія волны, потому что за послѣднее время почти безпрестанно дули штормы. Собственно говоря, это былъ первый погожій день за цѣлую недѣлю.

Я спалъ на своей койкѣ, когда неожиданно затрубили «зорю». Мы поднялись и узнали, что одинъ изъ нашихъ крейсеровъ идетъ ко дну. Мы мигомъ вскочили и одѣлись и, не теряя времени, бросились на палубу. Тамъ я увидѣлъ, что *Абукиръ*, который находился ярдахъ въ шестистахъ отъ насъ, медленно кренится на бокъ, и что мы на всѣхъ парахъ спѣшимъ къ нему на помощь. Сначала мы подумали, что онъ наскочилъ на мину, но мы скоро узнали, что это не такъ, а что на него напала нѣмецкая подводная лодка и выпустила въ него торпеду. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были возлѣ *Абукира* и лихорадочно принялись за дѣло спасенія его экипажа. Было ясно, что *Абукиръ* тонетъ, что многіе изъ его экипажа погибли при взрывѣ торпеды, и что тѣмъ, которые находятся въ нижнихъ помѣщеніяхъ, въ машинномъ отдѣленіи и топкѣ, врядъ ли удастся спастись.

Мы немедленно поспѣшили спустить на воду тѣ немногія лодки, которыя остались у насъ на борту. Ихъ было всего три, такъ какъ нашъ крейсеръ былъ приведенъ въ боевой порядокъ и большую часть лодокъ убрали. Это дѣлается для того, чтобы на палубахъ оставалось какъ можно меньше деревянныхъ предметовъ, которые снаряды могли бы расщепить. Тѣмъ временемъ многіе матросы съ *Абукира* сами подплыли къ намъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ, сильно пострадавшихъ при взрывѣ, пришлось отнести въ лазаретъ, гдѣ имъ начали оказывать медицинскую помощь. Нападеніе явилось очень неожиданно, и надо сказать, что изъ всѣхъ нападеній такое, т.-е. атака подводной лодки, самое худшее, потому что отъ него труднѣе всего уберечься. Однако никакой паники не замѣчалось и, видя, какъ спокойно все происходитъ, можно было подумать, что дѣло идетъ не о жизни и смерти, а что наши три крейсера попросту производятъ какіе-нибудь учебные маневры.

Я находился на ютѣ, у праваго борта, и могъ оттуда видѣть почти все, что дѣлалось. Съ необыкновенной ловкостью и быстротой наши двѣ спасательныя

шлюпки были спущены на воду и понеслись къ *Абукиру*, и немедленно же стали спускать и нашъ гребной баркасъ. Этотъ баркасъ могъ поднимать сто человѣкъ заразъ, и наши матросы не потратили ни одной секунды лишней, спуская его. Спускомъ распоряжался самъ помощникъ командира, м-ръ Филипсъ Волли, хотя ему сильно нездоровилось и онъ даже совсѣмъ лежалъ въ постели незадолго передъ тѣмъ. Онъ стоялъ на заднемъ мостикѣ, и я ясно видѣлъ его и слышалъ приказанія, которыя онъ отдавалъ. Больше я его съ тѣхъ поръ не видѣлъ. Онъ—одинъ изъ погибшихъ.



Торпеда пробила въ корпусѣ огромную дыру, и крейсеръ тотчасъ же сталъ крениться на бокъ.

Баркасъ спустили, и гребцы уже взялись за весла, чтобы поспѣшить къ *Абукиру*, когда вдругъ раздался страшный взрывъ, и часть палубы, на которой я стоялъ, взлетѣла на воздухъ. Силой взрыва меня оглушило на мгновеніе. Сперва я подумалъ, что мы наскочили на мину, но почти сразу же раздался подо мной второй взрывъ, и я понялъ, что мы тоже атакованы подводной лодкой. Торпеды пробили огромную дыру, и *Хогъ* сразу началъ крениться на правый бокъ.

Я ни на іоту не отступлю отъ истины, если скажу, что никакого смятенія, никакой паники не было, и что всѣ на *Хогѣ* оставались совершенно спокойными и дѣлали свое дѣло такъ, словно никакой катастрофы не произошло. Война есть война, и мы были готовы ко всему—а дисциплина британскаго флота всегда остается на должной высотѣ въ критическія минуты.

Разумѣется, было немало шуму, офицеры отдавали приказанія, а матросы носились взадъ и впередъ, выполняя ихъ. Но все это дѣлалось замѣчательно хладнокровно, безъ всякой сумятицы. Офицеры подавали намъ прекрасный примѣръ мужества и хладнокровія, и матросы не менѣе прекрасно слѣдовали



Намъ велѣли бросить въ воду все, что могло плавать на водѣ, и спасаться, кто какъ можетъ.

ему. Они ничего не дѣлали самовольно, а спокойно ожидали приказаній, совсѣмъ какъ въ обычное время.

Капитанъ находился на переднемъ мостикѣ, и я слышалъ, какъ онъ крикнулъ что-то. Я не могъ хорошенько разобрать, что онъ говоритъ, но понялъ, что онъ велитъ намъ всѣмъ спасаться, кто какъ можетъ. Намъ велѣли сбросить одежду и взять что-нибудь деревянное, что можетъ плыть на водѣ. Мы мигомъ исполнили это, а потомъ по новой командѣ многіе изъ насъ прыгнули за бортъ. Мы надѣялись тогда, что всѣхъ насъ подберутъ на *Кресси*, который еще былъ цѣлъ и невредимъ и дѣятельно старался спасти обѣ команды—съ *Абукира* и съ нашего крейсера. Однако и *Кресси* тоже получилъ торпеду, и нѣсколько минутъ спустя было ясно, что всѣ три судна идутъ ко дну.

А такъ какъ поблизости не было другихъ нашихъ судовъ, то наше положеніе было довольно отчаянное, такъ какъ мы, разумѣется, даже не надѣялись, что наши враги чѣмъ-нибудь помогутъ намъ. Вѣдь это же были нѣмцы! Но все, что мы сами могли сдѣлать для своего спасенія, мы сдѣлали, не теряя ни минуты. Вскорѣ море кругомъ было покрыто самой удивительной коллекціей вещей, которыя мы побросали за бортъ, чтобы было за что держаться. Столы, стулья, весла, багры, запасныя реи, всевозможная мебель изъ офицерскихъ каютъ, какъ-то ящики комодовъ и т. д.— все это плавало вперемѣшку. И во всемъ этомъ была большая нужда, ибо море положительно кишѣло людьми, которые боролись за жизнь съ захлестывающими ихъ волнами и знали, что борьба будетъ долгой и тяжелой.

Чтобы разсказать хорошенько все, что случилось, нужно много времени, но произошло все это очень быстро, буквально въ нѣсколько минутъ—по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло идетъ о нашемъ крейсерѣ. Насколько мнѣ извѣстно, въ него попали три торпеды: первыя двѣ почти сразу одна за другой, въ то же самое мѣсто, а третья—минуту спустя. Въ переднемъ концѣ торпеды находится, какъ извѣстно, большой зарядъ пироксилина, который, взрываясь при ударѣ торпеды о судно, дѣлаетъ въ суднѣ пробоину. А первая торпеда, попавшая въ нашъ крейсеръ, вдобавокъ ко всему еще взорвалась, повидимому, подъ крюйтъ-камерой нашихъ орудій.

Этимъ можно объяснить страшное дѣйствіе взрыва.

Какъ только первая торпеда попала въ *Хогъ*, онъ сталъ осѣдать на корму и крениться на бокъ. Но онъ пошелъ ко дну кормой впередъ прежде, чѣмъ успѣлъ окончательно опрокинуться.

Шумъ и грохотъ были прямо невѣроятные, когда всѣ четыре трубы сорвались со своихъ проволочныхъ поддержекъ и рухнули за бортъ, а вода проникла въ топки, и оттуда повалили густые клубы пара.

Нѣмцы хвалятся, будто все это сдѣлано одной единственной подводной лодкой, но это чистѣйшая ерунда. Одна подводная лодка никогда не можетъ натворить столько бѣдъ по той простой причинѣ, что на ней не бываетъ такого количества торпедъ. Я убѣжденъ, что въ нападеніи участвовало по меньшей мѣрѣ съ полдюжины подводныхъ лодокъ, а двѣ я безусловно видѣлъ собственными глазами, когда находился въ водѣ: онѣ выпускали торпеды въ *Кресси*. Онѣ шли прямо среди барахтающихся въ водѣ людей, и говорятъ, это было странное ощущеніе—чувствовать, какъ торпеда несется черезъ воду подъ ногами. Самъ я этого не чувствовалъ, но я почувствовалъ сотрясеніе взрыва, когда первая торпеда попала въ *Кресси*; это сотрясеніе съ огромной силой передалось по водѣ въ нашу сторону.

Не сладко было намъ, барахтающимся въ холодной водѣ. И волны, которыя того и гляди захлестнутъ и эти подводныя лодки, и торпеды, несущіяся подъ нашими ногами. А тутъ еще на *Кресси* замѣтили подводныя лодки и немедленно открыли по нимъ сильный огонь. Главный канониръ, м-ръ Догерти, замѣтилъ одну изъ нихъ, какъ только ея перископъ появился изъ воды, и первымъ же выстрѣломъ, кажется, сбилъ перископъ; а слѣдующіе два выстрѣла пустили ее ко дну, откуда она уже не выплыветъ больше. И подѣломъ ей! Нѣмцы намъ подстроили скверную штуку. Въ то

время, какъ незадолго до того, въ Гельголандской бухтѣ, мы дѣлали все отъ насъ зависящее, чтобы спасти тѣхъ изъ нихъ, кого еще можно было спасти,—они и пальцемъ не шевельнули, чтобы вытащить хоть одного изъ нашихъ изъ воды. Разумѣется, на войнѣ какъ на войнѣ, но эта атака на вспомогательные крейсеры была довольно-таки разбойничьей, и я не думаю, чтобы британскія подводныя лодки стали такъ поступать.

Много жуткаго пришлось увидѣть за эти нѣсколько минутъ, но я не хочу останавливаться на этихъ страшныхъ картинахъ. Скажу только, что много людей было разорвано на куски при взрывахъ или задавлено падающими предметами, ушиблено, ошпарено! Тѣ, которые находились въ нижнихъ помѣщеніяхъ, въ машинномъ отдѣленіи, въ топкѣ и т. д., погибли почти всѣ. Они не могли спастись, они были буквально заперты тамъ—и погибли, какъ герои, на своемъ посту.

Самъ я, какъ вышелъ на ютъ, такъ уже не пытался сойти внизъ. Но нѣкоторые изъ нашихъ пытались, и сразу же были буквально вышвырнуты назадъ потоками воды, которые ринулись въ судно черезъ пробоины.

Одинъ изъ нашихъ спасся чудеснымъ образомъ. Онъ побѣжалъ внизъ за койкой и уже схватилъ ее, когда вода хлынула и отрѣзала ему отступленіе. Казалось, онъ долженъ былъ погибнуть, какъ мышь въ мышеловкѣ, но потокъ воды донесъ его до одного изъ пушечныхъ портовъ—отверстій въ бортѣ, закрываемыхъ стальными ставнями—и вышвырнулъ его въ море, гдѣ онъ имѣлъ хоть нѣкоторый шансъ спастись.

Я видѣлъ, какъ всѣ три крейсера пошли къ дну, и это было ужасное зрѣлище. Первымъ пошелъ ко дну *Хогъ*—минутъ черезъ семь, не больше, послѣ того, какъ въ него попала первая торпеда. *Абукиръ* затонулъ гораздо медленнѣе; онъ продержался на водѣ, пожалуй, цѣлыхъ полчаса, если не больше, послѣ того, какъ въ него попала торпеда. Послѣднимъ затонулъ *Кресси*. Онъ кренился очень медленно, и прошло много времени, пока онъ окончательно опрокинулся. При этомъ его киль, который былъ плоскимъ на значительной части своего протяженія, оказался тамъ, гдѣ раньше была палуба. И на этой, заливаемой волнами стальной платформѣ стоялъ капитанъ. Я ясно видѣлъ его—



Черезъ нѣсколько времени подводная лодка пустила торпеду въ «Кресси».

я былъ не болѣе, какъ ярдахъ въ ста отъ *Кресси*—и я видѣлъ также, какъ люди шли, бѣжали и ползли по боку *Кресси*, пока онъ опрокидывался. Всѣ они или падали въ море или сами бросались въ воду и плыли прочь, стараясь найти что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. Но капитанъ, вѣрный традиціямъ британскаго флота, остался на своемъ посту до послѣдней минуты и пошелъ ко дну вмѣстѣ съ своимъ судномъ, хотя, навѣрное, могъ бы спастись, если бы бросился въ воду, какъ другіе.

Очень полезной оказалась деревянная мишень для стрѣльбы, футовъ въ двѣнадцать квадратныхъ размѣромъ, которую снесло съ *Кресси*. Она спасла не одну жизнь. Это была деревянная рама, безъ парусины, поэтому она прекрасно держалась на водѣ и была существенной поддержкой для людей, которые ухватились за нее. Такихъ было много, и многіе изъ нихъ стойко продержались до конца, до тѣхъ поръ, пока не явилась помощь. Но иные бѣдняги отъ изнеможенія выпустили раму, и потонули.

Кстати, я долженъ указать здѣсь, что иные изъ насъ были по два раза спасены и снова очутились въ морѣ. Исторія морской войны, кажется, не знаетъ еще подобныхъ примѣровъ. Это относится къ матросамъ *Абукира*. Иные изъ нихъ съ самаго начала были подобраны на *Хогъ*, потомъ, когда *Хогъ* получилъ торпеду, подобраны на *Кресси*—и, наконецъ, снова выброшены въ море, гдѣ многимъ изъ нихъ пришлось держаться на водѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, пока ихъ не спасли. Неудивительно, что вопросъ сводился, въ концѣ-концовъ, не столько къ умѣнію плавать, сколько къ силамъ и выносливости.

Море было полно людей, изъ которыхъ у многихъ даже не было ничего пловучаго, за что они могли бы держаться. Болѣе сильные и здоровые и хорошіе пловцы помогали тѣмъ, кто не умѣлъ плавать, и такимъ образомъ былъ спасенъ не одинъ человѣкъ, который иначе погибъ бы. Лодки были полнымъ-полнешеньки, потому что въ нихъ забрали всѣхъ, кого только можно было забрать.

Пока я находился въ водѣ, я ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова. Не до того было, и такъ тяжело было дышать, да и о чемъ говорить? Но я ни на секунду не терялъ надежды—не потерялъ ее даже тогда, когда и *Кресси* пошелъ ко дну. Я зналъ, что помощь явится къ намъ рано или поздно, я не сомнѣвался, что призывы о помощи были своевременно разосланы по радіотелеграфу, и что наше спасеніе теперь лишь вопросъ времени. И такъ оно и было.

Мнѣ удалось ухватиться за доску, и я крѣпко держался за нее и не выпускалъ ни на мгновеніе, хотя время отъ времени у меня начинались мучительныя судороги. Несмотря на сильную боль, я не выпустилъ свою. Но я видѣлъ, какъ другіе выпускали то, за что держались—и тонули. Причиною этого были, главнымъ образомъ, судороги. Я видѣлъ, какъ нѣсколько человѣкъ возлѣ меня до того свело судорогами, что у нихъ колѣни чуть не касались подбородка. Я видѣлъ ихъ искаженныя мукой лица, ихъ стиснутыя руки,—а въ иныхъ случаяхъ видѣлъ, что за доску или бревно уже держится мертвецъ. Сердце сжималось отъ жалости при видѣ этихъ бѣднягъ.

Многіе были сильно обожжены или ошпарены или получили тяжелые ушибы. Эти очень скоро изнемогали и тонули. И въ иныхъ случаяхъ можно, право, сказать: слава Богу, что имъ хоть не долго пришлось мучиться! Другіе же просто были такъ оглушены всѣмъ случившимся, что потеряли всякое мужество, и у нихъ ужъ не хватало силъ бороться за жизнь. Послѣ того, какъ всѣ три крейсера исчезли подъ водой, унося съ собой сотни людей, море въ теченіе многихъ часовъ было покрыто на огромномъ протяженіи и живыми людьми, цѣпляющимися за всякіе обломки, и безчисленными мертвыми тѣлами.

Когда какая-нибудь лодка подходила, я помогалъ поднимать туда ослабѣвшихъ товарищей. Но, къ сожалѣнію, лодокъ было мало, а безъ лодокъ ничего нельзя было сдѣлать. Работали же онѣ великолѣпно и спасли много жизней.

Было совершено и нѣсколько прекрасныхъ подвиговъ храбрости и самоотверженія въ это печальное утро 22 сентября. Вотъ, напримѣръ, одинъ

изъ нихъ. Видя, что лодки переполнены, а что въ водѣ есть люди, которымъ гораздо больше нужно мѣсто въ лодкѣ, чѣмъ ему, одинъ флотскій резервистъ по фамиліи Фармстонъ, прыгнулъ назадъ въ воду, чтобы дать мѣсто какому-нибудь обезсилѣвшему товарищу.

Я отъ души благодарилъ Бога, когда увидѣлъ, наконецъ, на горизонтѣ дымъ — густые клубы дыма, ясно говорившіе, что какіе-то пароходы на всѣхъ парахъ спѣшатъ къ намъ. И дѣйствительно, вскорѣ показалось нѣсколько нашихъ контръ-миноносцевъ. О какое это было пріятное зрѣлище! При этомъ они, кажется, выпустили нѣсколько снарядовъ въ убѣгающія подводныя лодки, но я не знаю, причинили ли они врагу какой-нибудь вредъ. Они подошли къ намъ, и работа спасенія закипѣла. Подошло потомъ и еще нѣсколько судовъ — два траллера изъ Лоуэстофта и два маленькихъ голландскихъ пароходика, *Титанъ* и *Флора*. Изъ всего, что дальше было, я ясно помню только одно: что меня вытащили изъ холодной ледяной воды на *Флору* и что очень скоро *Флора* была полнымъ-полна такихъ же полумертвыхъ людей, какъ я. Какимъ образомъ нѣкоторые изъ нихъ попали на нее, никто не зналъ, и они сами не могли объяснить, потому что находились въ состояніи полнѣйшаго изнеможенія. Голландцы съ грѣхомъ пополамъ понимали насъ, хотя словъ въ сущности не требовалось, и по-братски подѣлились съ нами всѣмъ, что имѣли — одеждой, припасами, всѣмъ. Они закутали насъ въ свои одѣяла и угостили насъ горячимъ кофе. Кочегарня была биткомъ набита нашими матросами, спустившимися туда, чтобы отогрѣться и обсушиться. Нѣкоторые изъ нашихъ были сильно ушиблены и обожжены, а одинъ, по фамиліи Гринъ, даже умеръ на *Флорѣ*. Это былъ мой товарищъ по артели. Онъ прожилъ всего съ часъ послѣ того, какъ его вытащили изъ воды. Его, кажется



Хорошіе пловцы помогали тѣмъ, кто не умѣлъ плавать, и такимъ образомъ было спасено не мало людей.

сильно ушибло чѣмъ-то при взрывѣ. Мы снесли его тѣло на носъ и прикрыли брезентомъ, и оно тамъ пролежало до пяти часовъ вечера, когда мы прибыли въ Имуйденъ. Тамъ бѣднаго Грина похоронили со всѣми почестями.

Интересно то, что флагъ съ *Хога* оказался тоже спасеннымъ. Какимъ образомъ это случилось, я не знаю хорошенько, но одному изъ нашихъ кочегаровъ, которому удалось выбраться изъ судна, онъ попался подъ руку въ водѣ, и кочегаръ все время держался за него, пока оставался въ водѣ, что продолжалось два-три часа. Флагъ былъ при немъ, пока мы находились въ Голландіи, и онъ даже снялся съ нимъ.

А вотъ другой интересный фактъ: у насъ на *Хогѣ* было четыре брата, и всѣ четверо спаслись!

Мы потеряли все, что имѣли и были почти голы, когда прибыли въ Имуйденъ, поэтому очень обрадовались одеждѣ, которую намъ дали голландцы. Эти люди были по отношенію къ намъ чрезвычайно добры; они дѣлали все, что могли, чтобы доставить намъ облегченіе. Меня они повели въ небольшое кафе, а затѣмъ уложили спать.

Къ намъ приставили одного голландскаго солдата, но онъ нисколько не боялся, что мы убѣжимъ или сдѣлаемъ что-нибудь недозволенное. На слѣдующій вечеръ насъ повезли по желѣзной дорогѣ до какого-то мѣстечка на сѣверѣ Голландіи, а оттуда намъ пришлось итти пѣшкомъ по ровнымъ дорогамъ до концентраціоннаго лагеря, гдѣ уже находилось нѣсколько плѣнныхъ бельгійцевъ, встрѣтившихъ насъ криками «ура».

Всю дорогу мы свистали и пѣли. Развѣ мы не вырвались изъ самой пасти смерти?

Разумѣется, въ лагерѣ оказались различныя неудобства, но все это были пустяки по сравненію съ тѣмъ, что мы пережили. Тамъ оказалось, напримѣръ, всего по одному одѣялу на каждые тринадцать человѣкъ, и намъ пришлось спать на соломѣ и ѣсть пальцами. Но ѣды было вдоволь—грубой, правда, но очень вкусной, и мы были очень рады ей и рады были утолить жажду водой.

На слѣдующее утро, когда мы поднялись со своей соломы, а иные счастливцы вылѣзли изъ-подъ одѣялъ, было очень сыро, холодно и туманно. У бельгійцевъ оказался футбольный мячъ, мы попросили его у нихъ, сыграли одну партію, и здорово согрѣлись. Потомъ мы съ удовольствіемъ выпили по кружкѣ кофе съ большимъ ломтемъ чернаго хлѣба, привели въ порядокъ наши палатки и совсѣмъ были довольны своей судьбой, когда британскій консулъ снабдилъ насъ вилками, ножами, ложками, полотенцами, верхней одеждой и сапогами.

Насъ очень интересовалъ вопросъ, что съ нами будетъ дальше, и мы всесторонне обсуждали его, стирая и высушивая свои носки. Но скоро мы узнали, что насъ не оставятъ въ Голландіи, а отправятъ домой, въ Англію. Въ пятницу намъ это объявили окончательно, а въ субботу утромъ мы покинули лагерь и снова прошли шестнадцать миль по тѣмъ же дорогамъ. На этотъ разъ итти было легче и лучше. У одной фермы мы сдѣлали привалъ, и насъ тамъ накормили и угостили молокомъ, сигарами и папиросами, а въ Флушингѣ, передъ тѣмъ какъ усадить насъ въ спеціальный поѣздъ, намъ опять дали молока, хлѣба, печенья и яблоковъ.

Изъ Флушинга насъ привезли въ Ширнессъ (въ Англіи), а тамъ начальство дало намъ отпускъ. Такимъ образомъ я теперь дома, но дня черезъ два я вернусь во флотъ. Впрочемъ, я не знаю, что будетъ дальше, такъ какъ вслѣдствіе взрыва я совсѣмъ ослѣпъ на лѣвый глазъ, кромѣ того, у меня, повидимому, совсѣмъ расшатались нервы, хотя я раньше полагалъ, что принадлежу къ людямъ, у которыхъ нѣтъ ихъ.

По ночамъ, когда я просыпаюсь—а это случается очень часто,—передо мной снова встаютъ съ ужасающей яркостью всѣ эти страшныя картины, которыя лучше забыть.

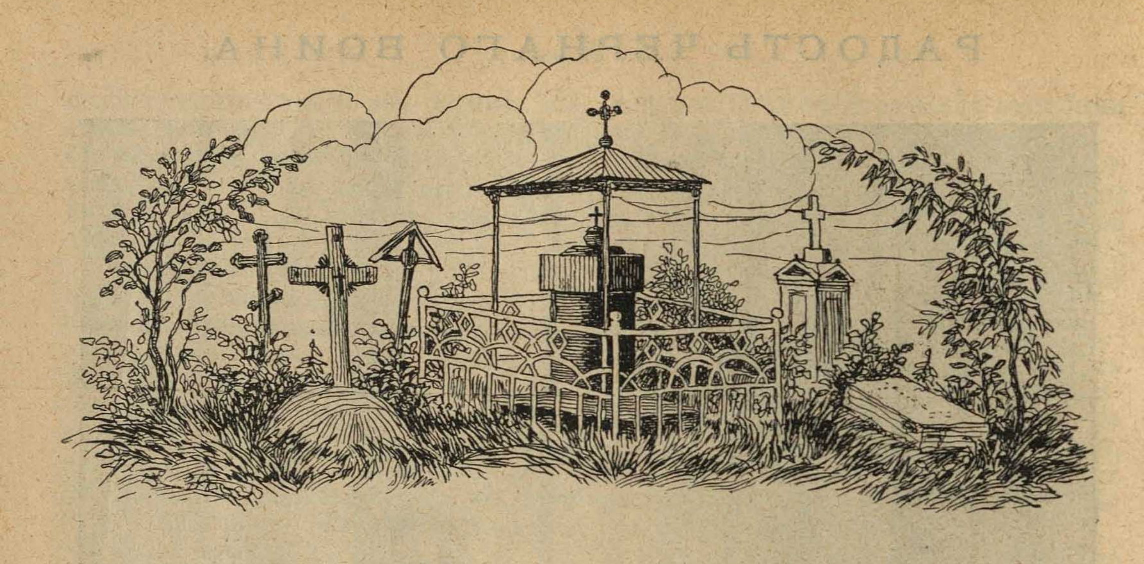
Да, нѣмцамъ удалось пустить ко дну три нашихъ крейсера. Но я не думаю, что имъ во второй разъ удастся что-либо подобное.



РАДОСТЬ ЧЕРНАГО ВОИНА.



Солдатъ «черной» французской арміи въ лазаретѣ, разсматривающій свои подарки.



Надгробный памятникъ.

Разсказъ изъ бельгійскихъ переживаній *М. Первухина.*

Его звали Криспиномъ, ему было уже за семьдесятъ лѣтъ, и онъ насчитывалъ болѣе полувѣка службы въ качествѣ сакристана или церковнаго служителя при храмѣ родного поселка неподалеку отъ Диксмюйдена, въ злополучной Бельгіи, подвергшейся нѣмецкому нашествію.

Сакристану не такъ много работы: большая часть времени остается свободною, и по обычаю, всѣ они пополняютъ свой достаточно скудный бюджетъ какою - нибудь постороннею работою, чаще всего — сапожнымъ ремесломъ. Криспину какъ нельзя болѣе кстати было именно это занятіе: вѣдь его звали Криспиномъ, а святой Криспинъ испоконъ вѣковъ считается покровителемъ сапожниковъ, какъ святой Георгій—покровителемъ солдатъ, и архангелъ Гавріилъ—покровителемъ пожарныхъ.

Поселокъ, гдѣ жилъ сакристанъ Криспинъ, былъ маленькимъ, захудалымъ, хотя по древности могъ потягаться съ любою европейскою столицею когда-то, въ дни славы Рима, стояли здѣсь лагеремъ римскіе легіоны. И въ наши дни иной разъ мѣстные крестьяне вырываютъ изъ земли обломки страннаго, тонкаго кирпича, обломки глиняныхъ амфоръ античной формы, а иной разъ и пролежавшія двѣ тысячи лѣтъ въ землѣ золотыя монеты римскаго чекана. Не разъ на протяженіи тысячелѣтій для поселка по какому-то капризу исторіи наступала своя эпоха расцвѣта, и онъ разростался. Потомъ сплывала куда-то волна людей, и поселокъ хирѣлъ и бѣднѣлъ, но никогда не умиралъ. Около ста лѣтъ тому назадъ, въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, поселокъ пережилъ именно одинъ изъ періодовъ расцвѣта, разросся, разбогатѣлъ. Тогда онъ заново перестроилъ старинную церковь въ честь Дѣвы Маріи, и тогда же коммунальный совѣтъ былъ вынужденъ отвести порядочный участокъ земли для расширенія, стариннаго кладбища. Потомъ, къ срединѣ девятнадцатаго вѣка, опять пришла волна упадка. Люди разбрелись по ближайшимъ крупнымъ промышленнымъ центрамъ, торговля замерла, новыхъ домовъ никто не строилъ, а многіе старые, обветшавъ, были снесены и уступили свои мѣста подъ огороды и оранжереи. Одно обширное кладбище, казавшееся

непомѣрно большимъ при нынѣшнихъ условіяхъ—осталось нетронутымъ. И было какъ-то странно видѣть на этомъ кладбищѣ убогаго, обнищалаго и малолюднаго поселка многочисленные дорогіе памятники, изъ дорогого итальянскаго мрамора, изъ темнаго гранита, чугуна и бронзы...

Почти полными хозяевами на этомъ кладбищѣ были два старика: могильщикъ Мишель и сакристанъ Криспинъ. Дѣлить имъ было нечего, ссориться— причинъ не было, а многолѣтняя служба при церкви и кладбищѣ связывала ихъ тысячами невидимыхъ нитей, привычекъ и общихъ интересовъ.

Какъ только кончалась церковная служба, Криспинъ съ работою въ рукахъ выходилъ на церковный дворикъ, потомъ пробирался на кладбище, разыскивалъ могильщика, который оправлялъ какую-нибудь старую могилу, обсаживая ее цвѣтами. Старики усаживались рядомъ и принимались болтать. Впрочемъ, болталъ одинъ только Криспинъ: могильщикъ словоохотливостью не отличался, и, къ тому же, былъ глуховатъ.

Сказавъ пару фразъ о погодѣ и о томъ, какъ прошла служба зимой, Криспинъ переходилъ къ той единственной темѣ, которая являлась для него излюбленною вотъ уже въ теченіе добрыхъ тридцати лѣтъ:

— Ну, такъ какъ ты думаешь, дружище?—спрашивалъ онъ могильщика.— Конечно, я на большое не претендую. Не графъ я, и не баронъ, и не богатый коммерсантъ. Въ фамильномъ склепѣ, конечно, не нуждаюсь: зачѣмъ мнѣ склепъ? Но хорошую могилку я бы все же хотѣлъ для себя обезпечить.

— Зачѣмъ дѣло стало?—отозвался по привычкѣ могильщикъ.—Участокъ ты для своей могилы уже пріобрѣлъ. Помрешь,—сдѣлаемъ все, какъ слѣдуетъ, не бойся! Если я только тебя переживу,—самъ увидишь, какую могилу я для тебя вырою. Отлично тебѣ тамъ лежать будетъ. Цвѣтами обсажу. Дерномъ обложу. Любо дорого! Птицы будутъ прилетать. Имъ тутъ на кладбищѣ — раздолье: никто не тревожитъ! А покойниковъ и насъ съ тобою онѣ не боятся!

— Да нѣтъ, я не о томъ!—отозвался оживленно Криспинъ.—Я, братъ, все изъ-за надгробнаго памятника безпокоюсь!

— Да чудакъ же ты? Чего тебѣ безпокоиться? Соорудимъ и надгробный памятникъ. Вѣдь деньжата у тебя водятся?

— Вотъ, въ томъ-то и вопросъ: хватитъ ли деньжатъ моихъ?

— За глаза хватитъ!—увѣрялъ могильщикъ.

— Хорошо тебѣ говорить!—съ досадою бормоталъ сакристанъ. — Мнѣ вѣдь не хочется, чтобы черезъ пять или десять лѣтъ отъ моего памятника и слѣда не осталось! Устраивать, такъ что-нибудь хорошее, прочное! Такое, чтобы по меньшей мѣрѣ сто лѣтъ простояло... А памятники дороги, самъ знаешь. Вонъ, на могилѣ артистки, говорятъ, тысячъ тридцать монументъ обошелся. Да и тотъ, вонъ, трескаться начинаетъ.

— Плохой мраморъ подрядчикъ поставилъ. Надулъ родственниковъ артистки.

— Опять же, чугунная плита на могилѣ майора... Почему пополамъ треснула всего черезъ сорокъ лѣтъ. Развѣ это порядокъ? Ну, вотъ, я и думаю: а что же съ моимъ-то надгробнымъ памятникомъ будетъ? Вѣдь скопилъ-то я всего какихъ-нибудь двѣ тысячи франковъ. Велики ли деньги? Много ли на такую сумму сдѣлать можно? А скопить больше — гдѣ же? Развѣ теперь такія времена? Вѣдь и эти двѣ тысячи—сколько лѣтъ мнѣ понадобилось, чтобы накопить! Грошикъ по грошику откладывалъ почти всю жизнь. Курилъ раньше много,—сократился. На полсигары въ день перешелъ. Винцо пить любилъ,—совсѣмъ отъ него отказался. Развѣ на крестинахъ кто предложитъ, ну, такъ выпьешь. Не отказываться же? Кабы прожить еще лѣтъ двадцать, — я бы, конечно, еще тысяченку накопилъ. Все-таки за три тысячи, я думаю, кое-что порядочное можно было бы соорудить. Да гдѣ же прожить столько?

— Ну, вотъ! Проживешь и тридцать! Ты какъ изъ желѣза выкованъ, Криспинъ. До ста лѣтъ, навѣрное, дотянешь. Надуешь меня: помру раньше тебя, и не мнѣ, а кому-нибудь другому придется для тебя могилу готовить!

Разговоръ оборвался. Старики молча возились надъ своею работою. Одинъ поливалъ намогильные цвѣты, другой ковырялъ шиломъ подошву чьего-то взятаго для починки сапога. И въ близкомъ кустарникѣ, пышно разсросшемся надъ чьею-то уже позабытою могилою, звонко распѣвала пичужка, а въ прозрачномъ, тепломъ напоенномъ воздухѣ мелькали, словно разноцвѣтные огоньки,—крылья пестрыхъ бабочекъ. И надъ кладбищемъ, будто старый, но вѣрный и бдительный сторожъ, стояла угрюмая старинная колокольня съ облупившимися карнизами и потрескавшимися стѣнами.

Да, единственною мечтою стараго сакристана была именно эта странная мечта о собственномъ надгробномъ памятникѣ. Это было нѣчто въ родѣ «пунктика», маленькое и невинное помѣшательство.

Еще будучи сравнительно молодымъ и крѣпкимъ человѣкомъ, Криспинъ однажды тяжело заболѣлъ воспаленіемъ мозга. Крѣпкій организмъ справился съ злымъ недугомъ, сакристанъ выздоровѣлъ. Но именно въ тѣ часы, когда жизнь въ его тѣлѣ боролась со смертью, можетъ-быть, въ хаосѣ кошмарныхъ видѣній и злыхъ, мучительныхъ грезъ,—къ нему и пришла эта мысль о томъ, какой памятникъ надо поставить на собственной могилѣ. Выздоровѣлъ онъ, отлетѣли кошмары, но разъ зародившаяся мысль о памятникѣ осталась. И на все, что думалъ и что дѣлалъ Криспинъ,—эта странная полубольная мысль о памятникѣ налагала свой мрачный отпечатокъ. И такъ шли годы.

Внезапно вспыхнула ужасная, міровая война. До стариннаго городка стали доноситься тревожные слухи. Нѣмцы, — предатели и варвары, — нарушивъ собственное торжественное обѣщаніе поддерживать и охранять нейтралитетъ маленькаго, вольнолюбиваго бельгійскаго королевства, нахлынули на его территорію.

Ничтожная количествомъ, бельгійская армія была раздавлена въ рядѣ жестокихъ боевъ. Палъ геройски защищавшійся Льежъ, палъ укрѣпленный лагерь при Намюрѣ. Послѣ недолгой осады нѣмецкія орды овладѣли Брюсселемъ, потомъ взяли Антверпенъ. Союзники бельгійцевъ, французы и англичане не могли во-время подать помощь бельгійцамъ. Мало-по-малу вся территорія Бельгіи оказалась занятою германской арміей, грабившей и разорявшей несчастный край, такой мирный, такой работящій и цвѣтущій.

Остался въ рукахъ бельгійцевъ и ихъ союзниковъ ничтожный клочокъ на сѣверо-западѣ, но бурныя волны нѣмецкаго потока подкатывались и къ этому клочку, грозя затопить его.

Грозныя событія застали все населеніе врасплохъ. Кто могъ, тотъ бѣжалъ въ Англію, во Францію или въ родственную Голландію.

Поселокъ неподалеку отъ Диксмюйдена почти совершенно опустѣлъ. Но кое-кто остался, потому что былъ слишкомъ привязанъ къ родной землѣ и не могъ ее покинуть въ роковой часъ.

Въ числѣ оставшихся были—могильщикъ Мишель и сакристанъ Криспинъ.

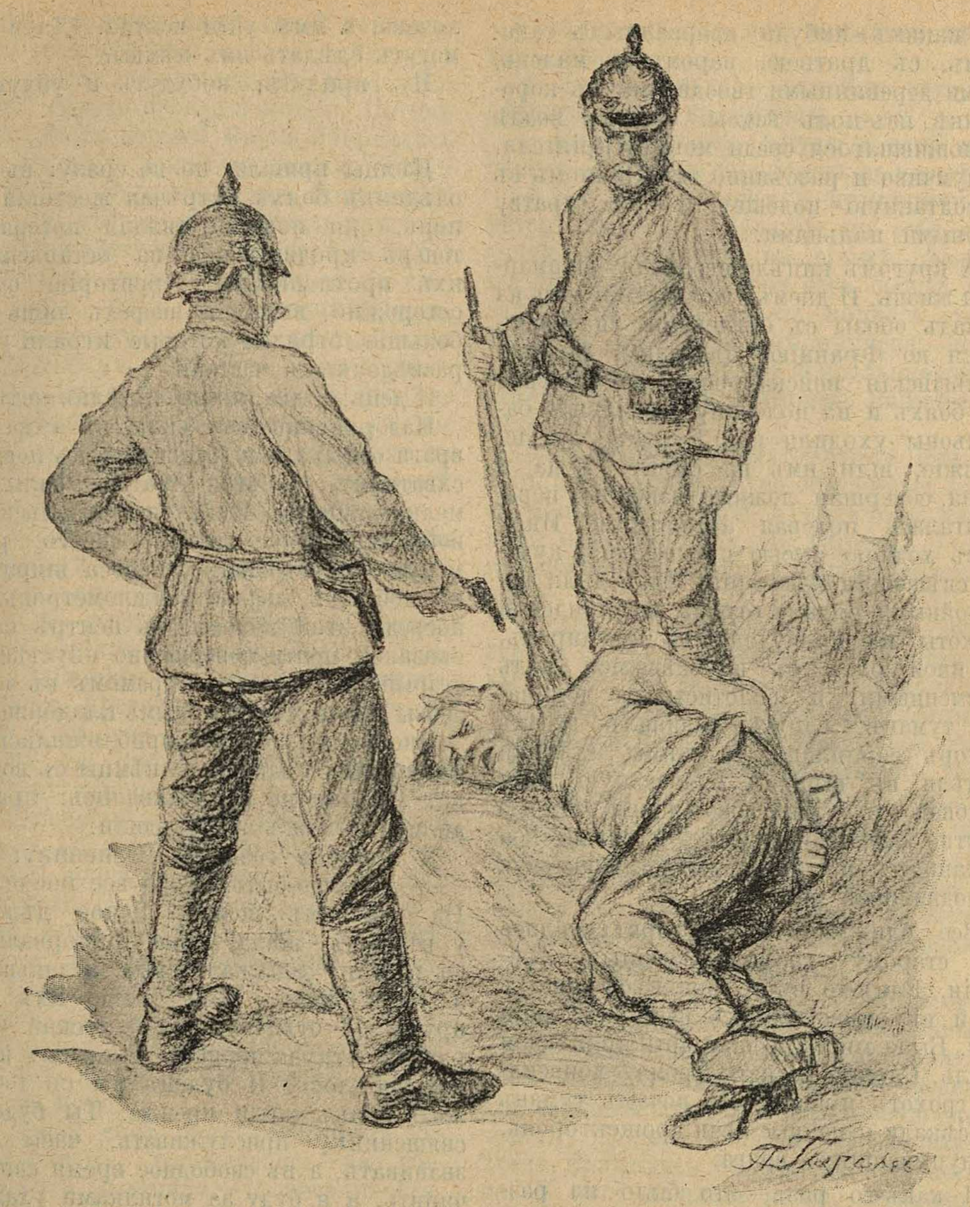
Мишель, оставаясь, твердилъ, что теперь именно у него будетъ много работы: придется рыть больше обыкновеннаго могилъ. Криспинъ просто боялся уйти на чужбину: вѣдь, пожалуй, придется помереть тамъ. Зароютъ въ первой попавшейся ямѣ. Хорошо еще если хоть крестъ-то поставятъ... А тутъ, какъ-никакъ, — у него обезпеченъ участокъ земли, давно облюбованный и выбранный на родномъ погостѣ.

— Гдѣ мои завѣтныя денежки хранятся,—ты знаешь,—говорилъ старикъ пріятелю-могильщику.

— Знаю. Зашиты въ клеенку и запрятаны въ ту подушку, которая лежитъ на старомъ креслѣ, стоящемъ противъ камина.

— Ну, вотъ... Ежели мнѣ придется невзначай помереть,—ты распорядишься. Священникъ тоже знаетъ. Ну, и синдикъ освѣдомленъ. Препятствій никакихъ не будетъ....

— А я такъ думаю: напрасно безпокоишься! Ежели и придутъ сюда нѣмцы,—что они намъ сдѣлаютъ? Развѣ мы солдаты. Драться съ ними мы, конечно, не можемъ. Придутъ, а потомъ и уйдутъ себѣ во-свояси. Если добромъ не уйдутъ, французы ихъ отсюда выпрутъ, англичане вышибутъ. Англія, братъ, не спу-



Пруссаки вытащили связаннаго могильщика на улицу и бросили его въ канаву.

ститъ: второй милліонъ солдатъ набираетъ. Изъ Индіи сипаевъ выписала. Изъ Африки, изъ Австраліи, изъ Америки волонтеры идутъ. Только перетерпѣть надо. А мы вѣдь съ тобою терпѣливые. Привыкли не торопиться. Такъ-то!

И они ждали.

Какъ въ обычное мирное время могильщикъ цѣлыми днями возился на кладбищѣ, поддерживая идеальный порядокъ въ своемъ царствѣ, бесѣдуя то съ залетавшими пичужками, то попросту со старыми «пансіонерами», то-есть покойниками. Цѣлые дни проводилъ въ стѣнахъ кладбища и сакристанъ: съ началомъ войны дѣла у него поубавилось, починка обуви совершенно прекратилась, и онъ былъ свободенъ большую часть дня. Но привычка брала свое: на кладбище старикъ приходилъ все-таки

съ какимъ-нибудь изорваннымъ сапогомъ, съ дратвою, варомъ и маленькими деревянными гвоздиками въ коробочкѣ изъ-подъ ваксы. Сидѣлъ возлѣ копошившагося среди могилъ пріятеля, задумчиво и разсѣянно тыча шиломъ въ истоптанную подошву и суча дратву черными пальцами.

А кругомъ кипѣла странная, кошмарная жизнь. И днемъ и ночью тянулись на западъ обозы съ бѣглецами, спасавшимися во Францію. Двигались франко-бельгійскія войска: одни побывавшіе въ бояхъ и на половину растаявшіе батальоны уходили изъ Бельгіи, другіе, свѣжіе, шли имъ на смѣну. Туда и сюда, совершая ложные маневры, передвигалась полевая артиллерія. Иной разъ ходкою рысью проносилась куда-то спѣшащая кавалерія. Проходили нестройными рядами отряды шотландской пѣхоты въ причудливыхъ мундирахъ. А иной разъ въ клубившемся надъ низменными и болотистыми долинами туманѣ, вдругъ начиналъ гудѣть моторъ аэроплана, и потомъ старики видѣли въ вышинѣ плавающую надъ озябшею и жаждущею покоя землею смутно очерченный силуэтъ гигантской механической птицы, распластавшей свои неподвижныя крылья....

Все ближе и ближе придвигались къ старому поселку военныя дѣйствія. Какъ-то въ теченіе нѣсколькихъ дней въ окрестностяхъ шелъ жестокій бой. Была многодневная артиллерійская дуэль. Словно раскаты грома—доносился грохотъ пушекъ. По ночамъ туманъ разсѣкали огненные мечи прожекторовъ, нащупывавшихъ врага.

И какъ-то разъ,—это было на разсвѣтѣ, — мимо старой церкви, мимо мирно дремавшаго кладбища, потянулись отступавшія во Францію войска.

— Уходите отсюда!—кричалъ вышедшимъ на церковную паперть старикамъ проѣзжавшій мимо артиллерійскій офицеръ, на измученной и прихрамывавшей лошади.—Мы очищаемъ мѣстность. Нѣмцы могутъ притти сюда.

Старики ничего не отвѣтили, только переглянулись: они рѣшили оставаться. Куда имъ уходить! Пусть уходитъ, кто хочетъ, а имъ уйти некуда. Да и что могутъ сдѣлать имъ нѣмцы?

Ну, придутъ, побудутъ и уйдутъ...

* * *

Нѣмцы пришли, но не сразу: въ послѣднихъ бояхъ, встрѣчая жестокій отпоръ, они понесли тяжкія потери, и теперь продвигались на оставленную ихъ противниками территорію очень осторожно, высылая впередъ лишь небольшіе отряды, которые играли роль развѣдочныхъ частей.

И день, и два, и три, и цѣлая недѣля.

Надорвавшіе свои силы въ схваткѣ, враги отдыхали и готовились къ новымъ схваткамъ, избѣгая тратить силы на мелкія сшибки. Между непріятельскими войсками образовалось своего рода мертвое пространство, полоса шириною въ добрыхъ двадцать километровъ. И посреди этой полосы, въ центрѣ ея,—оказался почти совершенно опустѣвшій старый поселокъ съ храмомъ въ честь Дѣвы Маріи, съ обширнымъ кладбищемъ.

Иногда къ поселку приближались то французы съ запада, то нѣмцы съ востока. Но они не задерживались: приходили и сейчасъ же уходили.

И Мишель говорилъ Криспину:

— Должно-быть, скоро все кончится. На переломъ пошло. Ясное дѣло,—у нѣмцевъ—жила тонка. Надорвались. Съ разгону добѣжали сюда, а дальше—и силъ нѣту. Вотъ, вотъ ихъ попрутъ. И отличное дѣло: пускай убираются, откуда пришли! Что имъ у насъ понадобилось? И будемъ мы съ тобою жить, какъ жили прежде. Ты будешь священнику прислуживать, часы вызванивать, а въ свободное время сапоги чинить, а я буду за могилками ухаживать, да для новыхъ «квартирантовъ» жилища приготовлять.

Это было часовъ около четырехъ холоднаго, пасмурнаго, осенняго дня. Иззябшіе старики забрались въ церковную сторожку, служившую жилищемъ Криспину, и сидѣли, грѣясь у огня, зажженнаго въ каминѣ. Могильщикъ принесъ свою фляжку терпкаго крестьянскаго винца, краюху черстваго вчерашняго хлѣба и пару печеныхъ луковицъ. Криспинъ поставилъ на огонь

камина эмалированный синій чайникъ, чтобы послѣ ужина выпить чайку.

По шоссе, пролегавшему мимо сторожки, вскачь пронесся кто-то. Потомъ опять топотъ копытъ. Звуки оборвались какъ разъ у двери сторожки. Тяжелые шаги, сопровождаемые бряцаніемъ шпоръ, зазвучали на каменномъ помостѣ, и въ дверь постучались. Не успѣли встревожившіеся старики подняться со своихъ мѣстъ, какъ дверь распахнулась, и въ сторожку ворвалась цѣлая толпа вооруженныхъ людей. Это были германскіе солдаты, пѣхотинцы, въ забрызганныхъ сѣрою грязью шинеляхъ, съ касками на головахъ. Одинъ изъ нихъ съ грубымъ хохотомъ схватилъ лежавшій на столѣ хлѣбъ могильщика, сказавъ:

— Конфискуется на военныя нужды въ качествѣ имущества, принадлежащаго непріятельской арміи.

Другой схватилъ фляжку и однимъ духомъ выпилъ все вино. Третій спихнулъ Криспина съ кресла и занялъ его мѣсто, протянувъ ноги въ грязныхъ сапогахъ къ огню камина.

— Эй, ты, старый идіотъ!—крикнулъ Криспину командовавшій отрядомъ нѣмцевъ рыжеусый и голубоглазый унтеръ-офицеръ съ шрамомъ на багровой щекѣ.—Гдѣ ваша трусливая сволочь? Гдѣ бельгійцы? Ну? Раскрой ротъ, а то я помогу тебѣ вотъ этимъ инструментомъ!

И онъ показалъ массивный кулакъ.

— Почемъ я знаю, гдѣ войска?—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ испуганный старикъ.—Я мѣстный сакристанъ. Гдѣ мнѣ знать такія вещи? Оставь меня въ покоѣ!

— Давай намъ ѣсть!—крикнулъ унтеръ-офицеръ, разваливаясь на убогомъ ложѣ Криспина.—Пошевеливайся. Мы голодны, какъ собаки!

Увѣренія Криспина, что у него ничего нѣтъ,—не помогли; солдаты обшарили всю сторожку съ ловкостью, доказывавшею долговременную уже практику, разыскали мѣшочекъ съ сухарями, полъ-окорока вяленой ветчины, банку съ сахаромъ и жестянку съ какао. Въ каминѣ ярко запылалъ огонь, и солдаты, расположившись у стола, принялись истреблять провизію старика сакристана.

Утоливъ голодъ, они занялись другимъ дѣломъ.

— Давай деньги! — заявилъ унтеръ-офицеръ, лежа на кровати.

— Какія деньги? Откуда я вамъ достану?—завопилъ сакристанъ въ ужасѣ.

— Не разговаривать!—прикрикнулъ унтеръ-офицеръ.—Налагаю на тебя военную контрибуцію въ суммѣ десяти тысячъ франковъ и беру васъ обоихъ въ заложники. Если черезъ полчаса контрибуція не будетъ мнѣ вручена,—вы, какъ заложники, будете немедленно разстрѣляны. Фрицъ и Карлъ! Займитесь дѣломъ!

Названные солдаты схватили стариковъ и принялись грубо обыскивать ихъ карманы, награждая плѣнниковъ пинками и пощечинами. Въ карманѣ у могильщика они нашли большой садовый ножъ.

— Ага! — возликовалъ унтеръ-офицеръ.—Вотъ оно, мирное бельгійское населеніе! Не даромъ газеты говорятъ, что бельгійцы собираются предательски перерѣзать насъ всѣхъ! Англичане обѣщали по сто франковъ за каждаго убитаго этимъ звѣрьемъ нашего солдата. Ладно! Фрицъ и Карлъ! Вы знаете, что полагается дѣлать въ такихъ случаяхъ? Но это—потомъ! Сейчасъ продолжайте обыскъ. У меня хорошій нюхъ: въ этомъ домѣ пахнетъ деньгами. Старички только прикидываются бѣдняками...

Обыскъ продолжался. У Мишеля отобрали серебряный франкъ, отложенный на покупку сигаръ, семьдесятъ сантимовъ мѣдною монетою, старый шелковый шейный платокъ и никкелевую спичечницу. Больше у него ничего не было. Тогда принялись обыскивать сакристана. У него нашлись четки, немножко мелочи и пара дешевыхъ крѣпкихъ сигаръ.

— Ищите, ищите!—понукалъ солдатъ унтеръ.—Будь я разстрѣлянъ, если мы здѣсь не поживимся.

И они искали, искали. Стучали прикладами ружей въ стѣны, нащупывая возможные тайники, ковыряли полъ, срывали со стѣнъ обои, разбивали ящики, въ которыхъ Криспинъ хранилъ предметы своего ремесла. Унтеръ-офицеръ слѣзъ съ кровати и прика-

залъ перещупать матрацъ и подушки. И, наконецъ, кому-то въ голову пришло распороть ту самую подушку кресла, въ которой злополучный Криспинъ хранилъ всѣ свои многолѣтнія сбереженія. При видѣ подушки, распарываемой руками одного изъ солдатъ, сакристанъ рванулся было отнимать свое сокровище, но ударъ прикладомъ въ грудь свалилъ его на грязный, затоптанный нѣмцами полъ.

Свертокъ съ деньгами былъ торжественно извлеченъ на свѣтъ, и нѣмцы принялись за раздѣлъ «военной добычи».

Унтеръ-офицеръ получилъ пятьсотъ франковъ, остальные солдаты по двѣсти. Раздѣлъ едва былъ оконченъ, какъ къ сторожкѣ прибылъ новый отрядъ пѣхотинцевъ. Поживившіеся передовые солдаты не сказали запоздавшимъ товарищамъ о своей удачѣ.

Но зато унтеръ-офицеръ заявилъ, будто одинъ изъ стариковъ пытался оказать вооруженное сопротивленіе.

— Вотъ этотъ!—ткнулъ онъ пальцемъ въ сторону Мишеля, связаннаго по рукамъ и ногамъ.

— Этотъ? — освѣдомился прибывшій съ отрядомъ молодой офицеръ въ костюмѣ лейтенанта прусской королевской гвардіи.—Хорошо, Мюллеръ. Поступите по закону.

Фрицъ и Карлъ вытащили связаннаго могильщика на улицу, кинули, какъ куль съ овсомъ, въ придорожную канаву. Два выстрѣла раздались почти одновременно. Одна пуля разбила голову Мишеля, другая пронизала его грудь. Трупъ оставили лежать въ канавѣ, и вода въ ней окрасилась кровью.

Съ ограбленнымъ сакристаномъ нѣмцы обошлись милостивѣе: они попросту выгнали его изъ сторожки и перестали обращать на него вниманіе.

Нѣмецкій отрядъ, пришедшій въ поселокъ, не былъ многочисленнымъ. Онъ состоялъ всего изъ ста двадцати пѣхотинцевъ, при одномъ офицерѣ. Въ задачи этого отряда не входило прочное занятіе какого-либо пункта данной мѣстности; просто-напросто, отрядъ произвелъ маленькую развѣдку, дабы убѣдиться, что мѣстность въ самомъ дѣлѣ очищена бельгійцами, а попутно искалъ провизіи для нуждавшейся въ ней нѣмецкой арміи.

Всѣ свѣдѣнія, добытыя нѣмцами отъ мѣстныхъ жителей, указывали, что на добрыхъ десять километровъ вокругъ нѣтъ ни одного бельгійскаго или французскаго солдата, и что всѣ поселки этой полосы опустѣли, а добыть провизію не представляется возможнымъ, такъ какъ ранѣе посѣщавшіе мѣстность отряды уже трижды произвели реквизицію и забрали рѣшительно все.

Телеграфная станція была разрушена уже двѣ недѣли назадъ, телефонная проволока вся сорвана. Словомъ,—поселокъ отрѣзанъ отъ остального живого міра.

Лейтенантъ фонъ-Бергенъ, командовавшій отрядомъ, порѣшилъ дать отдыхъ своимъ усталымъ и голоднымъ солдатамъ, остановившись на ночь въ занятомъ пунктѣ. Расквартировать солдатъ въ поселкѣ онъ не рѣшался, опасаясь ночного нападенія жителей. Кладбищенская церковь, стоявшая на холмѣ въ сторонѣ отъ поселка, казалась ему болѣе удобнымъ и безопаснымъ мѣстомъ. И вотъ по его распоряженію солдаты разбили массивный замокъ храмовой двери и расположились на ночлегъ внутри храма. Большинство разлеглось спать на старинныхъ скамьяхъ, а нѣкоторой части пришлось довольствоваться ночлегомъ на голомъ полу.

Лейтенантъ Бергенъ не забылъ позаботиться объ охранѣ своего лагеря: боясь, какъ бы жители поселка не дали знать о присутствіи отряда французамъ, онъ выставилъ пикеты на всѣхъ дорогахъ изъ поселка, приказавъ дозорнымъ безъ пощады разстрѣливать каждаго, кто попытается пробраться на французскую сторону. У кладбища тоже былъ поставленъ пикетъ, а у храмовой двери—ночной караулъ, которымъ командовалъ рыжеусый унтеръ-офицеръ, ограбившій Криспина.

Никто изъ нѣмцевъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что, когда могильщика Мишеля разстрѣливали, сакристанъ выползъ изъ сторожки, пробрался на кладбище, и тамъ спрятался среди могильныхъ памятниковъ.

Но избитый и ограбленный старикъ не довольствовался тѣмъ, что жизнь его

была спасена: онъ сходилъ съ ума отъ мысли, что нѣмцы забрали его сокровище, тѣ деньги, которыя онъ накоплялъ въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ. Голова старика пылала, руки и ноги тряслись, но не отъ страха, а отъ злобы и жажды мести.

Переползая отъ могилы къ могилѣ, онъ добрался до дальняго угла кладбища. Тамъ въ каменной стѣнѣ было довольно большое отверстіе, защищенное дряхлою деревянною рѣшеткою. Отверстіе это служило стокомъ для дождевыхъ водъ. Не безъ труда Криспинъ выломалъ рѣшетку и выползъ въ поле, окружавшее кладбище. Тамъ онъ поползъ по небольшому оврагу, по перелѣску, и тѣнь его слилась съ надвинувшимися тѣнями осенней ночи...

* * *

Около полуночи сторожевые пикеты стоявшаго въ десяти километрахъ отъ кладбища большого бельгійскаго отряда подняли тревогу, замѣтивъ приближающуюся со стороны поселка человѣческую фигуру.

— Не стрѣляйте. Свой!—крикомъ предупредилъ неизвѣстный схватившихся за ружья солдатъ.—Я изъ поселка. Тамъ небольшой нѣмецкій отрядъ. Нѣмцы ограбили меня и разстрѣляли могильщика Мишеля. Я пришелъ сказать, что если вы хотите, ихъ всѣхъ можно перебить!

Сакристана провели къ полковнику. Тотъ внимательно разспросилъ старика, и созвалъ военный совѣтъ. Было принято рѣшеніе, сейчасъ же двинуть отрядъ стрѣлковъ-волонтеровъ въ двѣсти человѣкъ, въ числѣ которыхъ было не мало уроженцевъ поселка, лично знавшихъ Криспина и занятую нѣмцами мѣстность у поселка

Отряду этому, шедшему на лошадяхъ и велосипедахъ, удалось безпрепятственно добраться до кладбища. Затѣмъ одинъ солдатъ за другимъ проникъ сквозь отверстіе водостока и внутрь кладбища, а затѣмъ...

Затѣмъ всѣ они исчезли: спустились въ стоявшій въ сторонѣ отъ старой церкви склепъ, одной давно уже вымершей знатной фамиліи. Сакристанъ зналъ то, чего не зналъ помѣстившій своихъ солдатъ въ церкви фонъ-Бергенъ: подземелье склепа соединялось подземнымъ ходомъ съ кладовою при храмѣ, гдѣ хранились облаченія священниковъ, книги и ноты церковнаго хора...

Въ то время, какъ главная часть бельгійскаго отряда пробралась внутрь храма и занимала мѣста на хорахъ, надъ спящими нѣмцами, человѣкъ пять съ Криспиномъ, въ качествѣ проводника, поднялась на балконъ надъ входомъ въ храмъ. Оттуда имъ былъ виденъ бодрствовавшій караулъ: три рядовыхъ расхаживали по паперти съ ружьями въ рукахъ, а рыжеусый унтеръ-офицеръ, комфортабельно расположившись на вытащенномъ изъ сторожки Криспина креслѣ, дремалъ развалившись. Дремалъ и грезилъ о своей родинѣ, о магазинчикѣ галантерейныхъ вещей въ одной изъ лучшихъ улицъ Берлина. Этотъ магазинчикъ такъ хорошо торговалъ до войны. И можно было каждый день изъ чистой прибыли откладывать кое-что въ сберегательную кассу, въ надеждѣ лѣтъ черезъ десять ликвидировать дѣла и жить на доходы съ капитала.

Но началась война. Владѣльца магазинчика призвали на военную службу, и, какъ грамотнаго и расторопнаго, произвели въ унтеръ-офицерскій чинъ. На войнѣ Мюллеръ скоро освоился и сообразилъ, что для умнаго человѣка и тутъ оказывается недурное поле дѣйствія: можно иной разъ и совсѣмъ недурно заработать. Надо только не быть дуракомъ и не жеманничать. Вотъ, въ Антверпенѣ... Многіе такъ и остались съ пустыми руками. А онъ, Гансъ Мюллеръ, сообразивъ ситуацію, успѣлъ прижать того старикашку, прикидывавшагося бѣднякомъ,—владѣльца часового магазина. Двадцать тысячъ франковъ—право же, совсѣмъ не такъ плохо! И подъ Льежемъ удалось кое-что заполучить. Правда, пришлось подѣлиться съ капитаномъ Вендрихомъ... Ну, и сегодня—пятьсотъ франковъ... А вотъ, когда побѣдоносныя германскія войска раздавятъ трусливую французскую сволочь и торжественно войдутъ въ Парижъ!.. Тамъ только не зѣвай...

Внезапно смутная тревога овладѣла дремавшимъ и грезившимъ о наживѣ унтеръ-офицеромъ. Ему почудилось, что кто-то съ ненавистью смотритъ на него, и смотритъ сверху. Онъ раскрылъ глаза и хрипло вскрикнулъ отъ испуга, оледянившаго его тѣло: дѣйствительно, во мглѣ на него смотрѣли пылающіе ненавистью глаза какого-то существа, забравшагося на балконъ надъ входомъ въ церковь. И нѣмцу почудилось, Богъ вѣсть почему, что это глаза разстрѣляннаго Фрицомъ и Карломъ могильщика...

Вскочивъ, Мюллеръ бросился было бѣжать, но съ балкона прянуло на него какое-то чудовище, и костлявые пальцы съ нечеловѣческою силою сдавили горло съ такою силою, что подъ ихъ давленіемъ были раздроблены хрящи: Мюллеръ оказался задавленнымъ руками стараго ограбленнаго имъ и его подчиненными сакристана...

Солдаты караула схватились за ружья, но выстрѣлить не успѣли: съ балкона уже гремѣли ружейные выстрѣлы. Одному только удалось отбѣжать по направленію къ сторожкѣ, гдѣ спалъ лейтенантъ фонъ-Бергенъ, но чья-то пуля догнала его, ударила въ спину, и онъ, споткнувшись, упалъ головою въ ту же канаву, гдѣ валялся съ вечера не убранный трупъ могильщика Мишеля. Фонъ-Бергенъ, спавшій въ постели сакристана, выскочилъ изъ сторожки въ одномъ бѣльѣ, но на его голову обрушился тяжкій ударъ бельгійскаго приклада, и когда онъ очнулся,—мѣсто сраженія было далеко: бельгійскій кавалеристъ, прикрутивъ полуголаго плѣнника къ крупу своей лошади, увозилъ фонъ-Бергена въ плѣнъ. Въ тотъ самый Парижъ, куда фонъ-Бергенъ собирался вмѣстѣ съ другими прусскими гвардейскими офицерами на парадный обѣдъ кайзера...

Нѣмцы, находившіеся въ церкви, были застигнуты врасплохъ: бельгійцы, забравшись на хоры, прячась за колоннами, растрѣливали ихъ, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Выходныя двери были заперты, объ этомъ позаботился тотъ же мстительный сакристанъ. Выхода изъ церкви не было. А сверху въ копошившуюся и расползавшуюся по каменному полу людскую массу градомъ падали убійственныя пули.

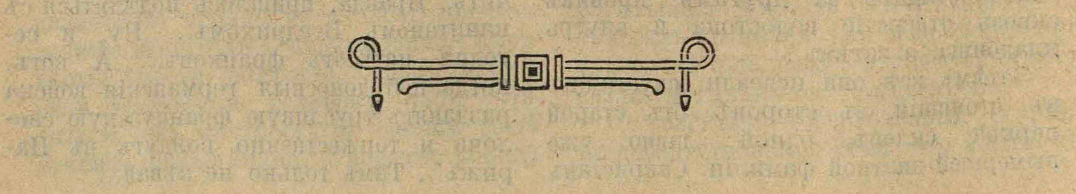
— Сдаемся. Пощадите! — слышались разрозненные голоса охваченныхъ паникою нѣмцевъ.

Но озлобленныхъ разгромомъ родной страны бельгійцевъ было трудно удержать, и бойня продолжалась.

Незадолго до разсвѣта бельгійскій отрядъ выступилъ въ обратный путь, совершенно уничтоживъ отрядъ лейтенанта фонъ-Бергена. Изъ ста двадцати человѣкъ нѣмцевъ успѣло бѣжать человѣкъ десять. Свыше восьмидесяти труповъ устилали полъ церкви. Остальные попали въ плѣнъ.

Бельгійцы, собираясь на свои позиціи, тщетно искали человѣка, указаніямъ котораго они были обязаны побѣдою надъ нѣмцами. Сакристанъ, расправившись съ Мюллеромъ, исчезъ, какъ сквозь землю провалился.

Прошло нѣсколько дней. Нѣмцы заняли снова всю эту мѣстность. По распоряженію генеральнаго штаба, старый храмъ былъ разгромленъ гранатами изъ чудовищныхъ мортиръ. Рухнула колокольня. И погребла подъ своими развалинами уже разложившійся трупъ сакристана Криспина: старикъ, окончательно сошедшій съ ума въ ту роковую ночь,— послѣ ухода бельгійцевъ, забрался на колокольню, забился тамъ, какъ раненый на-смерть звѣрь, и умеръ. За пазухою у него лежалъ отнятый у Мюллера свертокъ съ награбленными деньгами...



САПЕРЫ-ГЕРОИ.



Нѣсколько британскихъ саперовъ, посланныхъ взорвать мостъ и помѣшать переправѣ наступавшихъ германцевъ, успѣли только заложить мины и были всѣ перебиты германцами. Тогда на мостъ отправились еще 12 саперовъ, и только одному изъ нихъ удалось добраться до мины и поджечь фитиль. Взрывъ мины убилъ этого героя, исполнившаго свой долгъ.



Месть контрабандиста.

Разсказъ *М. Первухина.*

Конный патруль изъ полутора десятка французскихъ драгунъ подъ вечеръ шелъ лѣсомъ поблизости отъ небольшого эльзасскаго поселка. Недѣли за двѣ до этого французы вторглись въ мѣстность, встрѣтили жестокій отпоръ, отступили, снова пришли съ большими силами, вытѣснили непріятеля, въ свою очередь были вытѣснены подошедшими къ нѣмцамъ подкрѣпленіями, и опять вернулись.

Послѣ ряда жестокихъ боевъ и отдѣльныхъ схватокъ мѣстность, наконецъ, осталась за французами. Нѣмцы отошли подъ защиту своихъ грозныхъ крѣпостей. Населеніе встрѣтило французовъ съ энтузіазмомъ, какъ освободителей, какъ родныхъ братьевъ. И когда французы уходили, а нѣмцы возвращались, они жестоко карали эльзасцевъ «за измѣну», безъ пощады расправляясь съ мирными безоружными людьми.

Поселокъ Шаррэль—деревушка въ два-три десятка старинныхъ домовъ, сгрудившихся вокругъ совсѣмъ дряхлой церковки,—остался въ сторонѣ отъ великихъ боевъ, и война пощадила его. Только двѣ-три стычки произошли въ непосредственной близости деревушки. Гранаты не взрывались надъ нею. Дома не пылали и стѣны не рушились.

Тревожною жизнью жило все населеніе, но все же жизнь предъявляла свои права, и крестьяне все время работали на поляхъ, въ виноградникахъ и въ роскошныхъ дубовыхъ лѣсахъ. Только кое-кто изъ богатыхъ людей, на всякій случай, переправилъ свою семью въ Швейцарію, благо граница такъ близка: вонъ онѣ синѣютъ, горы, а на нихъ бѣлыми пятнами бѣлѣютъ города и городки. Швейцарія объявила нейтралитетъ, ощетинилась штыками своей милиціи и живетъ въ роли посторонняго зрителя, съ любопытствомъ взирающаго на кровавую трагедію, переживаемую не ею, а другими...

Главныя массы французскихъ войскъ, занявшихъ эту мѣстность, держались въ нѣсколькихъ десяткахъ километровъ отъ Шаррэля. Сюда, къ мирной деревушкѣ, отъ времени до времени заходили, совершая сложныя стратегическія передвиженія, только отдѣльные батальоны, да иногда продвигались полевыя батареи.

Въ тотъ день, когда здѣсь показался патруль кавалеристовъ, все вокругъ дышало миромъ и тишиною. Не слышно было похожихъ на перекаты грома звуковъ пушечной пальбы въ той сторонѣ, гдѣ рѣшалась раньше участь

кампаніи, — въ сторонѣ Мюльгауза и Альткирха.

Патруль шелъ по опушкѣ лѣса, не принимая особыхъ мѣръ предосторожности: мѣстность считалась свободною отъ нѣмцевъ, развѣдчики удостовѣряли, что на протяженіи добрыхъ пятидесяти километровъ нѣмцы и не показываются. Населеніе—свои люди, братья эльзасцы. И впереди—большіе отряды французскихъ войскъ передовой линіи, а сбоку—граница нейтральной Швейцаріи. Словомъ, опасаться нападенія было нечего, и отрядъ кавалеристовъ шелъ спокойно.

Командовавшій отрядомъ молодой офицеръ ѣхалъ, разсѣянно поглядывая по сторонамъ, думалъ о томъ, что внезапно вспыхнувшая война перевернула всѣ его планы. Тамъ, далеко, въ Парижѣ, у него была милая невѣста. Собирались обвѣнчаться и отправиться въ свадебное путешествіе, о которомъ давно мечтали,—поѣхать посмотрѣть Италію, покататься по лагунамъ Венеціи въ гондолахъ, забраться на вершины Везувія, посмотрѣть Лазурный гротъ на Капри...

И, вотъ, почти наканунѣ дня свадьбы—мобилизація, походъ, война.

Люси осталась въ Парижѣ. Что теперь съ нею, бѣдняжкою? Нѣмцы упорно пробиваются къ Парижу. Хотятъ, какъ они публично хвалились, нанести ударъ тевтонскимъ мечомъ въ самое сердце Франціи, а Парижъ—это и есть сердце Франціи. Великое сердце, принадлежащее всему человѣчеству, и потому ненавистное Германіи...

Драгуны, пользуясь разсѣянностью задумавшагося о невѣстѣ офицера, растянулись въ длинную линію. Молодые нормандцы, Шарье и Куто, отбившись въ сторону, торопливо обрывали съ куста какія-то осеннія ягоды.

Въ то мгновенье, когда отрядъ кавалеристовъ вступилъ на участокъ дороги, проходившій по откосу холма, и былъ отлично виденъ изъ поселка,—нѣсколько въ сторонѣ отъ поселка, въ кустахъ, взвились клубочки порохового дыма. Одинъ, другой, третій. Послышался звукъ выстрѣловъ. Пуля съ визгомъ пронеслась мимо ушей офицера. Другая щелкнула по вѣткѣ надъ головою драгунскаго вахмистра. Третья шлепнула во что-то мягкое. И въ то же время одинъ изъ ѣхавшихъ рядомъ съ вахмистромъ солдатъ выронилъ поводья, склонился къ лукѣ сѣдла, на бокъ. Товарищи едва успѣли поддержать его. Двое остались съ раненымъ. Остальные, пригнувшись къ сѣдламъ, вихремъ понеслись къ деревушкѣ искать врага. Словно ураганъ, ворвались драгуны въ поселокъ. Испуганные жители робко жались къ стѣнамъ домовъ. Куры, копошившіяся въ придорожной пыли, съ кудахтаньемъ разбѣжались куда-то.

Драгуны обыскали всю мѣстность, откуда въ нихъ стрѣляли, но не нашли никакихъ слѣдовъ таинственнаго врага, если не считать подобраннаго кѣмъ-то ружейнаго патрона.

Драгуны имѣли особое порученіе и задерживаться въ деревушкѣ на долго не могли. Убѣдившись, что поиски тщетны, они сейчасъ же пошли дальше.

Ночь прошла спокойно. Но едва разсвѣло, у деревушки показался значительный французскій отрядъ. Какъ всегда, жители радушно встрѣтили французовъ, но у пришедшихъ были сумрачные взоры и угрюмыя лица. Едва этотъ отрядъ приблизился къ деревнѣ, какъ съ другой стороны показалась полевая батарея и расположилась на холмикѣ, направивъ жерла пушекъ въ сторону Шаррэля.

Солдаты, занявшіе деревушку, вывели все населеніе изъ домовъ на площадь. Командовавшій отрядомъ, сѣдоусый майоръ съ темнымъ лицомъ, обратился къ перепуганному старшинѣ:

— Въ нашихъ солдатъ вчера отсюда стрѣляли. Мы думали, что здѣсь наши братья, а оказывается, что здѣсь — наши враги, и притомъ не честные враги, а предатели...

Если черезъ часъ преступники не будутъ выданы, Шаррэль перестанетъ существовать.

Блѣдный, какъ полотно, старшина, заикаясь, твердилъ, что мирное населеніе деревушки не повинно въ покушеніи на французскихъ солдатъ. Ни у кого

изъ обитателей деревни не поднялась бы рука на своихъ же родныхъ, на братьевъ. Стрѣлялъ кто-то посторонній. При чемъ же тутъ деревушка?

Но майоръ угрюмо грызъ кончикъ сѣдого уса и глядѣлъ на вынутые изъ кармана часы.

— Черезъ часъ я разстрѣляю ваше измѣнническое гнѣздо!—сказалъ онъ суровымъ голосомъ.—Мнѣ жаль, но... но таковъ приказъ начальства!

Трудно описать отчаяніе, охватившее мирное населеніе. Женщины громко рыдали. Мужчины стояли, словно окаменѣвъ: не хотѣли вѣрить въ то, что черезъ полчаса тѣ дома, въ которыхъ они родились, выросли, надѣялись прожить всю жизнь и мирно умереть, обратятся въ безобразную груду дымящихся развалинъ.

Остаться безъ крова теперь, осенью, когда такъ близка зима!

А что будетъ съ накопленными запасами? Господи, Господи...

Въ это время на площадь галопомъ прискакалъ изъ сосѣдней деревушки молодой всадникъ. Не осѣдланная лошадь его была вся въ пѣнѣ. Соскочивъ съ сѣдла, онъ крикнулъ командовавшему отрядомъ офицеру:

— Не стрѣляйте! Не стрѣляйте! Я знаю, кто вчера напалъ на насъ изъ засады. Я знаю, гдѣ они прячутся!

— Это не ложь? — сурово глядя на молодого человѣка, освѣдомился майоръ.

— Клянусь Богомъ, не ложь. Головою своею ручаюсь, что говорю правду! Мы всѣ здѣсь любимъ французовъ. А это—нѣмцы. Дайте мнѣ, говорю, нѣсколькихъ солдатъ,—и тѣ, кто стрѣлялъ въ васъ, будутъ въ вашихъ рукахъ черезъ полчаса.

— Хорошо!—согласился майоръ.—Ты, значитъ, будешь проводникомъ. Ну, такъ вотъ что: при малѣйшей попыткѣ къ измѣнѣ ты первымъ будешь разстрѣлянъ!

И, повернувшись въ сторону къ отряду, онъ отдалъ соотвѣтствующее приказаніе. Отъ отряда отдѣлилось нѣсколько десятковъ пѣхотинцевъ и эскадронъ кавалеріи. Добровольный проводникъ сталъ въ ряды кавалеристовъ.

— Впередъ, маршъ!—прозвучала команда.

И отдѣлившіеся отъ главнаго отряда солдаты ушли.

Проводникъ сдержалъ слово. Онъ указалъ дорогу по незамѣтнымъ почти тропинкамъ въ лѣсу, черезъ болота, черезъ скалы. Слѣдуя его указаніямъ, французы приблизились почти къ самой швейцарской границѣ и оказались въ дикой и глухой лѣсистой мѣстности.

— Теперь мы близко!—сказалъ проводникъ шопотомъ.—Необходимо соблюдать крайнюю осторожность. Если среди вашихъ людей, господинъ лейтенантъ, имѣются опытные охотники или... или контрабандисты,—было бы самое лучшее эту часть предпріятія поручить именно имъ. Видите эти деревья надъ оврагомъ? Ваши враги ютятся тамъ. Я вчера еще выслѣдилъ ихъ. Смотрите: эту пуговицу я подобралъ здѣсь.

— Но они могли уйти! — недовѣрчиво вымолвилъ офицеръ.

— Нѣтъ. Они здѣсь!—стоялъ на своемъ эльзасецъ. — Я вѣдь не настолько глупъ, чтобы оставить ихъ безъ надзора. У меня здѣсь часовые. Они сторожатъ нѣмцевъ.

— Часовые? Какіе?—удивился офицеръ.

— А я сейчасъ покажу вамъ ихъ!

Съ этими словами эльзасецъ нѣсколько разъ крикнулъ, подражая какой-то птицѣ. Едва замолкли звуки, какъ кусты осторожно раздвинулись, и передъ изумленными солдатами показались оборванныя дѣти, мальчикъ лѣтъ шести и дѣвочка лѣтъ пяти.

— Волки здѣсь?—освѣдомился эльзасецъ.

— Сидятъ въ берлогѣ!—отвѣтилъ, сверкая глазенками, мальчикъ.

— Не выходили оттуда?

— Одинъ уходилъ на разсвѣтѣ. Вернулся съ мѣшкомъ. Должно - быть, провизія. И намъ съ Нини хотѣлось ѣсть. Но ты сказалъ, чтобы мы не уходили, и мы съ мѣста не тронулись...

Солдаты растянулись широкою цѣпью по лѣсу, отрѣзая путь отступленія «волкамъ». Вызванные охотники вмѣстѣ съ эльзасцемъ проползли къ группѣ деревъ.



Прежде чѣмъ нѣмцы успѣли схватиться за оружіе, французы лавиною обрушились на нихъ и перевязали всѣхъ.

— Вотъ они!—тронувъ офицера за рукавъ, сказалъ эльзасецъ. Офицеръ посмотрѣлъ въ ту сторону, и въ какихъ-нибудь полутораста шагахъ отъ себя увидѣлъ группу изъ трехъ человѣкъ. Это были рослые краснолицые германскіе таможенные солдаты, вооруженные тесаками и карабинами.

Двое спало. Третій сидѣлъ спиною къ скалѣ и задумчиво глядѣлъ на слабый огонь маленькаго костра, на которомъ кипятился чайникъ.

Прежде чѣмъ нѣмцы успѣли схватиться за оружіе, французы лавиною свалились на нихъ, сбили съ ногъ и перевязали. Одинъ только выстрѣлъ успѣлъ раздаться, и то пуля пролетѣла въ воздухъ, никому не принеся вреда.

Прошло еще полчаса. Отрядъ съ захваченными плѣнниками вернулся въ поселокъ. Нѣмцы, не запираясь, признались, что это, дѣйствительно, они стрѣляли вчера по французскимъ кавалеристамъ. Стрѣляя, исполняли свой долгъ: война...

Если бы французскіе солдаты были на ихъ мѣстѣ, они сдѣлали бы то же самое.

Одного нѣмцы не могли понять: какъ французы выслѣдили ихъ, какъ отыскали ихъ убѣжище.

— Безъ помощи кого-либо изъ мѣстныхъ жителей дѣло обойтись не могло!— высказывали они догадку.—Насъ, несомнѣнно, выдали. Но кто?

Впрочемъ, долго разсуждать на эту тему не приходилось: назначенная экзекуція поселка была отмѣнена, отрядъ французовъ ушелъ обратно и увелъ съ собою плѣнниковъ. И вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ ушелъ и молодой эльзасецъ, спасшій свой родной поселокъ.

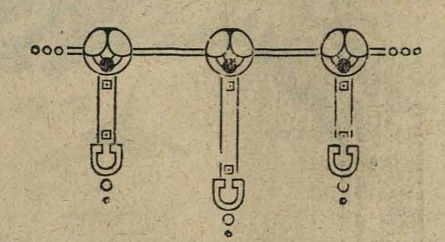
— Я буду помогать вамъ драться съ нѣмцами! — сказалъ онъ офицеру.— Все равно, мнѣ возврата нѣтъ: они узнаютъ все, и...

— И тебя повѣсятъ?

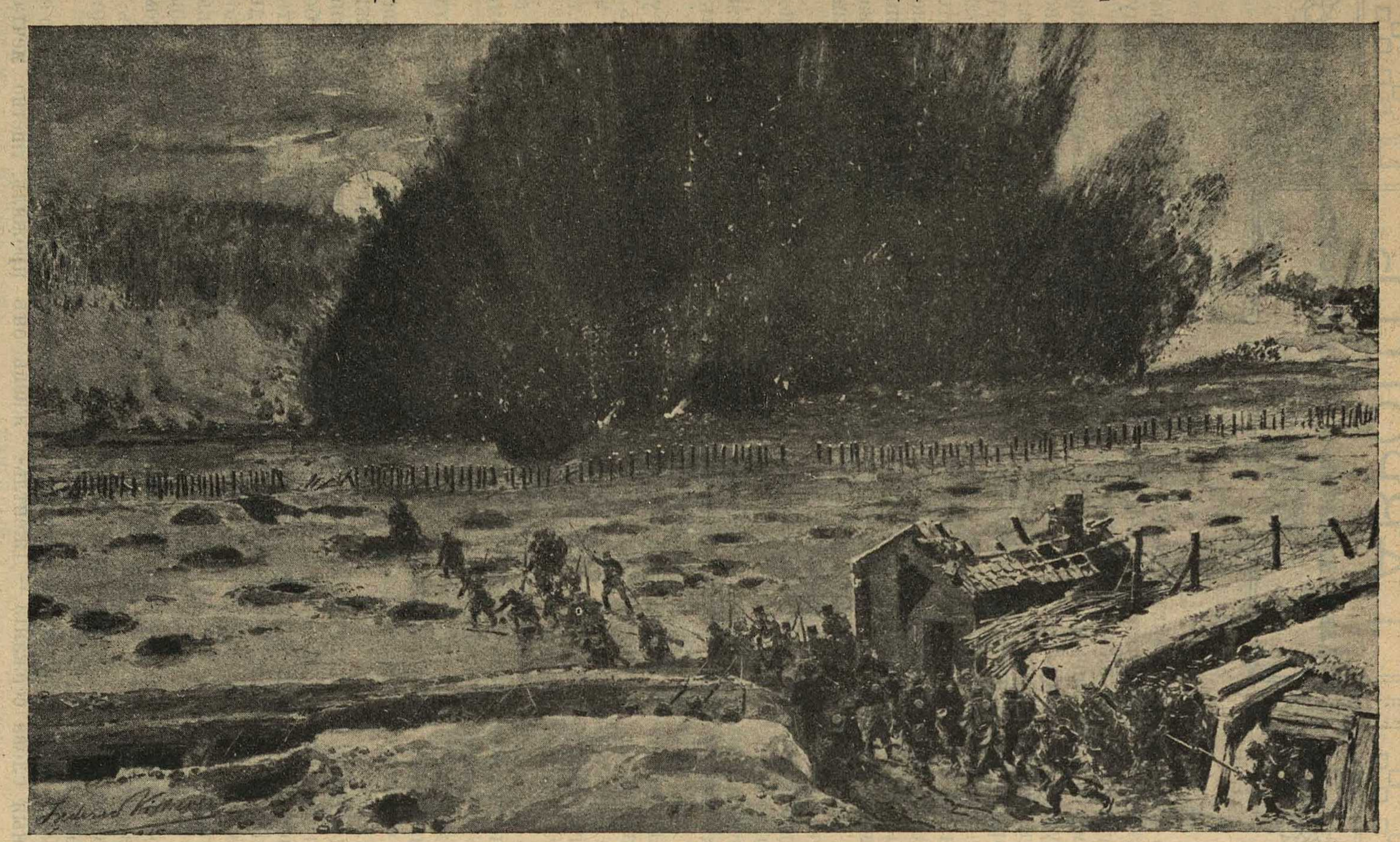
— Да. Или сгонятъ въ тюрьму. Я уже ѣлъ тюремный хлѣбъ, и не хочу больше.

— Ты сидѣлъ въ тюрьмѣ?—заинтересовался офицеръ.—За что?

— За контрабанду. Швейцарія близка, тамъ такъ дешевъ шелкъ. А я бѣденъ. У меня была невѣста. Такая же нищая, какъ я. И ей хотѣлось имѣть шелковое подвѣнечное платье. Ну, я и добылъ ей шелку на платье. А потомъ... потомъ я уже не могъ отказаться отъ контрабанды. А эти трое—они накрыли меня съ поличнымъ. Изъ-за нихъ я просидѣлъ полтора года въ тюрьмѣ. Вернулся домой—мать умерла съ горя. Невѣста соскучилась ждать меня и уѣхала въ Страсбургъ. А я—я сталъ отверженнымъ. Я вѣдь изъ тюрьмы... Но я отомстилъ этимъ ищейкамъ, и я буду драться съ нѣмцами, покуда хоть капля крови останется въ моихъ жилахъ...



Эпизодъ изъ войны на западномъ фронтѣ.



Во время одного изъ боевъ въ Шампани французскіе саперы приблизились подъ землей къ германскимъ траншеямъ и взорвали ихъ. Французская пѣхота, пользуясь замѣшательствомъ, вызваннымъ взрывомъ среди германскихъ войскъ, отправляется въ атаку.



Гаврошъ.

Изъ разсказовъ о великой войнѣ

М. Первухина.

Онъ «прилипъ» къ англичанамъ еще въ день ихъ высадки въ Тулонѣ. И тогда же между нимъ и сержантомъ Чальзомъ Друдомъ завязалась своеобразная дружба.

Другъ кое-какъ, хоть съ трудомъ, но говорилъ по-французски. «Гаврошъ», родившійся и выросшій въ порту, объяснялся на какомъ-то особомъ, портовомъ «арго», и зналъ сотню фразъ по-англійски. Можетъ-быть, именно это и подкупило англичанъ въ пользу черноглазаго мальчугана, заставивъ ихъ, чопорныхъ, щеголевато одѣвающихся, простить «пріемышу» его сборныя лохмотья и грязныя руки.

Единственнымъ серьезнымъ недоразумѣніемъ между «прилипшимъ» мальчикомъ и англичанами было слѣдующее: на остановкѣ послѣ перваго же этапа, когда англичане расположились лагеремъ на берегу какого-то ручья, Друдъ изловилъ Шарло, стащилъ его съ берега въ воду, и тамъ теръ его смуглое тѣло, мылилъ его голову и выпустилъ только тогда, когда вся грязь съ мальчугана сошла. А когда прозябшій мальчикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, вырвался, наконецъ, изъ рукъ своего мучителя, оказалось, что всѣ его засаленныя лохмотья исчезли.

Шарло Нибэ,—такъ звали его,—пришелъ въ отчаяніе и сидѣлъ на берегу, заливаясь слезами и проклиная свое увлеченіе англичанами. Кончившій тѣмъ временемъ собственное омовеніе сержантъ равнодушно слушалъ эти проклятія, а потомъ, одѣвшись, сказалъ нѣсколько словъ товарищамъ, и тѣ принялись рыться въ своемъ багажѣ.

— На, это—тебѣ. Порядочный человѣкъ долженъ одѣваться чисто,—услышалъ Шарло дидактическимъ тономъ произнесенныя слова сержанта.—Джентльменъ долженъ умываться, по крайней мѣрѣ, разъ въ день и брать ванну два раза въ недѣлю.

И въ рукахъ мальчугана оказался цѣлый узелъ изъ вещей, пожертвованныхъ въ его пользу ротою Друда: двѣ фуфайки, рабочая коротенькая курточка, штаны, нѣсколько шарфовъ, полторы дюжины носовыхъ платковъ, патентованныя подтяжки, носки, цѣлая коллекція гребешковъ, и, наконецъ, старенькая, но еще совсѣмъ пригодная бритва, съ которою мальчикъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать...

— Держи свои вещи всегда въ порядкѣ,—продолжалъ наставительно сержантъ.—Этотъ чемоданъ мнѣ не нуженъ. Ты можешь пользоваться имъ. Онъ еще достаточно крѣпокъ.

Покуда Шарло, уже одѣвшись, укладывалъ остальныя вещи въ чемоданъ, сержантъ внимательно смотрѣлъ на этотъ процессъ, потомъ поднялся, отошелъ въ сторону, вернулся.

— Возьми и это,—сказалъ онъ сухо.

— А что это такое? — освѣдомился Шарло.

— Зубная щетка и порошокъ для чистки зубовъ.

— А на кой чортъ мнѣ это,—запротестовалъ мальчуганъ, никогда въ жизни не испытывавшій потребности въ чисткѣ своихъ великолѣпныхъ бѣлыхъ зубовъ.

— Джентльменъ долженъ чистить зубы возможно чаще. Не меньше двухъ разъ въ день. Уходъ за зубами предохраняетъ ихъ отъ заболѣванія. Только у человѣка со здоровыми зубами бываетъ нормальное пищевареніе, и потому—нормальное питаніе. И только тотъ, кто здоровъ, можетъ удовлетворительно работать. Понялъ?

Шарло могъ бы отвѣтить, что всю свою жизнь онъ прожилъ, тщетно мечтая о

томъ, какъ бы хоть разъ наѣсться до-отвалу. Но ничего не отвѣтилъ, а ограничился тѣмъ, что, взявъ зубную щетку и коробочку съ порошкомъ, сунулъ ихъ въ тотъ же чемоданъ.

Когда рота Друда тронулась въ дальнѣйшій путь, сержантъ былъ увѣренъ, что мальчуганъ, разобиженный насильственно произведеннымъ купаньемъ, отстанетъ. Но едва поѣздъ отошелъ отъ станціи, Шарло, ликующій, смѣющійся, выползъ изъ-подъ скамьи вагона и безцеремонно усѣлся рядомъ съ Друдомъ.

— И ты здѣсь,—удивился англичанинъ.

— И я здѣсь,—отвѣтилъ мальчуганъ, явно имитируя Друда.

— Но мы идемъ драться.

— И я иду драться.

— Ты—малъ. Тебѣ лучше остаться дома.

— Дайте мнѣ адресъ моего дома,—засмѣялся Шарло.

— Ты долженъ вернуться къ отцу, къ матери...

— Эв-ва. Дайте мнѣ адресъ моего благороднаго отца, сэръ. Скажите мнѣ, сэръ, если вамъ извѣстно, гдѣ стоитъ замокъ моей обожаемой матери. Ха-ха-ха!

— У тебя нѣтъ ни отца ни матери,—удивился Друдъ.

— И не было никогда. Вотъ, чтобъ мнѣ лопнуть, если были когда-нибудь.

— Имѣются же какіе-нибудь родственники.

— Были, сэръ. Честное слово, были. Но ихъ черти взяли.

— Что такое?—нахмурился англичанинъ.

— Черти взяли,—продолжалъ увѣрять мальчуганъ, не смущаясь серьезною миною своего покровителя.—Была когда-то дорогая тетя Софія, но она имѣла несчастье найти золотые часы, и потому ее посадили въ тюрьму.

— За то, что она нашла золотые часы?—усомнился Друдъ.

— Ей Богу, за то,—подтвердилъ мальчикъ.—Но, сэръ, видите ли, въ чемъ штука... Часы-то она нашла въ карманѣ одного боцмана съ броненосца «Курбэ»... Ну, и ее посадили въ тюрьму. Впрочемъ, это было безконечно давно. Когда я былъ совсѣмъ еще молокососомъ...

— Но у тебя имѣются какіе-нибудь друзья, наконецъ, знакомые?

— Еще бы,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Шарло.—Вся тулонская портовая полиція—друзья-пріятели. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ меня встрѣчаетъ, сейчасъ же мнѣ вихры мять начинаетъ. Но мнѣ это надоѣло.

— Ты... ты учился въ какой-нибудь школѣ?

Мальчуганъ сталъ въ театральную позу и продекламировалъ, дѣлая жесты и кривляясь.

Моя школа — жизнь. Моя книга — улица.

— Но ты знаешь какое-нибудь ремесло?

— Тысячу и одно. Честное слово.

— Что же ты умѣешь?

— Что я умѣю,—улыбнулся мальчуганъ.—Вы лучше спросите, чего я не умѣю. Я умѣю—все.

— Напримѣръ?

— Умѣю приручать мышей и щеглятъ. Но чижики приручаются куда лучше, чѣмъ щеглы. Если кто вамъ скажетъ, что щегла легче приручить чѣмъ чижа,—плюньте ему въ рыло, сэръ.

Что я умѣю еще? Все. Ей Богу.

Мальчуганъ разошелся. Онъ сыпалъ словами. Онъ развертывалъ передъ своимъ слушателемъ цѣлую картину жизни подонковъ общества, картину, полную холоднаго трагизма.

...Да, мальчуганъ былъ правъ, утверждая, что ему извѣстно безконечное множество ремеслъ. Онъ пропитывался всяческими способами и на всѣ лады, какъ истинное дитя улицы, какъ пропитывается сорная трава, пустившая корешки между двухъ камней края панели...

Весною онъ бѣгалъ за экипажами, навязывая проѣзжающимъ букетики примулъ и фіалокъ. Осенью—онъ толокся у подъѣздовъ театра, всучивая посѣтителямъ либретто драмъ и оперъ, афишки, коробочки спичекъ, шпильки.

Лѣтомъ онъ таскалъ фрукты изъ садовъ и рылся въ чужихъ огородахъ, добывая картошку, морковь, яблоки, груши и персики. Зимою—онъ подстерегалъ возы съ антрацитомъ и воровалъ каменный уголь.

Круглый годъ онъ слонялся тамъ, гдѣ собираются толпы—и «зарабатывалъ» гдѣ случалось: на похоронахъ и на свадьбахъ, при патріотической демонстраціи и при проѣздѣ какого-нибудь высокопоставленнаго лица. Нанимался зазывальщикомъ въ кинематографъ, и участвовалъ въ томъ же кинематографѣ при инсценировкѣ какихъ-нибудь «трагедій, длиною въ 1800 метровъ». Бѣгалъ на посылкахъ, принималъ самыя разнообразныя порученія за самую скромную плату. Всюду проникалъ, всѣхъ и все зналъ.

— Ты—настоящій Гаврошъ, — задумчиво вымолвилъ знавшій литературу сержантъ, выслушавъ повѣствованіе мальчика.

— Ну, вотъ еще...—съ неудовольствіемъ отвѣтитъ тотъ.—Никогда «Гаврошемъ» не былъ и не буду. Это вы совсѣмъ напрасно...

— Да ты знаешь, что такое—Гаврошъ,—освѣдомился англичанинъ.

— А то нѣтъ. По-нашему, по портовому,—«гаврошъ»—стоптанная галоша. А я развѣ похожъ на стоптанную галошу?

Невольно Друдъ разсмѣялся. Потомъ онъ попытался объяснить мальчугану, что Гаврошъ, — геніально описанный Викторомъ Гюго типъ ребенка безъ семьи, безъ пристанища, — дитя парижскихъ улицъ.

И только узнавъ, что герой романа Гюго кончилъ свою жизнь на баррикадѣ, Шарло успокоился и согласился впредь откликаться на имя Гавроша.

— Что мы съ тобою будемъ дѣлать,—допытывался въ вагонѣ сержантъ у найденыша.

— А ничего,—отвѣчалъ тотъ беззаботно.

— Да пойми же ты: вѣдь черезъ два три дня мы придемъ на мѣсто и намъ придется драться съ нѣмцами. Не можемъ же мы таскать тебя съ собою туда, гдѣ будутъ драться.

— Почему нѣтъ?— удивился мальчикъ.

— Пойми: тамъ будутъ драться.

— Эв-ва,—загримасничалъ тотъ.—Велика важность. Думаете, я не умѣю драться. Еще какъ... Такую «тютю» могу поднести, если понадобится... Опять же,—если «съ подножкою»...

Англичанинъ расхохотался.

— Повидимому, — сказалъ онъ, — ты воображаешь, что на войнѣ дерутся на кулакахъ и устраиваютъ другъ другу «подножки».

— Ну, да. Вовсе я не такой дуракъ,—обиженно возразилъ Шарло. — Я вѣдь въ Тулонскомъ порту выросъ. Съ матроснею возился. На броненосцахъ бывалъ. Одинъ разъ даже чуть-чуть на подводную лодку не попалъ. Я отлично понимаю, что на войнѣ стрѣляютъ изъ ружей и изъ пушекъ. Да вы попробуйте, дайте мнѣ настоящее ружье, да покажите, какъ изъ него стрѣлять,—я въ одинъ мигъ пойму. Опять же, если пушку дадите...

— Большую или маленькую,—улыбнулся англичанинъ.

Мальчикъ нѣсколько смутился, но скоро оправился, и весело засмѣялся.

— Во всякомъ случаѣ,—напыщенно вымолвилъ онъ, опять принявъ театральную позу,—я выучилъ на зубокъ текстъ обращенія мосье президента къ французскому народу:

«Въ минуту опасности вся Франція, какъ одинъ человѣкъ, пойдетъ противъ врага. Я—тоже Франція. Я всталъ и пошелъ противъ врага. То-есть, присталъ къ вамъ, милорды».

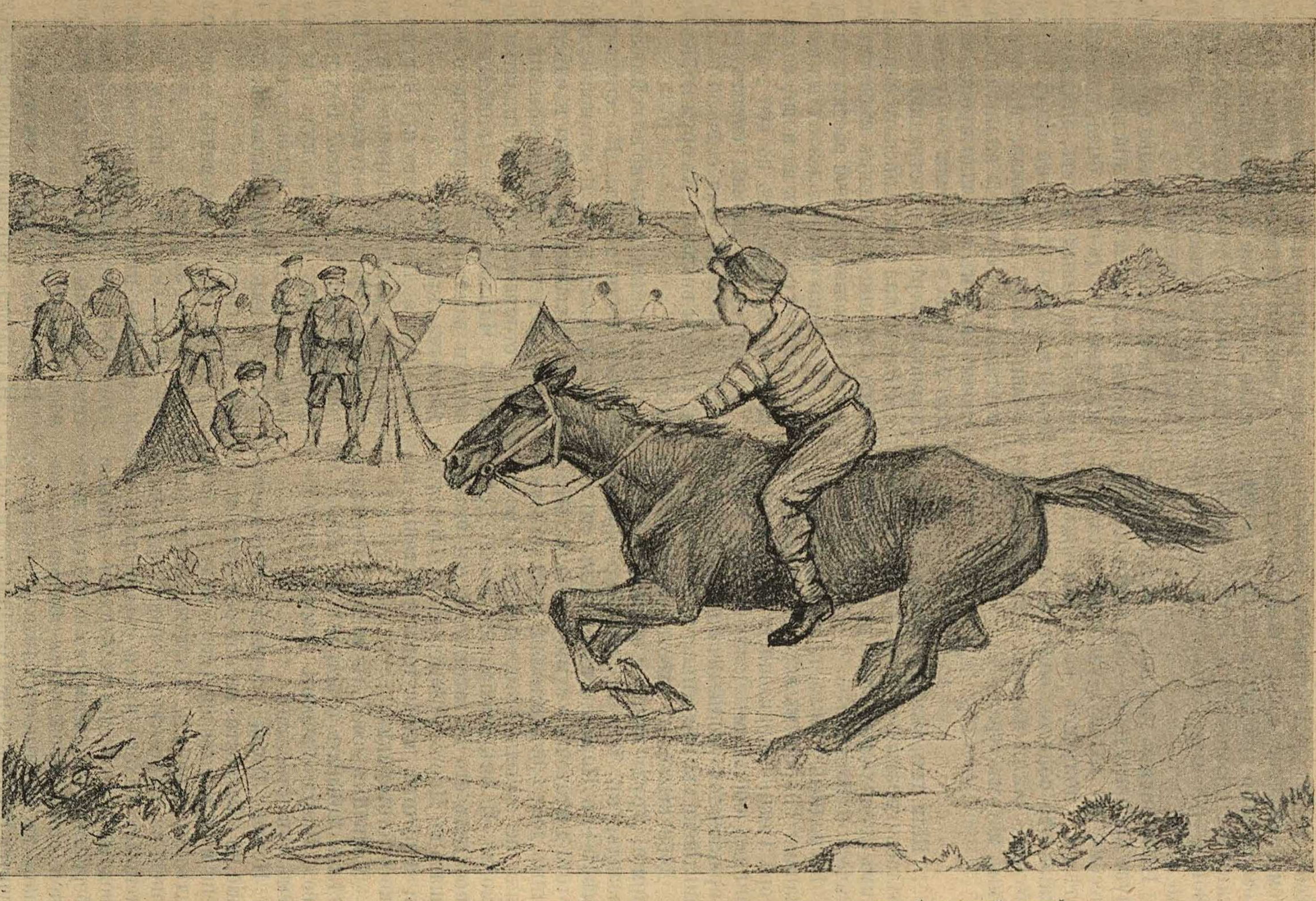
И, измѣнивъ тонъ, Шарло схватилъ Друда за руку:

— Миленькій! Сэръ! Да развѣ я вамъ помѣшаю? Господи! Я вѣдь въ любую щелку забьюсь. Нѣмцы меня и не замѣтятъ. А я всякую работу готовъ дѣлать. Сапоги буду чистить. За папиросами въ лавочку бѣгать. Все, словомъ, только не прогоняйте меня! Вѣдь, ей Богу же, мнѣ дѣваться некуда!

Было что-то подкупающее въ его голосѣ, глубокое волненіе отражалось въ чертахъ его маленькаго, тощаго лица, черные глаза съ мольбою впивались въ лицо Друда.

И, подумавъ, Друдъ отвѣтилъ:

— Хорошо, бой. Если мои товарищи не выскажутся противъ твоего присутствія среди насъ,—я согласенъ взять тебя съ собою. Но только до линіи сраженія. Понимаешь? До линіи, не на линію. Дѣтямъ нечего дѣлать тамъ, гдѣ



Вблизи лагеря вдругъ показался скачущій во весь опоръ всадникъ на ободранной клячѣ.

рѣшаются такіе вопросы. Ты—ребенокъ. Тебѣ надо расти, учиться, чтобы потомъ, въ свое время, получить право сознательно сражаться за твою родину, какъ мы сражаемся за Старую Англію. Война—не игра. Война—страшное дѣло...

Но мальчикъ уже не слушалъ. Взвизгнувъ пронзительно,—онъ прокатился колесомъ по вагону, ударилъ ногами въ стѣнку, получилъ подзатыльникъ отъ какого-то солдата, опять покатился колесомъ, сталъ на ноги и заоралъ благимъ матомъ «ура».

* *
*

... Шли дни, бѣжали недѣли. Разыгрывались грозныя событія, одинъ за другимъ происходили эпизоды великой титанической борьбы.

Безродный Шарло, прозванный англичанами Гаврошемъ въ честь героя Виктора Гюго,—«приклеился» къ этимъ великимъ событіямъ, какъ въ свое время «приклеился» къ шедшей на войну ротѣ англійскихъ пѣхотинцевъ.

Добравшись до мѣстъ расположенія арміи, Друдъ пытался отправить Шарло назадъ, въ Тулонъ, или, по крайней мѣрѣ—въ Парижъ, и снабдилъ его для этого достаточною суммою денегъ. Мальчикъ долго отказывался, плакалъ, умоляя не отсылать его,—но ничто не помогло. И онъ подчинился. Самъ Друдъ посадилъ его въ вагонъ поѣзда, увозившаго въ Парижъ бѣглецовъ изъ Бельгіи, и поручилъ мальчугана попеченію какого-то старика.

Мальчикъ исчезъ, и молодой сержантъ сталъ забывать о встрѣчѣ съ нимъ. И вотъ Шарло-Гаврошъ напомнилъ о своемъ существованіи.

Полкъ Друда совершалъ передвиженіе по мѣстности, на которой непріятель еще не показывался. Около полудня былъ сдѣланъ привалъ. Солдаты расположились на бивуакѣ на берегу задумчиво текшаго тихаго ручья съ прозрачными водами и въ зеленый бархатъ одѣтыми берегами. Утомленіе отъ перехода, дневной зной, врожденная любовь англичанъ къ опрятности сдѣлали свое дѣло: считая себя въ полной безопасности, солдаты одинъ за другимъ стали соблазняться близостью рѣки, и предались любимому развлеченію—купанью.

Офицеры сердились, кричали, выгоняли любителей купанья изъ воды, но едва очищался отъ голыхъ бѣло-розовыхъ тѣлъ одинъ участокъ берега, какъ ими покрывался другой.

И вотъ въ это мгновенье на пыльномъ шоссе показался скачущій во весь опоръ всадникъ. Подъ нимъ была, напоминающая ободранный скелетъ, дряхлая кляча безъ сѣдла, самъ онъ былъ въ кэпи французскаго пѣхотинца, въ фуфайкѣ британскаго моряка, а штаны его всѣмъ своимъ видомъ обличали происхожденіе изъ Алжира,—ибо были сооружены изъ шароваръ стрѣлка иностраннаго легіона.

Не доѣзжая до англійскаго бивуака,—этотъ странный всадникъ кубаремъ скатился съ коня, который растянулся тутъ же. Но конь остался лежать въ канавѣ, а всадникъ вскочилъ на ноги, замахалъ шапкою и закричалъ во все горло:

— Милорды! Нѣмцы сидятъ въ засадѣ! Кавалерія! Они сейчасъ налетятъ на васъ! Я видѣлъ... Къ оружію! Къ оружію!

Слова вѣстника далеко не всѣми англичанами были поняты. Но сигналъ къ тревогѣ былъ данъ. И купающіеся принялись вылѣзать изъ воды и одѣваться. Тѣмъ временемъ новоприбывшій увидѣлъ стоявшаго у своей палатки сержанта Чарльза Друда, подбѣжалъ къ нему и заплясалъ вокругъ него съ радостнымъ крикомъ:

— Это я, Шарло, это я, Гаврошъ. Я вовсе не уѣхалъ въ Парижъ. Очень мнѣ нуженъ Парижъ, подумаешь... Развѣ дерутся тамъ, а не здѣсь? Ну, и я улепетнулъ изъ вагона, куда вы меня, сэръ, посадили. И я прибылъ сюда вмѣстѣ съ всѣмъ моимъ багажомъ. Ура! Къ оружію, граждане!

Потомъ, что-то вспомнивъ,—онъ схватилъ Друда за руку:

— Сэръ! Они мнѣ не вѣрятъ. Но вѣдь я видѣлъ нѣмцевъ собственными глазами. Они строятся вонъ за этимъ лѣсомъ. Уланы. Цѣлый полкъ. Они сейчасъ нападутъ на васъ.

Вонъ они! Смотрите, смотрите!

Въ самомъ дѣлѣ, за жидкою растительностью перелѣска замелькали конныя

фигуры. Нѣсколько минутъ,—и произошла знаменитая атака прусскаго гвардейскаго уланскаго номеръ седьмой полка на англійскій бивуакъ.

Эпизодъ этотъ лишній разъ доказываетъ, какъ даже въ современной будто бы научной войнѣ силенъ элементъ чистой случайности: уланы сбились съ дороги, заблудились, ночью незамѣтно для самихъ себя прорѣзали линію расположенія англо-французскихъ войскъ, оказались въ ихъ тылу. Случайно они обнаружили пребываніе англійскаго пѣхотнаго полка, который считалъ себя въ полной безопасности, находясь на добрыхъ двадцать километровъ отъ линіи огня. Нѣмецкій командиръ порѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и неожиданною атакою уничтожить англійскій полкъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ попытаться улизнуть къ своимъ войскамъ, пользуясь смятеніемъ непріятеля.

Все это, вѣроятно, имѣло шансы на успѣхъ, если бы не...

Если бы не Шарло-Гаврошъ, пріемышъ сержанта Друда: суть въ томъ, что мальчикъ, прогнанный Друдомъ, отправленный имъ въ Парижъ, дѣйствительно на первой же станціи улизнулъ изъ вагона, захвативъ съ собою и чемоданчикъ, подаренный ему англичанами, со всѣми заключавшимися въ немъ сокровищами вплоть до старой бритвы и зубной щетки. Блуждая, Шарло добрался до послѣдней стоянки знакомаго полка англичанъ, но благоразумно прятался, чтобы не попасться Друду на глаза и не подвергнуться вторичной высылкѣ. Полкъ отправился въ походъ. Гаврошъ послѣдовалъ крадучись за нимъ сторонкою, таща на плечахъ тяжеловатый чемоданъ и обливаясь потомъ.

Когда англичане расположились на отдыхъ на берегу рѣчонки,—мальчуганъ забился въ ближайшій перелѣсокъ. Прячась тамъ, онъ услышалъ людскіе голоса, и, притаившись, увидѣлъ отрядъ непріятельскихъ развѣдчиковъ, выслѣживавшихъ дѣйствія англичанъ.

Другой на мѣстѣ Гавроша поторопился бы улизнуть. Но мальчуганъ былъ и смѣлъ и сообразителенъ: когда развѣдчики отошли къ своему лагерю, Гаврошъ оставивъ чемоданъ, ползкомъ послѣдовалъ за ними, и съ вершины какого-то холмика выглядѣлъ нѣмецкій лагерь, увидѣлъ, какъ тамъ поднялась тревога, какъ люди принялись строиться въ ряды.

— Они готовятся къ атакѣ, — сообразилъ мальчуганъ.—Если никто не предупредитъ англичанъ, нѣмцы ихъ расчешутъ здорово. Значитъ, я долженъ ихъ предупредить, хотя они и свиньи: выгнали меня.

Въ лѣсу блуждала брошенная полуслѣпая кляча. Гаврошъ изловилъ ее и вовремя прискакалъ къ рѣчкѣ, чтобы предупредить своихъ неблагодарныхъ пріятелей объ опасности.

Знаменитою оказалась послѣдовавшая схватка между нѣмцами и англичанами еще въ одномъ отношеніи: въ ней повторились сцены давнихъ временъ, изображенныя въ цѣломъ рядѣ картинъ итальянскихъ великихъ мастеровъ эпохи Возрожденія.

Когда нѣмцы бросились въ атаку,—только около половины людей англійскаго полка были одѣты. Они моментально схватились за ружья и выстроились въ ряды. Остальные были сигналомъ тревоги застигнуты въ моментъ купанья и въ одно мгновенье выскочили на берегъ. Одѣваться было некогда: въ пору оказывалось только схватиться за ружья и патронныя сумки...

И вотъ нѣмцы налетѣли ураганомъ на англичанъ. Издали они видѣли голыхъ людей, и мчались въ атаку въ полной увѣренности, что англичане не смогутъ оказать сопротивленія, даже не успѣютъ построить каррэ. Но расчетъ оказался ошибочнымъ: голые солдаты стали въ ряды одѣтыхъ товарищей, полкъ, какъ одинъ человѣкъ, повиновался приказаніямъ командира. Подпустивъ кавалеристовъ на нѣсколько сотъ шаговъ, англичане дали одинъ залпъ, потомъ другой, потомъ третій.

Мчавшаяся на англичанъ живая лавина словно наткнулась на желѣзную стѣну изъ пуль,—и тамъ гдѣ столкнулись эти двѣ силы,—въ мгновенье ока образовался валъ изъ людскихъ и лошадиныхъ труповъ. Кавалеристы отхлынули, перестроили ряды, снова пошли въ атаку, и снова встрѣтили суровый отпоръ.

Въ третій разъ имъ уже и въ голову не приходило атаковывать: въ пору было позаботиться о собственномъ спасеніи. А англичане стрѣляли, какъ на ученьи.

Нѣмцы сунулись въ тотъ лѣсокъ, гдѣ они прятались съ утра,—но изъ лѣсу ихъ встрѣтили мѣткіе выстрѣлы: туда подошелъ французскій пѣхотный батальонъ. Уланы оказались въ безвыходномъ положеніи: пути къ своимъ были для нихъ отрѣзаны. Оставалось или пробиваться, или заботиться о томъ, чтобы по возможности дороже продать собственную жизнь. Они спѣшились и залегли въ наскоро вырытыхъ траншеяхъ. Но тогда англійскій командиръ далъ въ свою очередь сигналъ къ атакѣ, и его полкъ ринулся на залегшихъ нѣмцевъ въ штыки. На ряду съ одѣтыми солдатами бѣжали въ атаку и голыши...

Полчаса спустя нѣмецкій уланскій полкъ пересталъ существовать. Кто уцѣлѣлъ при свалкѣ,—тотъ былъ взятъ въ плѣнъ.

* * *

Когда все было кончено, выдержавшій жестокую схватку и имѣвшій не мало выбывшихъ изъ строя, полкъ отдыхалъ, празднуя первую побѣду. Страстные любители купанья успѣли одѣться. Командиръ полка ограничился строгимъ выговоромъ за проявленную солдатами неосторожность, хотя и самъ оказывался не менѣе рядовыхъ повиннымъ въ томъ же грѣхѣ.

Солдаты чествовали настоящаго героя этого дня,—своего непокорнаго пріемыша Шарло-«Гавроша».

А мальчуганъ, сидѣвшій на травѣ у палатки сержанта Друда, съ серьезнымъ видомъ говорилъ:

— Ну, милорды... Думаю, что теперь вамъ и въ голову не придетъ прогонять меня. Какъ видите, я вовсе не такъ безполезенъ... Собственно говоря, не предупреди я васъ,—чортъ знаетъ, что могло бы выйти. Растеряли бы вы и свои зубочистки, и... и свои штаны.

Дѣйствительно, съ этого момента никому и въ голову не приходило отдѣлываться отъ мальчугана. Онъ офиціально сталъ товарищемъ, сталъ «своимъ» человѣкомъ для всего полка. Суровый по наружности, а по существу добросердечный сержантъ Друдъ, и тотъ сдался, и согласился на присутствіе «Гавроша».

Осуществилась и давнишняя мечта мальчугана: онъ получилъ полное вооруженіе.

Сначала онъ облюбовалъ короткій и легкій карабинъ какого-то убитаго нѣмецкаго улана. Но потомъ, подъ вліяніемъ Чарльза Друда, отказался отъ нѣмецкаго ружья и согласился стать владѣльцемъ англійской винтовки.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло,—говорилъ спокойно и серьезно сержантъ.— Правда, карабинъ легче винтовки. Тебѣ болѣе по силамъ. Такъ. Но вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы таскать съ собою оружіе. Это не игра въ солдатики.

— Конечно, не игра.

— Не перебивай, а слушай. Ружье служитъ для того, чтобы изъ него стрѣлять. Такъ.

— Разумѣется.

— Для того, чтобы стрѣлять, нужны патроны.

— А я уже набралъ полные карманы нѣмецкихъ патроновъ,—ликуя, заявилъ мальчуганъ. — Я вѣдь не такъ глупъ, какъ вы думаете, сэръ.

— Я вовсе не думаю, что ты глупъ,— серьезно остановилъ его сержантъ.—Напротивъ, я убѣдился, что ты и смышленъ, и... храбръ.

— Благодарю за комплиментъ,—расшаркался Шарло, дѣлая преуморительную гримасу.—Вы, сэръ, въ бою тоже не обманули моихъ ожиданій. Я видѣлъ, какъ вы дрались съ нѣмцами... Ничего, право, недурно.

Англичанинъ невольно улыбнулся.

— Слушай дальше,—продолжалъ онъ.— Итакъ, ты запасся нѣмецкими патронами. Это доказываетъ твою сообразительность. Но... но сколько ихъ у тебя? Двадцать, тридцать?

— Полсотни, — похвастался мальчуганъ.

— Если ты вздумаешь стрѣлять,—то этого запаса тебѣ хватитъ на полдня, мой милый. А гдѣ ты будешь пополнять свой запасъ. Вѣдь полкъ не можетъ таскать съ собою отдѣльный ящикъ съ отобранными у нѣмцевъ па-



Гаврошъ ухаживалъ за раненымъ сержантомъ Чарльзамъ Друдомъ, скрывавшимся въ лѣсу.

тронами ради тебя, единственнаго человѣка. Всѣ солдаты данной боевой единицы должны быть вооружены одинаково. Это — аксіома современнаго военнаго дѣла...

— Какъ же быть?—озабоченно освѣдомился сообразительный мальчикъ.— Безъ ружья я быть не согласенъ.

Сержантъ вышелъ, переговорилъ съ однимъ изъ офицеровъ, и вернулся, неся англійскую винтовку.

— Бери это. Владѣльца винтовки нѣтъ уже въ живыхъ. Это былъ славный парень. У него, какъ и у тебя, не было ни отца ни матери, но была родина. Онъ добровольцемъ пошелъ драться за свободу этой родины, и... Впрочемъ, что толковать объ этомъ. Мы вѣдь на войнѣ, и каждый изъ насъ долженъ быть готовымъ къ смерти... А ружье ты береги: Носить ружье—большая честь. Понимаешь?

— Понимаю, — серьезно отвѣтилъ Шарло.

Такимъ образомъ Шарло сталъ обладателемъ ружья.

Признаться по совѣсти, управляться съ этимъ ружьемъ было не такъ легко, какъ мальчикъ думалъ: англійская винтовка Ли-Метфордъ достаточно тяжеловѣсна. А мальчуганъ,—хотя и достаточно сильный для своихъ двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, вовсе не былъ атлетомъ. Къ тому же онъ въ дѣтствѣ изголодался, и это значительно задержало его развитіе.

Особенно давала себя знать тяжесть винтовки въ часы переходовъ: Шарло быстро утомлялся, выбивался изъ силъ. Но тогда на помощь ему приходилъ кто-

нибудь изъ солдатъ, чаще всего самъ сержантъ Чарльзъ Друдъ.

— Давай сюда ружье. Я понесу,— слышалъ мальчуганъ спокойный, ласковый голосъ, и ружье переходило въ руки молча шагающаго рядомъ съ нимъ долговязаго Томми или Билли.

Совершали безконечные переходы и переѣзды. Останавливались, отдыхали. Опять шли или ѣхали. Два раза участвовали въ ружейной перестрѣлкѣ. Одинъ разъ простояли нѣсколько часовъ подъ градомъ артиллерійскихъ снарядовъ.

А потомъ...

Нѣмцы, поставившіе въ этой ужасной войнѣ на карту все, дрались, какъ бѣшеные, пробиваясь къ Парижу. Натыкались на англо-французскую армію, какъ на стѣну,—и пытались обойти эту стѣну. Но стѣна вытягивалась, вытягивалась, какъ длинная рука, загораживая путь врагамъ къ сердцу Франціи. И такъ дотянулась до морского берега.

По временамъ эта стѣна мѣстами подавалась назадъ подъ жестокимъ напоромъ врага, вгибалась. По временамъ гнулся врагъ, и стѣна надвигалась на него.

Ирландскій стрѣлковый кильмартенскій полкъ, въ которомъ служилъ сержантъ Друдъ, былъ высланъ въ передовую линію, когда происходилъ страшный бой на Марнѣ. Потомъ этотъ полкъ, или, правильнѣе, то, что отъ полка осталось, было отведено въ тылъ: полкъ такъ пострадалъ въ рядѣ схватокъ съ баварцами, что его необходимо было пополнить резервами, заново снабдить офицерами и амуниціею. Когда выведенный съ фронта полкъ оказался на бивуакѣ далеко позади линіи фронта, была устроена перекличка для опредѣленія наличнаго состава. На перекличкѣ не откликнулись многіе, въ томъ числѣ не откликнулся и сержантъ Чарльзъ Друдъ.

Кто-то изъ товарищей солдата вспомнилъ:

— Друда подстрѣлили нѣмцы, когда мы отступали отъ водяной мельницы.

— А гдѣ тотъ мальчуганъ, который всюду увязывался за Друдомъ?— освѣдомился дѣлавшій перекличку офицеръ.

— Маленькій французъ? Гаврошъ?

Солдаты безпомощно переглянулись. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ общій любимецъ, веселый Гаврошъ, потѣшавшій солдатъ своими выходками, штуками, фокусами, и такъ бодро таскавшій тяжелое ружье?

— Вѣроятно, куда-нибудь удралъ,— въ полголоса замѣтилъ одинъ изъ рядовыхъ. Но другіе запротестовали:

— Нѣтъ, мальчишка не таковъ. Онъ дрался, какъ чертенокъ. Когда мы засѣли на мельницѣ, и у насъ не хватало патроновъ,—онъ, какъ угорь проползалъ къ резервамъ и приносилъ оттуда патроны подъ градомъ пуль. У мальчугана— сердце взрослаго человѣка...

— Но гдѣ же онъ?

И кто-то глухо вымолвилъ:

— Значитъ, и его уложили нѣмцы.

У всѣхъ были словно окаменѣвшія лица. Только руки крѣпче сжимали стволы ружей, да зубы скрипѣли...

Но предположеніе солдатъ, будто ихъ любимца, ихъ «Гавроша» уложила какая-нибудь шальная пуля въ бою, было далеко отъ истины. О томъ, какая судьба постигла «Гавроша» и сержанта Друда, — узнали только значительно позже, когда неимовѣрнымъ усиліемъ французамъ и англичанамъ удалось «выпрямить фронтъ» и оттиснуть нѣмцевъ на нѣсколько десятковъ километровъ къ сѣверо-востоку.

Тамъ были холмистыя поля, долины, изрѣзанныя рѣками, лѣса, болота, городки, села, отдѣльныя фермы. И все это пространство обратилось въ одно гигантское кладбище: столько было труповъ.

Занявъ эту мѣстность послѣ ряда жестокихъ боевъ, нѣмцы принялись методически «очищать» ее. Прежде всего, «очищали» отъ съѣстныхъ припасовъ и корма для скота, совершая у населенія одну реквизицію за другою. Потомъ «очищали» карманы населенія, накладывая контрибуціи. Потомъ стали «очищать» жилища, цѣлыми поѣздами вывозя въ Германію подушки, перины, столовые и стѣнные часы, піанино, картины, вазы, кухонныя кострюли, ковры, кресла,— словомъ, все, что только можно было вывезти.

Одновременно вся занятая нѣмцами мѣстность дѣятельно очищалась отъ остатковъ англо-французскихъ отступившихъ въ первые дни битвы отрядовъ: бои

шли по фронту, растянувшемуся на сотни полторы километровъ, на огромномъ пространствѣ, враждующіе, такъ сказать, профильтровывались въ ряды другъ друга. При отступленіи многіе отставали, и потомъ недѣлями блуждали, прячась въ лѣсахъ и оврагахъ, зарываясь въ землю, показываясь на поверхность только по ночамъ. Кромѣ отставшихъ, было не мало раненыхъ, которыхъ свои не успѣли подобрать отступая. Эти раненые валялись въ перелѣскахъ, умирали, или, выползая изъ своихъ убѣжищъ, находили временный пріютъ въ нѣкоторыхъ чудомъ уцѣлѣвшихъ фермахъ, покуда туда не заходили нѣмцы. Тогда раненые становились плѣнными, и ихъ увозили въ полевые лазареты, а потомъ отправляли куда-то въ глубь Германіи.

Маленькій поселокъ Виллльбуа остался какъ-то въ сторонѣ отъ пронесшагося надъ краемъ урагана, и если и подвергся разоренію, то избѣгъ участи быть разрушеннымъ, какъ были разрушены десятки, сотни другихъ человѣческихъ гнѣздъ.

Въ первое время нѣмцы даже не обратили вниманія на этотъ поселокъ: заглянулъ сюда сильный отрядъ изъ баварскихъ рыжеволосыхъ и голубоглазыхъ солдатъ, обобралъ жителей и ушелъ дальше.

На другой день въ поселкѣ появился оборвышъ-мальчуганъ, съ острою мордочкою, съ блестящими черными глазами и съ вѣчною улыбкою на блѣдныхъ губахъ. Жители поселка не замедлили признать въ немъ своего человѣка: такой же французъ, какъ и они. Пребываніе его объяснили просто: заблудился кто-нибудь изъ бѣглецовъ съ сѣвера. Добродушные крестьяне приняли мальчугана радушно: обогрѣли, накормили, и даже пріодѣли. Его лохмотья были сожжены, а самъ онъ получилъ, правда, ветхій, но все же чистый комплектъ бѣлья и костюма, и, переодѣвшись, преобразился въ опрятно одѣтаго деревенскаго подростка. Ему предлагали пріютъ,—онъ уклонился. На разспросы онъ отвѣчалъ уклончиво. Эту уклончивость поняли и оцѣнили: у мальчугана есть кто-то въ лѣсу, откуда онъ пришелъ. Этотъ кто то, должнобыть, солдатъ. Если солдатъ придетъ сюда, въ Вилльбуа, это можетъ вызвать нежелательныя послѣдствія для самого поселка. Нѣмцы будутъ заглядывать сюда, скрыть солдата не удастся. Самъ онъ попадетъ въ плѣнъ, а тѣмъ, кто далъ ему пріютъ, нѣмцы не простятъ.

И мальчугана избавили отъ разспросовъ. Но надарили ему, дѣлясь послѣдними крохами, и хлѣба, и сахару, и ветчины, и кофе.

Онъ серьезно поблагодарилъ. И попросилъ чистыхъ тряпокъ, іоду и ваты. Поняли: невѣдомый товарищъ мальчугана изъ лѣсу — не только солдатъ, но еще и раненый. Покачали головами. Дали то, что было подъ рукою. Кто-то шопотомъ посовѣтовалъ:

— Вамъ, бѣдняги, надо бы уйти.

Взоръ мальчугана затуманился. Стиснувъ зубы, онъ отвѣтилъ:

— Нельзя уйти-то.

И исчезъ, не сказавъ, гдѣ будетъ прятаться. Дня черезъ два снова пробрался въ поселокъ, и встрѣтилъ тотъ же радушный пріемъ и предупрежденіе.

— Нѣмцы опять заглядывали сюда. Все разспрашиваютъ,—не прячутся ли бѣглецы. Смотри, парень.

День спустя одинъ изъ обитателей поселка увидѣлъ мальчугана въ перелѣскѣ, и, робко оглядываясь по сторонамъ, шопотомъ сообщилъ ему.

— Нѣмцы поставили въ Вилльбуа цѣлую роту. Все—тирольцы. Скотъ на скотѣ. Воръ на ворѣ. Насильники... И хуже всѣхъ офицеръ. Барончикъ франтъ. Ходитъ, ѣстъ и спитъ съ моноклемъ въ глазу. Обшарили все. Избили полевого сторожа, церковь обратили въ конюшню. Круто намъ, парень. А ты все еще уйти не можешь?

— Не могу,—стиснувъ зубы, отвѣтилъ «парень».

— Твое дѣло. Но, смотри: попадетесь вы...

И, въ самомъ дѣлѣ,—они «попались».

Высланный нѣмцами конный разъѣздъ, обшаривая лѣсъ, нашелъ слѣды пребыванія въ немъ людей, а по слѣдамъ отыскалъ и одного изъ этихъ людей. Это былъ англійскій стрѣлокъ, сержантъ Чарльзъ Другдъ. Ни убѣжать, ни защищаться, ни, наконецъ, покончить съ собою бѣдняга не могъ: на его тѣлѣ

было пять или шесть ранъ, правая рука перебита, на лѣвой отстрѣлены два пальца.

Раненаго подобрали и привезли въ Виллльбуа. Но не съ тѣмъ, чтобы сдать въ ближайшій лазаретъ...

Командовавшій тирольцами лейтенантъ Максимильянъ фонъ-Блюменфельдъ отдалъ приказъ предать плѣнника военно-полевому суду по обвиненію... въ шпіонствѣ.

И самъ щеголеватый лейтенантъ и участники военнаго трибунала изъ солдатъ отряда отлично понимали, что обвиненіе ложно: ихъ плѣнникъ уже потому не могъ быть ни шпіономъ ни развѣдчикомъ, что былъ лишенъ возможности двигаться. Но онъ былъ врагомъ, больше того—онъ былъ англичаниномъ. Съ нимъ надо было покончить.

Сержантъ Друдъ послѣ первыхъ вопросовъ понялъ, что съ нимъ играютъ комедію. Онъ былъ сыномъ великой и гордой націи,—націи, которая своимъ девизомъ поставила лучшій изъ девизовъ въ мірѣ:

— Никогда, никогда англичанинъ не будетъ рабомъ.

И онъ отказался отвѣчать на вопросы, а когда фонъ-Блюменфельдъ ударилъ его по лицу, англичанинъ, сверкнувъ глазами, кинулъ въ лицо нѣмцу одно только слово, и это слово было клеймомъ:

— Палачъ!

Мнимый военно-полевой судъ приговорилъ плѣнника къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Дѣйствуя такъ, лейтенантъ исполнялъ опредѣленныя инструкціи высшаго начальства:

— Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, терроризировать мѣстное населеніе и отбить у него охоту оказывать какое либо сопротивленіе.

Смертная казнь плѣннаго англичанина должна была послужить устрашающимъ средствомъ по отношенію къ запуганнымъ и безъ того до полусмерти обитателямъ Виллльбуа. Поэтому фонъ-Блюменфельдъ потребовалъ, чтобы всѣ обитатели поселка присутствовали при разстрѣляніи Друда. Самый процессъ казни былъ неимовѣрно растянутъ: приговоръ вынесли около полудня, а совершеніе казни было назначено на четыре часа. Четыре часа приговоренный долженъ былъ ожидать конца.

Онъ не могъ держаться на ногахъ. Тогда его усадили въ кресло и опутали веревками. Кресло было поставлено на площади, у обращенной въ конюшню церкви. Согнаннымъ на площадь жителямъ Виллльбуа было приказано не отлучаться съ площади. И они, запуганные, дрожащіе, стояли тутъ же, не смѣя даже взглядомъ выразить свое сочувствіе бѣднягѣ англичанину...

Незадолго до четырехъ въ молчаливой толпѣ обитателей поселка произошло движеніе: на площади появился тотъ самый мальчуганъ, который навѣдывался раньше въ деревню. Это былъ безродный Шарло, прозванный англичаниномъ «Гаврошемъ». Онъ отлучался утромъ изъ лѣсу, чтобы добыть для своего друга пищи и новыхъ тряпокъ для перевязки; онъ, вернувшись, по оставленнымъ нѣмцами слѣдамъ и по отсутствію Друда сообразилъ, въ чемъ дѣло, и пришелъ въ деревню, чтобы раздѣлить участь сержанта. Не обращая вниманія на нѣмецкихъ солдатъ, онъ бросился къ сержанту и принялся цѣловать его блѣдное лицо.

Вышедшій на площадь лейтенантъ фонъ-Блюменфельдъ изумился.

— Это что за мальчишка?—освѣдомился онъ.—Изъ этого поселка, что ли?

— Нѣтъ, нѣтъ,—запротестовали обитатели.—Не знаемъ. Въ первый разъ видимъ.

Мальчикъ понималъ, что заставляетъ бѣдняковъ отрекаться отъ всякой солидарности съ нимъ, и самъ заявилъ:

— Я тутъ въ первый разъ. И я никого здѣсь не знаю, кромѣ этого человѣка.

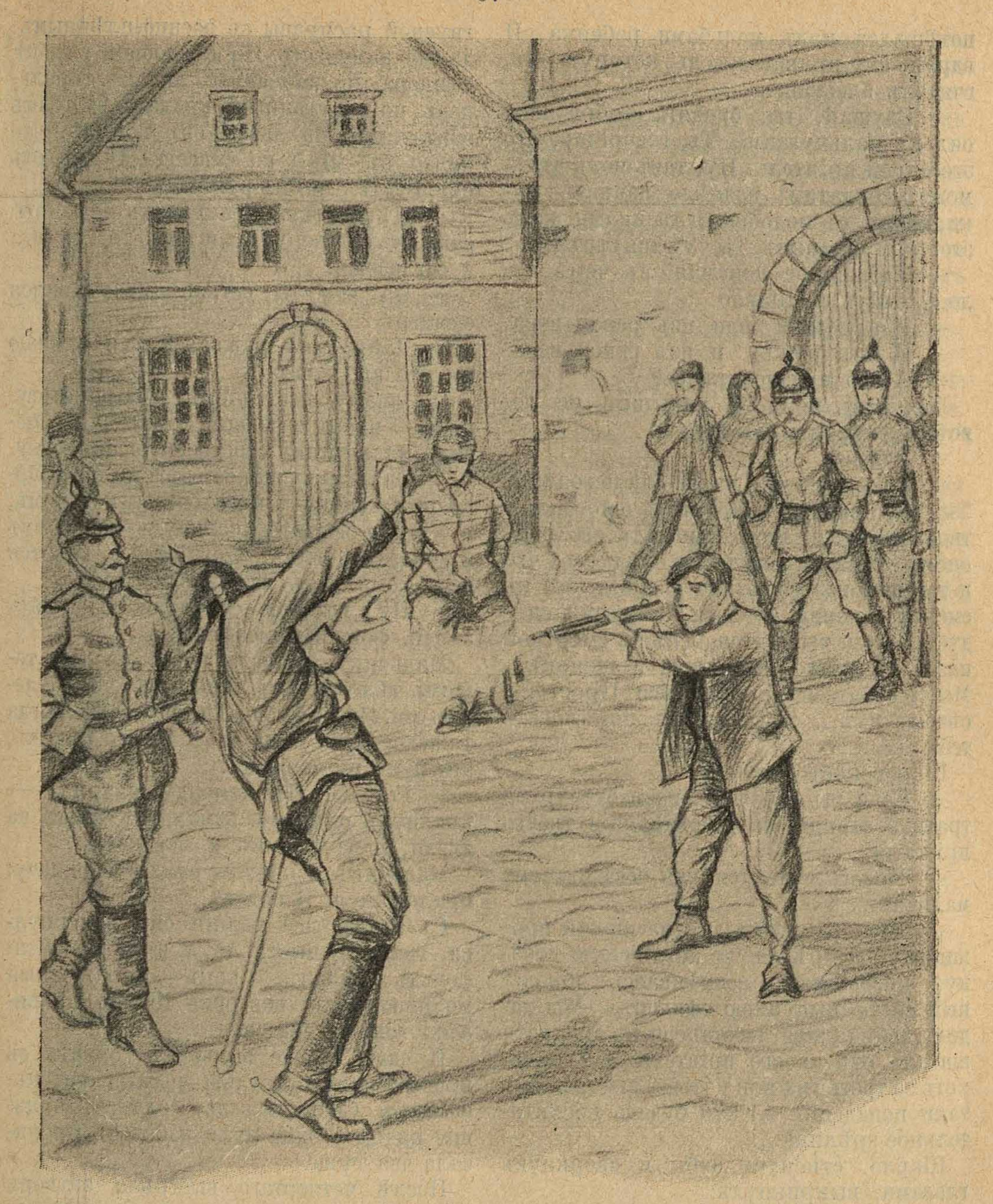
И онъ показалъ на Друда.

— А онъ тебѣ чѣмъ приходится?—съ насмѣшкою освѣдомился лейтенантъ.—Родственникъ, что ли?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Шарло. — Онъ англичанинъ, а я изъ Тулона. Но... Но онъ—мой другъ.

— Ага. Онъ—твой другъ...—засмѣялся офицеръ.—Что же. Вотъ и отлично: ты будешь имѣть удовольствіе полюбоваться великолѣпнымъ зрѣлищемъ...

— Какимъ?—насторожился мальчикъ, предчувствуя недоброе.



Мальчикъ вскинулъ ружье къ плечу и выстрѣлилъ въ лейтенанта фонъ-Блюменфельда.

— Мы разстрѣляемъ твоего пріятеля,—со смѣхомъ отвѣтилъ фонъ-Блюменфельдъ.

— За что?—изумился Шарло.—Вѣдь онъ же—солдатъ.

— Ну, какой тамъ онъ солдатъ...—брезгливо оттопыривъ нижнюю губу, фыркнулъ лейтенантъ. — Во всякомъ случаѣ, — разговаривать больше нечего... Онъ будетъ разстрѣлянъ, твой пріятель.

Въ Шарло сказался ребенокъ: залившись слезами, мальчуганъ началъ просить, чтобы Друда пощадили. Офицеръ

потѣшался надъ мольбами ребенка. И вдругъ ему пришла мысль, которую онъ считалъ блестящею...

— Слушай, ты, бродяга,—обратился онъ къ мальчугану.—Ты говоришь, что это—твой пріятель. Ну, такъ вотъ что... моимъ солдатамъ надоѣло пачкать руки, возясь съ подобными гадинами, какъ этотъ англичанинъ. Ты умѣешь стрѣлять?

— Умѣю,—не понимая, въ чемъ дѣло,—отвѣтилъ Шарло.

— Изъ ружья или изъ револьвера.

— И изъ ружья и изъ револьвера.

— А что предпочитаешь?

Подумавъ немного, мальчикъ не совсѣмъ увѣренно отвѣтилъ:

— Ружье.

— Такъ вотъ что, маленькій негодяй... Ты самъ признался, что этотъ человѣкъ—твой пріятель. Судъ призналъ его шпіономъ. Отсюда логически слѣдуетъ, что и ты шпіонъ. Судъ приговорилъ его къ смертной казни. Отсюда логически слѣдуетъ, что и ты приговоренъ къ смертной казни. Но ты—мальчишка и щенокъ... Мы съ ребятами не сражаемся. Просто, — сѣчемъ ихъ... Я соглашусь помиловать тебя, если...

Шарло насторожился.

— Если ты избавишь насъ отъ труда тратить заряды на разстрѣляніе твоего пріятеля.

— То-есть,—недоумѣвая, освѣдомился мальчикъ.

— То-есть, если ты согласишься пришибить эту бѣшеную англійскую собаку,—продолжалъ, посмѣиваясь, довольный своею выдумкою офицеръ.—Мы дадимъ тебѣ ружье, ты станешь въ двадцати шагахъ отъ твоего пріятеля. Надѣюсь, хоть за третьимъ или пятымъ выстрѣломъ таки попадешь. А! Это будетъ восхитительное зрѣлище...

Шарло, стиснувъ зубы и сверкнувъ глазами, выкрикнулъ:

— Нѣтъ.

— Ну, какъ хочешь,—зѣвнувъ, отозвался офицеръ. — Въ концѣ-концовъ это вѣдь все равно...

И отдалъ приказъ унтеръ-офицеру—вызвать взводъ солдатъ, чтобы разстрѣлять «англійскаго шпіона».

До послѣдняго момента Шарло все еще не вѣрилъ въ возможность такой гнусной расправы съ военно-плѣннымъ, да еще раненымъ. Но по злобной улыбкѣ офицера, по каменнымъ лицамъ тирольцевъ, по испуганнымъ крикамъ въ толпѣ обитателей Вилльбуа онъ понялъ, что ничто въ мірѣ не спасетъ Друда отъ смерти. И... и онъ рѣшился.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричалъ онъ, бросаясь къ офицеру. Если такъ, то... то я... я согласенъ.

— На что ты согласенъ,—удивился офицеръ.

— Дайте мнѣ ружье. Я... я сдѣлаю то, что вы хотите.

По знаку лейтенанта, взводъ отступилъ. Унтеръ офицеръ, скаля зубы, подалъ мальчугану собственную винтовку.

— Она заряжена?—освѣдомился Шарло озабоченнымъ и дѣловитымъ тономъ.

Унтеръ-офицеръ щелкнулъ затворомъ и показалъ, что въ зарядникѣ находится весь комплектъ патроновъ.

— Ну, готово?—освѣдомился, опять зѣвая, фонъ-Блюменфельдъ.

Мальчикъ дрожалъ всѣмъ своимъ тощимъ тѣломъ. Его лицо казалось фіолетовымъ. Зубы выбивали дробь. Но когда тяжелое ружье оказалось въ его рукахъ, эти руки не дрожали.

— Готово. По командѣ начинай, — крикнулъ офицеръ, взмахнувъ, какъ на дуэли, щегольскимъ хлыстикомъ.

Мальчикъ вскинулъ ружье къ плечу, приложился. И потомъ...

Съ быстротою молніи онъ повернулся, грянулъ выстрѣлъ, и фонъ-Блюменфельдъ упалъ, какъ пораженный молніею: пуля винтовки Шарло пронизала голову лейтенанта.

И еще и еще выстрѣлъ. Упалъ съ прострѣленною грудью рыжій унтеръ-офицеръ. Свалились два солдата, стоявшіе рядомъ: одна пуля насквозь пронизала два тѣла.

Послѣ четвертаго выстрѣла затворъ заѣлъ. Ружье оказывалось безполезнымъ, Шарло былъ обезоруженъ. Но онъ не хотѣлъ еще сдаваться: у него въ рукахъ очутился револьверъ англійскаго образца, и опять загремѣли выстрѣлы...

Среди присутствовавшихъ при этой кошмарной сценѣ воцарилась дикая паника: обитатели поселка ложились на землю или сослѣпу разбѣгались, наты-

каясь на стѣны. Солдаты убитаго лейтенанта фонъ-Блюменфельда растерялись. Но растерянность ихъ не приняла большого размѣра. Взводъ, который долженъ былъ разстрѣлять Друда, держался наготовѣ. Поднялись ружья. Грянулъ нестройный залпъ. Шарло выпустилъ изъ рукъ револьверъ и упалъ тамъ же, гдѣ стоялъ. Второй залпъ покончилъ съ Друдомъ.

Кто-то изъ солдатъ, усердствуя, подбѣжалъ къ тѣлу Шарло и тяжелымъ ударомъ приклада раздробилъ голову ребенка. Другой добрался до Друда и съ ожесточенiемъ кололъ трупъ англичанина штыкомъ въ грудь и въ животъ...

Утромъ слѣдующаго дня на мѣсто происшествiя прибылъ для разслѣдованiя какой-то полковникъ. Разспросивъ солдатъ и обитателей деревушки, онъ процѣдилъ сквозь зубы:

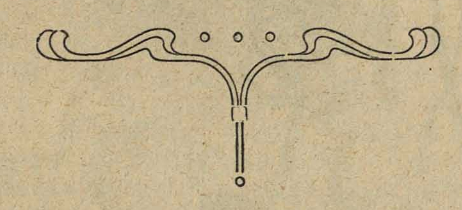
— Фонъ-Блюменфельда жаль. Это былъ отличный молодой офицеръ. Но онъ позволялъ себѣ фантазировать...

По распоряженiю полковника, трупы Чарльза Друда и его бездомнаго друга Шарло-«Гавроша» были зарыты въ оврагѣ, куда обитатели Виллльбуа сваливали падаль и сливали нечистоты.

Тѣло убитаго мальчуганомъ лейтенанта фонъ-Блюменфельда отправили для похоронъ въ родовомъ склепѣ въ Иннсбрукъ. Унтеръ офицера и одного солдата похоронили въ чужомъ склепѣ подъ церковью поселка. Троихъ раненыхъ пулями Шарло рядовыхъ увезли въ госпиталь.

Двѣ недѣли спустя нѣмцы, тѣснимые французами, ушли изъ этой мѣстности, ограбивъ на прощанье обитателей Виллльбуа до нитки.

Послѣ ихъ ухода уцѣлѣвшiе жители разрыли могилу Друда и Шарло и перенесли тѣла въ другую могилу, вырытую на перекресткѣ двухъ дорогъ. Креста на этой могилѣ нѣтъ. Но крестьяне засадили ее цвѣтами.





Въ штыки.

Рис. Дж. Скотта.

Героическая переправа.

Разсказъ *Б. Скубенко.*

I.

Развѣдчики.

НАШИМЪ войскамъ во что бы то ни стало слѣдовало какъ можно скорѣе переправиться черезъ Санъ, чтобы не дать возможности противнику укрѣпиться на противоположномъ холмистомъ берегу. Если бы это удалось австрійцамъ, намъ пришлось бы надолго откладывать переправу и терять множество людей подъ убійственнымъ артиллерійскимъ огнемъ противника.

— Пока австрійцы не установили своихъ батарей, мы должны успѣть переправиться, братцы!—говорилъ одинъ изъ командировъ геройскаго N-го полка.— Сверху имъ все будетъ видно и станутъ бить они по насъ на выборъ. А тѣхъ, что бѣгутъ къ Сану, слѣдуетъ догнать—и въ рѣку. Постараемся, братцы! Мы должны это сдѣлать!

Полки наши насѣдали на австрійцевъ съ настойчивой рѣшимостью разбить врага. Послѣдній пятился и пятился, сжигая на своемъ пути рѣшительно все, что попадалось на глаза. Сознавая свое пораженіе, австрійцы при отступленіи къ Сану не выдерживали длительныхъ боевъ. По всему было видно, что противникъ пытается только «задержать» наше стремительное наступленіе.

Весь путь австрійскаго отступленія былъ заваленъ трупами убитыхъ людей и животныхъ. Въ предмѣстьяхъ Сана, въ болотистой почвѣ торчали здѣсь и тамъ подбитыя нашей артиллеріей непріятельскія орудія, искалѣченныя обозныя повозки. Тучи воронья съ жаднымъ хриплымъ карканьемъ носились надъ мѣстами недавнихъ побоищъ. Впереди справа и слѣва курился густой темный дымъ. Прямыми черными столбами онъ взвивался къ небу въ безвѣтренные дни, смѣшиваясь съ густымъ промозглымъ туманомъ неисчислимыхъ топей и болотъ. Отъ селеній и деревушекъ вскорѣ не оставалось и слѣдовъ. Вмѣсто сараевъ и домовъ мрачно торчали обгорѣвшіе обугленные столбы и дымовыя полуразрушенныя трубы. Словно неисчислимые могильные памятники они уходили въ даль спутанными рядами, отбѣгали въ стороны и терялись между рѣдкимъ кустарникомъ, вдругъ скрываясь за плотной завѣсой сѣдого ползучаго тумана.

Наши кавалерійскіе отряды, далеко зарвавшіеся впередъ отъ пѣхотныхъ частей и обоза, пробавлялись ѣдой коекакъ. Иногда на два, на три дня надо было разсчитывать только на пару сухарей или небольшой ломоть черстваго, почти засохшаго хлѣба.

Всѣ понимали важность «стремительнаго насѣданія» на противника и порой проявляли чудеса героизма и самоотверженія. О фуражѣ нечего было и думать. Австрійцы старательно позаботились о томъ, чтобы русскимъ не осталось ни единой крохи. Все рѣшительно было разграблено до тла, искромсано, сожжено или разбито вдребезги. Буквально ни корки хлѣба. Некуда поставить лошадь — ни одного хлѣва. Погода же стояла отвратительная. Небо непрестанно хмурилось и сыпало на землю мокрой дождевой пылью. Болотныя низины все ядовитѣе дышали своими промозглыми испареніями. По утрамъ иногда случались рѣзкіе колючіе утренники. Лѣса, что темнѣли въ сторонѣ дремучей чащею, все время обволакивались ползучими туманными завѣсами.

Бѣжавшіе изъ селеній и деревень изголодавшіеся люди бродили въ одиночку и группами по лѣсной уремѣ, бродили, какъ одичалыя животныя. На нѣкото-

рыхъ платье обвисало клочьями; посинѣлыя исхудалыя лица носили отпечатокъ пережитаго ужаса, Нѣкоторые были босы. Эти несчастные, скрываясь отъ грозившей имъ опасности со стороны противника, обезумѣли отъ голода, и когда встрѣчались съ нашими кавалерійскими разъѣздами, съ плачемъ бросались на колѣни, вымаливая у насъ хоть кусокъ хлѣба.

Нѣкоторые какъ-то неистово взвывали и судорожно протягивали свои исхудавшія костлявыя руки. Чѣмъ могли—мы помогали и шли дальше. Надо было какъ можно скорѣе вывѣдать про главныя силы австрійцевъ и накрыть ихъ врасплохъ съ фланговъ.

По ту сторону рѣки австрійцы усиленно подвозили боевые припасы и орудія, и съ лихорадочной поспѣшностью концентрировали свои главныя силы, успѣвшія переправиться черезъ Санъ до непогоды. Отовсюду притекали къ разбитому нами противнику свѣжія силы.

Врагъ опасался за Краковъ и старался выдвинуть сильные заслоны впереди у Бржеска.

Мы изрядно разбили австрійцевъ до Сана. Почти всѣ обозы ихъ были нами захвачены или уничтожены артиллерійскимъ огнемъ.

Трудно намъ приходилось въ болотистой топкой мѣстности вблизи берега знаменательной по переправѣ рѣки. Насъ окружила густая щетина тростниковъ, смѣшанная съ не менѣе густымъ цѣпкимъ кустарникомъ. Продвигаться надо было съ возможной осторожностью. Впереди и съ боковъ поминутно чудилась засада. Такъ и казалось, что вотъ-вотъ заговорятъ изъ густыхъ потайныхъ тростниковъ ружейные выстрѣлы.

Я пробирался съ маленькимъ отрядомъ развѣдчиковъ всего въ пять человѣкъ. Такія развѣдочныя партіи разсыпались по всему огромному займищу тростниковъ.

Австрійцы затаились и ждали русскихъ на каждомъ шагу. Густые тростники и кустарники давали противнику возможность задерживать наше наступленіе.

Едва только появлялись наши передовыя части гдѣ-нибудь у подлѣсковъ, какъ въ ту же минуту молчаливый кустарникъ оживалъ, и въ ряды нашихъ врывался ожесточенный пулеметный огонь. Стрѣляли въ нашихъ изъ-за каждой болотной кочки, изъ-за каждаго куста, изъ-за деревьевъ, изъ наскоро вырытыхъ ямокъ.

Артиллерія наша еще не подошла. Австрійцы сознавали разгромъ и пытались изъ послѣднихъ силъ не допустить насъ до мѣста своей переправы. Развѣдочныхъ небольшихъ нашихъ группъ страшились, какъ огня. Провѣдаютъ онѣ мѣста переправы—и на австрійцевъ тотчасъ же посыплется убійственный артиллерійскій огонь. Орудія наши приближались.

Шли мы ощупью, бросались во всѣ стороны.

Въ густой щетинѣ тростниковъ внезапно выростали передъ нами «болотные хутора». Австрійцы и тутъ затаивались.

Едва я въѣхалъ съ своими четырьмя развѣдчиками на небольшую поляну, какъ изъ оконъ хибарокъ грянули ружейные залпы. Двое изъ нашихъ свалились... Я кинулся въ сторону густого кустарника. Тамъ мы спѣшились и открыли по хибаркамъ огонь. Мѣтили по окнамъ прикрытымъ ставнями. Противникъ прочно засѣлъ, но на нашей сторонѣ была та выгода, что нельзя было смѣтить нашей засады. Мы били по цѣли, противникъ осыпалъ насъ цѣлымъ роемъ пуль наугадъ. Со всѣхъ сторонъ жужжалъ, какъ пчелы, свинецъ. Порою пули тыкались тутъ же подлѣ насъ, срѣзывая, какъ ножомъ тростникъ, и жадно впиваясь въ вязкую почву.

Послѣ часовой перестрѣлки выстрѣлы со стороны противника стали рѣже. Должно-быть, наши мѣткіе выстрѣлы уложили не одного австрійца. Всѣ бывшіе на виду передъ нами ставни были изрѣшетены нашими пулями.

Наступалъ вечеръ. Надо было отодвинуться отъ злополучнаго хутора подальше въ глубь тростниковъ, что мы и сдѣлали, мысленно оплакивая своихъ павшихъ товарищей.

Шли мы спѣшившись. Тростникъ понизился. Коней вели въ поводу.

Продвигаясь, мы соблюдали строгую тишину. Едва трескъ раздастся гдѣ-ни-



Тростникъ былъ низокъ, и мы шли спѣшившись, ведя коней въ поводу.

будь впереди — мгновенно остановимся и вслушиваемся.

«Звѣрь ли то пробѣжалъ или человѣкъ обнаружилъ свою засаду?!» вдругъ всполохнутся мысли и на нѣсколько секундъ задержится дыханіе. Вслушиваешься до послѣдняго напряженія нервовъ, до особенной изощренной тонкости, выработанной въ сферѣ всевозможныхъ грозящихъ опасностей.

II.

Нежданная встрѣча.

Едва мы прошли версты двѣ, какъ гдѣ-то въ сторонѣ звучно хлопнули въ грязи чьи-то шаги...

Мы мгновенно затаились...

Еще и еще... Винтовки наготовѣ держимъ.

«Сколько ихъ тамъ?!» невольно взвинчивается мысль, и рука еще крѣпче стискиваетъ оружіе.

Вонъ что-то появилось на дорогѣ изъ-за поворота, густая тѣнь легла на землю, вытянулась и скользнула въ сторону...

— Тихо, братцы!—шопотомъ скомандовалъ я.—Если ихъ мало, безъ выстрѣла будемъ брать. Броскомъ на нихъ и на землю. А если больше насъ—стрѣлять...

Едва я успѣлъ это сказать, какъ въ десяти шагахъ отъ насъ выросла человѣческая фигура. Съ минуту она чутко вслушивалась и затѣмъ снова двинулась впередъ. Вотъ совсѣмъ уже близко видна короткая куртка, фуражка... Луна льетъ свое молочно-синеватое сіяніе въ смутное марево туманныхъ ползучихъ волнъ... Еще нѣсколько мгновеній—и мы вдвоемъ разомъ бросились на поровнявшагося съ нами человѣка. Третій — рядовой солдатъ — держалъ коней.

Человѣкъ, на котораго мы кинулись, слабо вскрикнулъ и сталъ было бороться, но попытки его были тщетны. Я сгребъ его сзади и прижалъ къ землѣ.

— Да вѣдь свой...— вдругъ раздался испуганный голосъ.—Пустите... Санитаръ я...

Всѣ эти слова были произнесены чистымъ русскимъ языкомъ. Не слышалось и намека на нѣмецкій акцентъ.

Мы не мало удивились и тотчасъ же выпустили изъ своихъ тисковъ нежданнаго пришельца.

— Русскій ты?

— Такъ точно,— русскій... — послышалось въ отвѣтъ.—Шатаюсь по здѣшнимъ дебрямъ третій день. Не ѣлъ ничего, изголодался. Хорошо вотъ, что на васъ набрелъ...

— Какъ же ты попалъ сюда?

— Да взяли меня въ плѣнъ. Давно еще. Раненыхъ я подбиралъ, а они изъ-за кустовъ, да въ руки. Доволокли до Сана, а тутъ на ваши разъѣзды напоролись и бѣжать. Ваши выдвинулись, должно-быть, къ самой рѣкѣ, и по нимъ сейчасъ же изъ ружей и пулеметовъ залпъ... Такъ я думаю, что всѣ мои избавители полегли отъ австрійскаго огня, а я, пока что, въ сумятицѣ и ушелъ.

— А въ какой части находился?— спросилъ я.

Назвалъ. Вѣрно,—была такая пѣхотная часть въ одномъ изъ жаркихъ боевъ.

— Какъ зовутъ?

— Иванъ Дымчукъ.

Сталъ разспрашивать объ австрійцахъ, гдѣ ихъ переправы.

— Хотите, — укажу, — отвѣчаетъ. — Здѣсь недалеко... Пройдемте... Да только бы лучше не ходить...—какъ-то странно вырвалось изъ устъ санитара. И, какъ бы подумавъ съ секунду, онъ спросилъ:—Если много нашихъ идетъ,—тогда бы хорошо ударить по нѣмцамъ, не страшно. Небось вѣдь идутъ за вами?

— Знамо, идутъ,—отвѣтилъ мой солдатъ.—Цѣлая пѣхотная дивизія вблизи, да артиллерійская бригада. Шибко идутъ, потому нельзя никакъ—спѣшить съ австрійцемъ надоть.

— А скоро ли подойдутъ?—опять переспросилъ санитаръ.

— День, другой—и будутъ тутъ...

— Это дѣло другое... — вырвалось какъ-то неопредѣленно у санитара.— Тогда поведу васъ прямо на бродъ, укажу, а вы своимъ...

— Ладно, веди...

— Да тутъ вѣдь топь поперекъ дороги,— замѣтилъ санитаръ.— Давайте въ сторону свернемъ, да на отдыхъ, а къ утру я васъ, навѣрно, сведу къ мѣсту. Теперь и самъ не разберу, —словно дымъ



Человѣкъ, на котораго мы кинулись, попытался бороться, но мы свалили его на землю.

отовсюду идетъ отъ этихъ болотъ. Сдѣлаешь двадцать, сорокъ шаговъ—и такъ и затянетъ передъ тобой туманомъ все... Не ладно въ такую загадку итти. Вотъ тутъ я недалеко прошелъ—какъ бы бугоръ сбоку. Ладно бы привалиться, да костеръ зажечь. Промокъ весь, да и покушать бы дорого далъ.

— У насъ только, что хлѣбъ одинъ,— отозвался солдатикъ. — Сами впроголодь...

— Давай, хоть и хлѣба. Съ голоду не разбираютъ...

Солдатъ полѣзъ въ карманъ и досталъ небольшой кусокъ совершенно засохшаго хлѣба.

— Жуй, коли наголодался...

— Спасибо...—и повстрѣчавшійся съ нами въ лѣсу человѣкъ сталъ грызть корку черстваго хлѣба.—Идемте скорѣе,—продолжалъ онъ.

— Насчетъ огня нельзя,—замѣтилъ я санитару, стараясь пристальнѣй всмотрѣться въ лицо нежданнаго спутника.

— Да не видно будетъ за бугоркомъ, какъ бы въ прикрытіи,—настаивалъ санитаръ.

— Нельзя, — подтвердилъ я вторично. — Кто ихъ знаетъ, гдѣ они тутъ. Но угадаешь. Вокругъ кусты, тростникъ.

Какъ мнѣ показалось, все лицо и грудь санитара были вымазаны въ грязи.

— Ползъ, должно-быть?—спросилъ я.

— Много ползъ. Все боялся, что примѣтятъ. Припаду къ землѣ въ тростникѣ и отлеживаюсь подолгу.

Мы продвинулись къ бугорку и расположились на привалъ. Было холодно и сыро. Шенели плохо помогали. Накануне насъ мочило дождемъ; сукно стало мокрымъ и прѣло на насъ. Меня всю ночь била лихорадка.

Къ срединѣ ночи тучи сгустились и заволокли все небо непроницаемой мрачной пеленой. Зачастилъ вдругъ мелкій назойливый дождь. Словно дряхлый старикъ губами, зашамкалъ онъ по огромному займищу густо сбившихся тростниковъ. Въ двухъ шагахъ ничего не видно. Хоть глазъ выколи. Дежурили по очереди. Санитаръ улегся слѣва отъ меня крайнимъ. Непроглядная тягучая ночь казалась цѣлой вѣчностью... Шинель на мнѣ совершенно намокла и стала неимовѣрно тяжелой.

Наконецъ едва забрезжило утро...

Осмотрѣлись мы вокругъ — нѣтъ подлѣ насъ санитара.

Туда-сюда въ стороны,—словно въ воду канулъ.

— Нѣмецкій шпіонъ! — съ досадой кинулъ я солдатамъ.—Вотъ такъ подвелъ насъ подъ монастырь! А вѣдь по-русски какъ говоритъ! Да и платье на немъ все наше.

— Вѣрно, что шпіонъ. — Замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.—А что по-русски наломалъ языкъ—не диво. Ихъ—этихъ самыхъ пруссаковъ да австрійцевъ на варшавскихъ фабрикахъ сколько хочешь. Православіе приняли даже, сказывалъ мой товарищъ, подданство русское, а какъ только за двѣ недѣли до войны—ужъ ихъ ни одного не осталось въ Варшавѣ на фабрикахъ,—всѣ выѣхали въ нѣметчину. Насобачились по-русски, какъ заправскіе наши. Вотъ они теперь и работаютъ противъ насъ за хлѣбъ-соль наши! Ужъ это вѣрно, сколько волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ! Да только нѣмецъ хуже волка. Подлости въ немъ больше и звѣрства этого самаго.

— Ловко разыгралъ комедію!—сказалъ я, обращаясь къ одному изъ солдатъ.—А ты вотъ еще и языкъ распустилъ, сказалъ сколько сюда нашихъ идетъ. Ему этого только и надо было. Ему пришлось бы самому разыскивать наши главныя части, а тутъ ему прямо все въ ротъ положили.

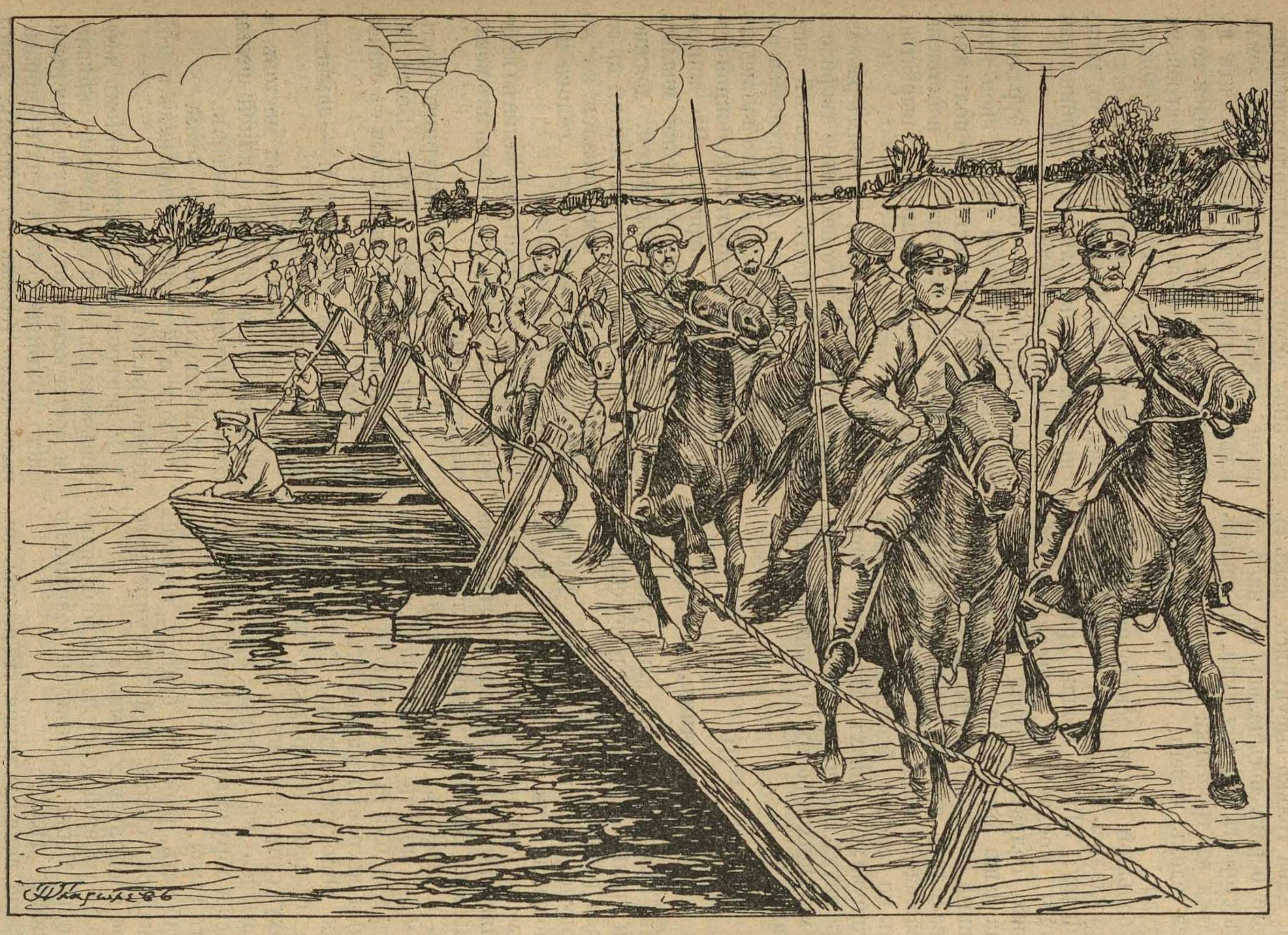
— Да ужъ слишкомъ онъ это какъ бы и взаправду...—отвѣтилъ солдатъ.

— А ты всегда языкъ за зубами держи, братецъ, — назидательно замѣтилъ я.— На войнѣ мы, и языкъ свой пріучи работать только на вопросы начальства. Видишь, въ дуракахъ оставилъ насъ поганый нѣмецъ!

— Ловкій перевертень! — отозвался юркій унтеръ, продрогшій отъ страшной сырости до костей. — Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

— А дуракомъ не умирай!—кинулъ я.

Мы тотчасъ же двинулись, стараясь затерять свои слѣды въ гущахъ тростника.



Казаки первыми перебрались на лѣвый берегъ.

Еще молочный паръ стоялъ надъ тростниками, когда мы выбрались къ берегу рѣки. Едва только высунулись, какъ съ другого берега посыпались на насъ со всѣхъ сторонъ жадныя пули. Пришлось убраться въ тростники и снова продвигаться вдоль берега, выслѣживая непріятеля.

Небольшой части эскадрона нашего полка удалось наткнуться на вражескую переправу. Шибко пошли драгуны въ стороны, пославъ съ донесеніемъ нѣсколько солдатъ. Спустя сутки подоспѣла наша артиллерія и начался убійственный обстрѣлъ австрійцевъ. Послѣдніе валились въ воду цѣлыми сотнями, срывались лошади, орудія. Все неслось внизъ по теченію, безсильно барахтаясь въ кипучихъ волнахъ бѣшенаго Сана. Болѣе двухъ тысячъ труповъ стали жертвой мятущихся волнъ. Плѣнныхъ брали массами.

III.

Развѣдчикъ.

Едва замолкла бойня, какъ уже наши части стали озабочиваться о переправѣ. Погода рѣзко измѣнилась.

Подуло сильнымъ вѣтромъ. Темныя громоздкія тучи обрушивали на землю цѣлые потоки дождевыхъ струй, вдругъ смѣнявшихся бѣснующимися снѣжными хлопьями. Вѣковой угрюмый лѣсъ ревѣлъ и стоналъ, какъ раненый звѣрь; огромные могучіе дубы скрипѣли, какъ мачты корабля въ мятежную бурю; скомканныя вихремъ вершины ихъ сыпали на землю ворохами вѣтокъ. Снѣжная пелена бѣшено взыгрывала, взвивалась кверху свирѣпѣющимъ столбомъ, разметывалась въ стороны, яростно плевалась и обрушивалась книзу, залѣпляя всѣмъ глаза.

«Работать, работать, братцы, во-всю!» слышалась сквозь вой изступленнаго вихря ободряющая команда.

Но и безъ этой команды всѣ до единаго человѣка были проникнуты сознаніемъ важности дѣла.

Рѣзкіе ледяные вихри смѣнялись туманами, туманы—острыми колючими морозами. Мокрая почва сковывалась ледяными покровами. Здѣсь и тамъ трещало вдребезги разбитое подъ сотнями ногъ ледяное стекло, покрывшее выбоины и рытвины дорогъ. Артиллерію тянули руками, осматривая каждую пядь земли влѣво и вправо, чтобы не забить въ прожорливую топь. Руки у людей кочепѣли; лица становились сине-багровыми отъ яростно хлеставшихъ струй дождя, смѣшаннаго со снѣгомъ. Люди оступались, падали, порою увязали въ топи, снова выкарабкивались и неуклонно шли къ намѣченной цѣли.

Вотъ онъ Санъ, — бѣшено бурлящій, вскидывающій бѣлой пѣной свои воды у встрѣчныхъ камней. Переполненный дождями, онъ бурлилъ еще неистовѣй, словно яростно старался вырваться изъ береговъ.

Я подошелъ къ Сану съ своимъ разъѣздомъ ночью. Что-то неистовое творилось вокругъ въ природѣ. Наканунѣ еще, ползкомъ пробираясь къ мятущейся рѣкѣ, я прилегъ у берега и зорко наблюдалъ не появятся ли на противоположной сторонѣ вражескіе отряды. Но никого не было. Мутныя воды рѣки мчались съ возрастающей быстротой, должно-быть, не менѣе полуторы сажени въ секунду. Когда я всматривался въ это бѣшеное стремленіе водъ, голова моя начинала кружиться.

На другой день Санъ еще сильнѣе вскипѣлъ. Вода повысилась. Одинъ изъ моихъ солдатъ сказалъ:

— И по этакой-то быстринѣ мосты придется наводить?! И-и!.. Боже Ты нашъ! Какъ тутъ и справиться съ этакой кипенью?!

— Должны справиться! — замѣтилъ я. — Медлить некогда.

Подошли наши наводчики мостовъ, и закипѣла такая работа, о какой нельзя себѣ и представить, не увидѣвъ.

Я наблюдалъ за этой работой.

«Люди или титаны?!» задавалъ я себѣ неоднократно вопросъ.

Съ невѣроятнымъ напряженіемъ нечеловѣческихъ силъ люди-герои скрѣпляли мосты канатами, и вдругъ неистовой, чисто ураганной силой стихіи отбрасывало этихъ героевъ въ сторону, мосты срывались съ канатовъ, и въ тотъ же мигъ и люди и лошади шарахались съ обледянѣвшихъ осклизлыхъ бревенъ въ

бѣшено мчавшіяся воды... Слышался лошадиный хрипъ въ ледяной, буйно кипѣвшей рѣкѣ. Внезапно на поверхности, въ бѣлой пѣнѣ снѣжныхъ бунтующихъ хлопьевъ, вскидывались кверху отпилки бревенъ, цѣлыя деревья; темными точками мельками головы сорвавшихся людей. Одни хватались за бревна, другія судорожно цѣплялись за влекомыя сверху теченіемъ деревья.

Вонъ Ванька Лобчукъ, только что наводившій мостъ, широкоплечій здоровый дѣтина, мгновенно окунулся въ воду съ осклизлыхъ бревенъ. Мелькнула его крупная красивая голова съ бойкими карими глазами, высоко вскинулась кверху правая рука, и вдругъ ничего не стало на водной поверхности... Только какъ-будто—не то слабый вскрикъ, не то стонъ отдался и въ ту же секунду навѣки погасъ...

— Пропалъ, аль выплыветъ?—кинулъ кто-то шопотомъ сбоку отъ меня.

— Воля Божья! — раздалось въ отвѣтъ.—Можетъ, и осилитъ. Парень дюжій. А только шибко бѣснуется рѣка...

— Канаты! Канаты подавай!..—слышалось съ другой стороны шопотомъ, чтобы не слышалъ врагъ. А гдѣ-то въ сторонѣ, всего саженяхъ въ двухстахъ, австрійцы стали осыпать дождемъ снарядовъ предполагаемыя мѣста переправъ.

Наши переправлялись лѣвѣе, обманувъ противника ложной наводкой мостовъ. Орудійный огонь противника неистовствовалъ; пули сыпались дождемъ.

Мы продолжали свое дѣло съ настойчивостью желѣзныхъ людей.

— Бахай, бахай впустую! — говорили наши солдаты. — Корми рѣку сколько хошь! Все покушаетъ. Вали, не жалѣй!

Дѣйствительно, австрійцы не жалѣли снарядовъ—цѣлыя тучи ихъ рвались и шлепались въ воду, визжа осколками. Въ молочномъ ползучемъ туманѣ подъ бѣшеныя струи дождя, смѣшаннаго съ хлопьями снѣга, мы укрывались словно за непроницаемой завѣсой.

— Не хватаетъ понтоновъ! кинулъ командиръ стрѣлковъ.—Надо валить деревья! Тащите изъ прибрежныхъ поселковъ доски и бревна отъ избъ! Живо! Время не ждетъ. Гляди, и на насъ плюнутъ шрапнелью. А намъ бы только перебраться на тотъ берегъ,—сразу бы ихъ взяли въ штыки! Живѣе, братцы!

Еще бурливѣй закипѣла работа. Люди сваливали въ воду мощные вѣковые дубы, бросали на нихъ бревна и доски, связывали все это вмѣстѣ, протягивали канаты, и на каждомъ шагу рискуя обвалиться въ воду, вели за собой коней, тащили орудія и снова скрѣпляли и скрѣпляли импровизированные мостки. Неистовое теченіе Сана то и дѣло сбивало недавнія скрѣпы изъ досокъ и бревенъ, съ бѣшенымъ урчаньемъ перекатываясь черезъ нихъ, скомкивая и разрывая.

Наши солдаты здѣсь, казалось, боролись съ силами стихіи необоримыми, но выходили побѣдителями. Падали въ воду десятками, барахтались, схватывались за доски, взбирались на шаткіе мостки, оправляли ихъ, снова какъ сбитые коломъ по ногамъ, срывались, скользили окоченѣвшими пальцами по дубовымъ обмерзшимъ стволамъ, съ нечеловѣческимъ усиліемъ налегали грудью, схватывали руками и зубами канаты и боролись, боролись съ безконечной вѣрой въ себя и въ свои Богомъ данныя силы.

— Вотъ онъ—нашъ русскій народъ! невольно воскликнулъ одинъ изъ престарѣлыхъ офицеровъ.—Чудеса онъ можетъ творить, когда знаетъ, что борется за святое дѣло! Да и молодцы же! Орлы! Сколько жизней отниметъ у нихъ эта безудержная буйная рѣка, а имъ и смерть не страшна! Герой-народъ!

Вся эта титаническая работа проходила безъ шума, безъ вскрика. Только вода освирѣпѣло-яростно бурлила, хлюпала, плевалась тысячами брызгъ, и чудилось, будто въ туманной молочной мглѣ напряженно вздыхаетъ и клокочетъ чья-то богатырская грудь.

«Ухъ-ху-у!..» «Ухъ-шшшу-у-у!» доносилось съ бѣснующейся рѣки.

Здѣсь всѣ были героями; иначе бы не могла свершиться титаническая работа.

Нечеловѣческія усилія увѣнчались успѣхомъ.

Наши перекинули значительныя силы. Перешла пѣхота. За ней двинули кон-

ницу. Казаки первыми перебрались на лѣвый берегъ.

Во что бы то ни стало намъ надлежало занять лѣвобережныя высоты, съ которыхъ мы могли бы обстрѣливать напиравшаго на насъ непріятеля.

Мы спѣшили изо всѣхъ силъ и, наконецъ, заняли вершины. По сравненію съ австрійцами насъ было очень мало. Противникъ смѣтилъ насъ и пошелъ густыми сплоченными массами. Казалось, наши дрогнутъ и вынуждены будутъ отступить. Но отступленія не могло уже быть. Куда намъ было отступать по разбитымъ водою разрозненнымъ скрѣпамъ мостковъ?! Это граничило бы съ полной гибелью и уничтожило бы всѣ недавнія сверхчеловѣческія усилія удалой переправы.

Еще издали запримѣтилъ я, какъ австрійцы надвигались на насъ грозными гущами. Ближе и ближе... Какія-то сплошныя темныя пятна... ширятся, растутъ, неуклонно напираютъ, какъ полая вздыбившаяся вода...А насъ такъ мало по сравненію съ ними!

Даже досада меня взяла.

— Ни на шагъ, братцы, назадъ!—отдалъ приказъ командиръ.—Или умремъ или побѣдимъ! Наша позиція такова, что нельзя ее отдать! Помни это, братцы!

И солдаты знали это, какъ и самъ командиръ.

Удивительное было проявлено хладнокровіе нашими пулеметчиками.

Густыя массы австрійцевъ совсѣмъ уже близко, а наши—ни звука: затаились и ждутъ...

Сердце у меня возбужденно запрыгало, словно выталкивая дыханіе и гулко отдаваясь ударами въ вискахъ въ ожиданіи, а пулеметчики все молчатъ. Уже и въ бинокль не смотрю. Все стало яснымъ, отчетливымъ. Странный тысяченогій шумъ докатывается грозной волной... Шире и шире эта волна...

«Когда-же они затахаютъ?!» мучительно вертится въ головѣ, обжигающій душу вопросъ. «Немыслимо же дальше такъ медлить?!»

Смѣриваю глазомъ разстояніе и привычно опредѣляю: «Не болѣе двухсотъ шаговъ». Считаю по секундамъ—пятьдесятъ...

«Полтораста шаговъ»... Еще того меньше...

«Крѣпкое сердце у пулеметчиковъ!..» Вихремъ проносятся мысли, и дыханіе какъ-будто еще сильнѣе спирается. И въ это мгновенье одновременно, какъ бы сговорившись, оглушительно затахали пулеметы, и въ это тахапіе ворвались оглушительные орудійные выстрѣлы...

Поставлено было «на картечь».

Что-то страшное, неописуемое впереди въ густыхъ рядахъ врага... Какая-то неистовая кровавая вакханалія смерти! Цѣлые квадраты человѣческихъ массъ, словно разбитое на клочья тѣло, разрывались въ стороны, вскидывались кверху, опадали, судорожно вздрагивали и, какъ волны откидываются съ берега, откатывались отъ насъ вспять... Страшный, убійственный огонь картечи, когда плюются имъ орудія почти въ лицо! Это какой-то кромѣшный адъ! Сотни и тысячи человѣческихъ тѣлъ утопаютъ въ крови.

Какой-то жуткій вопль и стонъ врывался въ уши въ краткихъ промежуткахъ между выстрѣлами. Казалось, будто стонетъ сама земля.

Австрійцы шли и шли... Продвигались впередъ по трупамъ. Передніе ряды ихъ падали, задніе вставали.

И опять свинцовая поливка по сбившимся густымъ колоннамъ противника.

Не выдержали, дрогнули, отступили... Мы надвинулись на нихъ, еще отбили, отбрасывая съ громаднымъ урономъ назадъ.

Главное дѣло было завершено.

Къ ночи все затихло. Къ противнику подходили новыя силы. Прибывали и наши.

Въ ночной мглѣ чуялось передвиженіе. На завтра готовилось грозное побоище.

— Больше половины дѣла закончено, — сказалъ мнѣ товарищъ. — Главное,—преодолѣли переправу, и во-время сбрызнули врага. Озлили его. Завтра онъ возьмется за умъ.

— Да, завтра многихъ не досчитаемся. Будемъ биться, какъ львы.

— Не отступимъ...—замѣтилъ товарищъ.—Что бы тамъ ни было.

— Да, не отступимъ...—повторилъ я вслѣдъ, про себя.

Непогода угомонилась; небо выяснилось; четко и ясно засверкали въ морозномъ воздухѣ вздрагивающія звѣзды...

Тихо, тихо по всей линіи, словно и не было недавней кровавой вакханаліи. Всѣ бодрствуютъ, никто не спитъ. Предчувствуютъ «грозу» на завтра. Не спятъ и тамъ—во вражескомъ станѣ.

Кто-то прошелъ мимо насъ изъ офицеровъ.

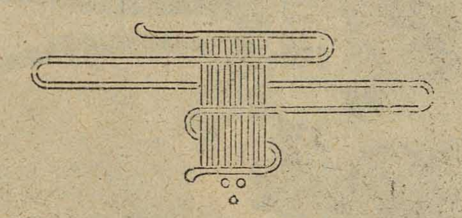
— Куда вы? — окликнулъ товарищъ.

— Пріобщиться... къ священнику. Можетъ, завтра не увидимся. На то война...

— Пойдемъ и мы? — предложилъ я товарищу. — На душѣ спокойнѣй станетъ.

Мы смолкли и двинулись къ своему духовнику... А звѣзды въ глубокомъ небѣ какъ-будто еще ярче вспыхивали и вселяли въ душу какое-то странное умиротворяющее тепло, пробуждая священную молитву:

«Да будетъ воля Твоя!»





Французское 75-миллиметровое орудіе въ боевой работѣ



Франекъ.

НѢМЕЦКІЕ аэростаты забастовали. Цеппелины не могли тронуться въ путь вслѣдствіе поврежденія тѣхъ или иныхъ складныхъ частей машины, аэропланы же, совершенно испорченные во время послѣднихъ экскурсій, ожидали прибытія механиковъ изъ Берлина вмѣстѣ съ инструментами и новыми частями для замѣны испорченныхъ.

Армія же не могла ждать. Она должна была подвигаться впередъ подъ страхомъ утраты позицій, а вмѣстѣ съ ними и горячности, съ которой она шла до сихъ поръ въ глубь непріятельской страны.

Нѣмецкія колонны, шедшія во главѣ главныхъ силъ, были немногочисленны, но отлично подобраны.

Авангардъ составляли прусскіе уланы и венгерскіе гусары, которымъ было приказано отыскивать дорогу, свободную отъ непріятельскихъ войскъ, чтобы не проливать даромъ крови, столь необходимой для осуществленія плановъ, составленныхъ жаднымъ на добычу берлинскимъ сатрапомъ.

— Мы займемъ это государство въ теченіе двухъ недѣль,—хвастался кронпринцъ.

— Отлично!—соглашался Вильгельмъ,—но не ты пойдешь туда. Хватитъ съ нихъ и генерала Гаффрона и моихъ вѣрныхъ берлинцевъ!

И вотъ спустя три недѣли нѣмцы заняли пограничныя позиціи.

Безоружное населеніе городовъ и деревень почувствовало всю грубость прусской кичливости.

Озлобленіе населенія возрастало все больше и больше.

Франекъ, сынъ крестьянина изъ деревни Кренжцы, пасъ коровъ своего отца.

Отца взяли на войну, осталась мать и пятеро дѣтей.

Хлѣба нѣтъ, только картофель, капуста да каша служатъ пищей осиротѣвшей семьѣ.

Взошелъ, однажды, бѣдный сирота на пригорокъ и осмотрѣлся. Коровки, сбившись въ кучу, принялись за ѣду... Имъ-то хорошо. Травка, слава Богу, не переведется, а воды въ ручьѣ много

Только бы эти разбойники не пришли! Наши недалеко и много ихъ здѣсь, но пока они подоспѣютъ на помощь... о Господи!

Между тѣмъ въ эту самую минуту въ лѣсу что-то зашевелилось, точно вѣтеръ поднялъ вверхъ цѣлыя тучи пыли.

Сквозь эту пыль засверкало оружіе, и вдругъ цѣлый эскадронъ всадниковъ въ странныхъ, невиданныхъ мундирахъ началъ приближаться къ пригорку.

Франекъ повернулся на мѣстѣ и бросился къ коровамъ. Защищать ихъ вѣдь это его обязанность! Вѣдь ему ихъ довѣрили. Если бы онъ убѣжалъ, что бы сказала тогда мать? А братья? А сестры?

Но вслѣдъ за нимъ подбѣжали къ стаду и пруссаки. Послышалась команда, и Франекъ въ одно мгновеніе былъ окруженъ вмѣстѣ съ коровами.

— О-охъ! Мама!—безпомощно закричалъ онъ. Но вдругъ овладѣлъ собой.

Одинъ изъ всадниковъ поднялъ его за воротникъ и посадилъ впереди себя на сѣдло.

—Не бойся. Если ты будешь послушнымъ и умнымъ, то съ тобой ничего не случится. Отвѣчай на вопросы. Если ты что-нибудь солжешь, тогда не миновать

тебѣ пули въ лобъ, а коровъ мы заберемъ съ собой. Если же ты откровенно разскажешь все, что знаешь, то получишь пять рублей! Вотъ такіе!

Съ этими словами пруссакъ вынулъ изъ кармана голубую бумажку и подсунулъ ее къ самому носу Франка.

— Ты понялъ меня?—спросилъ онъ.

— Понятное дѣло!

— А ты хорошо знаешь эту мѣстность?

— Понятное дѣло!

— А солдаты тутъ проходили?

— Нѣтъ?

— Стало-быть, ихъ здѣсь нѣтъ поблизости?

— Нѣтъ! Были вонъ тамъ, да пошли дальше.

— А много ихъ было?

— Э, нѣтъ! Такъ человѣкъ двѣсти или триста.

— А откуда ты знаешь, когда они здѣсь не были?

— Да мы ихъ съ мамынькой видали, въ воскресенье, когда ѣздили въ костелъ. Они, бѣдняги, передъ палатками толковали.

— Откуда же ты знаешь, что они ушли?

— Сосѣди говорили!

— Ну, а какъ ближе пройти въ Радзиловъ?

— О! Прямехонько, какъ пуля летитъ.

— Ну, хорошо. Мы возьмемъ тебя съ собой, и если ты солгалъ, то мы увидимъ это, и тогда ужъ не миновать тебѣ пули.

— Да, коли я правду говорю!

— Ну, маршъ впередъ, не разсуждай!

Нѣмецъ повернулся къ своимъ, что-то сказалъ имъ, и тотчасъ двое всадниковъ отдѣлились вмѣстѣ съ лошадьми и помчались назадъ.

Остальные же вмѣстѣ съ Франкомъ двинулись въ указанномъ имъ направленіи..

Между тѣмъ Франекъ размышлялъ про себя:

— Если вы не хотите повстрѣчаться съ русскими, то я васъ именно приведу къ нимъ. Ихъ тамъ много, и пушки у нихъ есть, а вы что?

Такъ размышляя, онъ шагалъ возлѣ лошади улана.

— Ты насъ завелъ въ болото, предатель!—предостерегающе крикнулъ майоръ.

— Сейчасъ болото кончится и выйдемъ на горку!—отважно отвѣтилъ Франекъ.

Между тѣмъ густые кусты заслонили горизонтъ. Колонна всадниковъ разстроилась, пришлось ѣхать гуськомъ. Увѣренные, что русскихъ нигдѣ нѣтъ поблизости, уланы начали довольно громко переговариваться.

Франекъ бодро шагалъ между лошадьми майора и лейтенанта, съ удовольствіемъ думая о подвохѣ, устроенномъ имъ врагамъ.

— Навѣрно ни одинъ швабъ не выйдетъ оттуда живой, и коровокъ моихъ не уведутъ

Вдругъ, съ боку что-то сверкнуло. Раздался громъ выстрѣла, а вслѣдъ за нимъ одинъ залпъ, другой и третій. Уланы упали на землю, разъѣздъ смѣшался, засѣменилъ на мѣстѣ и разбѣжался въ испугѣ. Но вслѣдъ за ними изъ кустовъ, точно волки, высунулись косматыя лошадки со спрятавшимися за ихъ гривами всадниками, вооруженными длинными, сверкающими своими остреями, пиками.

— Боже мой! Казаки! — завопили нѣмцы.

— Бей! Лови! Урра!—отвѣтили имъ многочисленные голоса нападающихъ.

Поднялась дикая погоня, лихорадочные выстрѣлы, топотъ и лязгъ оружія, а черезъ мгновеніе на полѣ брани остались только многочисленные трупы убитыхъ и нѣсколько взбѣсившихся лошадей.

Между трупами майора и лейтенанта лежалъ Франекъ, сраженный первымъ казацкимъ залпомъ. На его поблѣднѣвшемъ личикѣ была разлита радостная улыбка: нѣмцы теперь уже навѣрное не заберутъ коровъ съ отцовскаго пастбища.

Кѣльцы.

Прекрасное августовское утро заставило даже лѣнтяевъ выйти изъ дома, чтобы насладиться солнцемъ, повидаться со знакомыми и поболтать. Странныя вѣсти, точно молніи приближающейся



Черезъ нѣсколько часовъ взятыхъ въ плѣнъ членовъ сокольской дружины вели черезъ городъ.

грозы, появлялись среди людей, возбуждая какія-то тосклиывя надежды, невыразимые порывы и непонятные тревоги.

Съ башни костела раздался звонъ къ обѣднѣ.

Но никто не спѣшилъ въ храмъ, всѣ въ ожиданіи чего-то прохаживались взадъ и впередъ, устремивъ глаза къ заставѣ.

Вдругъ со стороны заставы показалась толпа и сначала шопотъ, а затѣмъ гулъ тысячи голосовъ оповѣстилъ:

— Идутъ!!

Возлѣ заставы замелькали какія-то фигуры, при видѣ которыхъ безуміе овладѣло собравшимися людьми. Безуміе и невыразимый испугъ.

Четверками, съ развѣвающимся знаменемъ въ городъ вошелъ кавалерійскій полкъ, невиданный раньше въ Кѣльцахъ

— Іисусъ-Марія! Да вѣдь это сокола Наши! Наши въ непріятельскихъ рядахъ! Что это значитъ? Братоубійственная война?

Толпа кѣльчанъ не могла сразу отдать себѣ отчетъ въ происходившемъ.

— Ага! Наши въ стѣнахъ Кѣльцъ! Такъ, значитъ, они не враги, а милые гости!

И дѣвушки тотчасъ побѣжали въ сады за цвѣтами, а обывательская делегація встрѣтила отрядъ, приглашая начальство на завтракъ.

Сокола сошли съ коней.

Въ отвѣтъ на любезность мѣстныхъ обывателей, ихъ предводитель заявилъ:

— Мы пришли сюда отъ имени австрійскаго императора, чтобы отдать въ его власть эти польскія земли, дабы соединить, наконецъ, нашу растерзанную родину съ Галиціей,—а съ согласія Вильгельма, и съ Познанскимъ Княжествомъ—и создать изъ нихъ королевство

подъ скипетромъ нынѣ благополучно царствующаго дома Габсбурговъ!

— А мы, жители Кѣльцъ, имѣемъ честь заявить вамъ, что, не вдаваясь въ политику, мы принимаемъ господъ соколовъ, какъ милыхъ намъ гостей сосѣдей, и желаемъ подѣлиться съ вами хлѣбомъ и солью не какъ съ военной дружиной, а какъ съ членами клуба, къ которому мы питаемъ живую пріязнь.

— Ахъ, вотъ какъ! Видно трусость овладѣла вами!—прошипѣлъ предводитель.—Ну, хорошо, пусть будетъ такъ! Значитъ, мы должны отыскать другую дорогу. Приведите мнѣ, пожалуйста, сюда президента. Мы не прикоснемся къ хлѣбу и соли, пока делегація магистрата съ президентомъ во главѣ не будетъ здѣсь.

Послали за президентомъ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ явиться, со стороны заставы галопомъ примчался разъѣздъ, состоящій изъ унтеръ-офицера и пяти солдатъ.

— Господинъ комендантъ,—отрапортовалъ унтеръ-офицеръ,—непріятель въ большомъ количествѣ опоясываетъ городъ.

Предводитель въ одно мгновеніе перемѣнилъ тонъ.

— На коней!—громкимъ голосомъ закричалъ онъ и, обращаясь къ обывателямъ, добавилъ:—Вы не предупредили меня, что непріятель близко. За это вы отвѣтите своими головами послѣ нашей побѣды. Я объявляю васъ измѣнниками.

Съ этими словами онъ сѣлъ на коня и направился къ заставѣ.

Сокола наклонились на сѣдлахъ, и весь отрядъ, точно на смотру, повернулъ обратно.

Черезъ минуту, кромѣ остолбенѣвшей толпы кѣльчанъ, дѣвушекъ и разбросанныхъ соколами цвѣтовъ, на рынкѣ никого не осталось.

Тяжелая минута ожиданія была прервана гуломъ многочисленныхъ копытъ кавалеріи, мчавшейся по направленію къ рынку съ другой стороны моста.

Это были русскіе драгуны.

Они примчались, точно вихрь.

Въ то же мгновеніе издали послышался гулъ выстрѣловъ; безпорядочный вначалѣ, онъ перешелъ въ залпы, которые слились въ одинъ неумолкающій трескъ.

Кѣлецкіе обыватели, разбившіеся на небольшія волнующіяся кучки, дѣлали замѣчанія, которыя имъ диктовало чувство.

— Всѣ погибнутъ.

— Жалко ихъ, такіе ребята!

— А какіе красивые!

За городомъ кипѣлъ бой. Къ концерту ручного оружія присоединились басовые аккорды пушекъ, и вотъ, съ шипѣніемъ и трескомъ одинъ за другимъ снаряды начали разрываться надъ городомъ.

— Люди! Спасайтесь, кто можетъ! — раздался пронзительный голосъ со стороны церкви.

Въ то же самое время передъ главнымъ входомъ въ храмъ появился священникъ въ облаченіи.

— Дѣти!—громко закричалъ онъ.— Пойдемте умолять Властелина надъ властелинами, чтобы какъ можно меньше пролилось крови, чтобы слѣпцы прозрѣли и не подвергали себя и народа своего страшнымъ утратамъ. Пойдемте всѣ и скажемъ Всевышнему, вознося къ Нему молитвы за этихъ дѣтей: Господи, прости имъ, ибо не вѣдаютъ они, что творятъ.

Рыданія были отвѣтомъ на это воззваніе священника. Люди устремились въ храмъ, а черезъ мгновеніе тѣ, что помѣстились подъ сводами храма, и тѣ которымъ пришлось остаться на рынкѣ, съ проникновеніемъ пѣли:

— Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!

Между тѣмъ бой разгорѣлся съ непреодолимой силой. Юные безумцы-сокола не знали недостатка въ храбрости.

Но опытный русскій солдатъ сразу понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Полковой командиръ отдалъ приказъ своимъ подчиненнымъ:

— Щадить этихъ молокососовъ! Брать ихъ живыми. Имъ еще мѣсто на школьной скамьѣ!

Благодаря этому приказу, при столкновеніи съ драгунами только шестьдесятъ соколовъ поплатились жизнью, около двухсотъ было взято въ плѣнъ, а остальные, разбитые въ пухъ и прахъ, искали спасенія въ бѣгствѣ.

Около трехъ часовъ пополудни битва подъ Кѣльцами была окончена. За убѣгающимъ непріятелемъ была послана погоня, состоявшая изъ пяти сотенъ казаковъ, остальная же часть войска вернулась на прежнее мѣсто, охраняя позиціи, имѣвшія цѣлью не допустить непріятеля ворваться съ этой стороны.

Когда взятыхъ въ плѣнъ членовъ сокольской дружины вели черезъ городъ, въ которомъ пять часовъ тому назадъ они съ такой гордостью и самохвальствомъ отвергли гостепріимство кѣлецкихъ обывателей, тѣ же самые обыватели просили полковника Н. милостиво обходиться съ плѣнниками.

— Имъ бы розги дать, а потомъ въ школу за уроки посадить. Не бойтесь! Съ ними ничего дурного не случится.

Соколовъ временно помѣстили въ Минскѣ, гдѣ они познакомились со всѣмъ вѣроломствомъ австрійскаго правительства и близорукостью ихъ соотечественниковъ въ Галиціи.

Одинъ на троихъ.

Это было на австрійской границѣ. Силы наши въ этомъ мѣстѣ состояли изъ трехъ казачьихъ полковъ, одной батареи и двухъ артиллерійскихъ ротъ. Узнавъ о приближеніи австрійцевъ, нашъ командиръ расположилъ силы слѣдующимъ образомъ: одинъ казачій полкъ былъ откомандированъ въ ближайшую деревню, служившую какъ бы главнымъ пунктомъ нашей позиціи, два другіе полка вмѣстѣ съ артиллерійскимъ отрядомъ на своемъ правомъ крылѣ развернулись на позиціи въ полудивизіонныхъ интервалахъ въ мѣстечкѣ.

Австрійскій генералъ, командовавшій арміей въ этомъ округѣ, приказалъ отряду, состоящему изъ 10.000 солдатъ, занять Грудекъ и вытѣснить насъ со всѣхъ занимаемыхъ нами позицій.

Девять полковъ венгерской кавалеріи съ артиллеріей двинулись къ мѣстечку. Два полка венгерскихъ гусаръ, желая обойти мѣстечко съ праваго фланга, наткнулись какъ разъ на цѣпь нашей пѣхоты съ пушками, о которой австрійцы ничего не знали, несмотря на воздушныя развѣдки. Встрѣченные убійственнымъ огнемъ пѣхоты, венгры повернули, натыкаясь на пушки, огонь которыхъ былъ такъ страшенъ, что отъ двухъ этихъ полковъ осталось не больше десяти человѣкъ.

Въ шесть часовъ вечера командиръ казачьяго полка выслалъ третью и пятую сотню на помощь пушкамъ, которыя въ это самое время подверглись сильнѣйшей атакѣ австрійцевъ.

Пятая сотня бросилась на помощь къ своимъ, но три эскадрона венгерскихъ гусаръ отрѣзали ее отъ цѣли, къ которой она стремилась. Въ атакованной сотнѣ было всего на всего 80 казаковъ. Обнаживъ сабли, они съ такой храбростью накинулись на превосходныя непріятельскія силы, что венгры смутились. Въ то же самое время третья сотня, приблизившись, врѣзалась въ отрядъ гусаръ съ лѣваго фланга.

Растерявшійся непріятель бросился врассыпную, а казаки преслѣдовали его вплоть до артиллерійскихъ его позицій.

Увѣдомленная объ этомъ успѣхѣ нашихъ, остальная часть отряда поддержала казацкую атаку на непріятельскую артиллерію.

Позабывшій дисциплину непріятель покинулъ позиціи и удиралъ, что было силъ. Во время этого бѣгства мы взяли въ плѣнъ офицера, на груди котораго оказался портфель съ весьма важными документами, среди которыхъ находился, между прочимъ, маршрутъ на... Пермь.

Такимъ образомъ въ этомъ бою три казачьихъ полка разбили девять австрійскихъ полковъ, между прочимъ венгерскихъ гусаровъ съ многочисленной артиллеріей. Эта битва осталась для меня памятной по полученной мною ранѣ. Когда я упалъ недалеко отъ позиціи непріятельской артиллеріи, ко мнѣ подбѣжали австрійцы. Съ меня сорвали мундиръ, штаны и

сапоги, били меня прикладами. Вслѣдствіе потери большого количества крови, я былъ очень слабъ, и потому расправа со мной была легка.

Австрійцы такъ издѣвались надо мной, что я во второй разъ потерялъ сознаніе.

Когда я очнулся, австрійцевъ уже не было, а вокругъ меня кружились казаки.

Въ когтяхъ у коршуна.

Лежа въ госпиталѣ, я очутился на попеченіи одного доктора, который побывалъ въ плѣну у нѣмцевъ и благополучно вернулся оттуда.

Вотъ, что разсказалъ мнѣ однажды этотъ самоотверженный человѣкъ, которому я обязанъ своимъ выздоровленіемъ.

«Послѣ побѣдоноснаго вступленія русскихъ войскъ на прусскую территорію, въ одномъ мѣстечкѣ, неподалеку отъ русской границы, былъ устроенъ большой лазаретъ для раненыхъ. Меня назначили въ этотъ лазаретъ.

Однажды, около часу пополудни, мнѣ съ тремя другими докторами, нѣсколькими сестрами милосердія и фельдшеромъ приказано было выѣхать на мѣсто, гдѣ была битва.

Намъ сейчасъ же дали тридцать телѣгъ съ перевязочными матеріалами, наскоро набросали топографическую карту съ указаніемъ направленія, которому намъ нужно слѣдовать, и вскорѣ мы были уже въ дорогѣ.

Когда мы сдѣлали, приблизительно, верстъ двадцать, изъ-за рощи выѣхалъ отрядъ нѣмецкихъ кирасиръ, составлявшій, повидимому, эскадронъ.

Въ одно мгновеніе насъ окружили и погнали прямо по шоссе, которое привело насъ въ городъ, когда уже начинало смеркаться. Тутъ всѣхъ фельдшеровъ и солдатъ отправили въ кирку и заперли на висячій замокъ. На телѣгахъ оставили только насъ, докторовъ, и сестеръ милосердія.

Около одиннадцати часовъ вечера надъ нашими головами начали летать аэропланы, бросавшіе внизъ цѣлые снопы свѣта.

Черезъ нѣкоторое время моторы аэроплановъ начали трещать съ какими-то перерывами. Тогда все въ городѣ заволновалось.

Передъ нами начала поспѣшно удирать артиллерія, а вскорѣ насъ снова окружили кирасиры и во весь духъ погнали въ поле.

Мы поняли, что аэропланы увѣдомили нѣмцевъ о приближеніи крупныхъ русскихъ силъ.

Черезъ поля и луга, пересѣкая шоссе, мы ѣхали нѣсколько часовъ и къ утру добрались до другого города.

Лошади не успѣли еще отдохнуть, какъ раздался грохотъ орудій и возлѣ насъ начали разрываться шрапнели.

Вдругъ одинъ изъ обломковъ оторвалъ ухо у лошади стоявшаго рядомъ съ нами кирасира.

Черезъ мгновеніе раздалась команда поспѣшно отступать, и кирасиры снова во весь духъ помчались черезъ поля, увлекая и насъ за собой.

Выѣхавъ на шоссе, пруссаки оглянулись и поѣхали дальше уже медленнѣе. Около полудня мы подъѣхали къ какой-то фермѣ, возлѣ которой, повидимому, произошла стычка между встрѣчными отрядами, такъ какъ мы нашли нѣсколько раненыхъ русскихъ солдатъ.

Здѣсь мы остановились, перевязали раненыхъ и, подобно кирасирамъ, хотѣли расположиться на отдыхъ.

Вдругъ снова засвистѣли ружейныя пули, и вскорѣ мы увидѣли казачій отрядъ.

Сидящая рядомъ со мной сестра милосердія была ранена въ спину. Рядомъ со мной упала подъ кирасиромъ лошадь.

Увидѣвъ это, пруссаки бросились врассыпную, оставивъ насъ на мѣстѣ подъ градомъ пуль.

Съ нами остался только одинъ кирасиръ, у котораго пала лошадь. Мы спрыгнули съ телѣгъ и, оглянувшись вокругъ, увидѣли на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ оврагъ, къ которому мы и направились, унося за собой раненую сестру милосердія.

Вскорѣ ружейный огонь началъ рѣдѣть и, наконецъ, совершенно прекратился.

Тогда мы вышли изъ прикрытія и, поднявъ красный крестъ, вернулись къ своимъ».

На нѣмца.

На нѣмца! Я съ радостью отправился, чтобы встать въ ряды войска. Жена оставалась со мной до послѣдняго момента пребыванія въ Варшавѣ. Но это продолжалось недолго. Черезъ четыре дня, получивъ амуницію, оружіе, снабженный всѣмъ необходимымъ военнымъ начальствомъ и моими соотечественниками, сопровождаемый сердечными пожеланіями: «Будь здоровъ и возвращайся цѣлымъ и невредимымъ!»— я двинулся вмѣстѣ со своимъ полкомъ къ западной границѣ.

Нашъ походъ я смѣло могу назвать тріумфальнымъ. Мѣстное населеніе устраивало намъ оваціи, засыпало насъ цвѣтами, угощало папиросами и снабжало съѣстными припасами. Трудно было отказываться отъ этихъ знаковъ расположенія, чтобы не обидѣть воодушевленныхъ жертвователей. Мы благодарили ихъ улыбкой и кивкомъ головы, но кто можетъ выразить то чувство благодарности, которое переполняло наши сердца?!

На нѣмца! Послѣ двухдневной ѣзды и маршировки и послѣ пятидневнаго обученія насъ откомандировали на боевую линію. Кавалерія наша то тутъ, то тамъ вступала въ стычки съ передовыми прусскими разъѣздами, мы неуклонно подвигались впередъ, но непріятель, повидимому, не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы помѣряться силами съ нами; все время отступая, онъ только грозилъ и кусался, когда небольшіе форпосты слишкомъ близко придвигались къ нему.

Вскорѣ мы очутились на прусской землѣ, оставивъ позади пограничный Эйдкуненъ.

Иногда издалека до насъ доносился грохотъ орудій, по ночамъ мы вскакивали, пробуждаемые звуками барабана, отбивавшаго «тревогу», но суматоха эта кончалась, обыкновенно, передвиженіемъ полка съ одной позиціи на другую, все впередъ и впередъ.

Наконецъ пробилъ и нашъ часъ.

Пришелъ приказъ, въ силу котораго нашъ полкъ былъ назначенъ въ авангардъ. Это было подъ Нейденбургомъ.

Настроеніе въ полку было бодрое. Ружья казались намъ легкими, какъ перья, амуниція не имѣла вѣса. Мы шли впередъ съ увѣренностью, знаменующей будущихъ побѣдителей; офицеры шутили между собой, ласково улыбались намъ.

Полковникъ привелъ насъ въ боевую готовность, приказавъ маршировать ротами на разстояніи двухъ взводовъ.

Грохотъ орудій съ праваго фланга и сигналъ къ кавалерійской атакѣ прервалъ на мгновеніе слова команды.

Мы остановились, какъ вкопанные.

Полковникъ взмахнулъ саблей:

— Вниманіе! Первые два батальона по линіи фронта застрѣльщиками—два другіе въ резервѣ! Маааршъ!..

Я былъ во второмъ батальонѣ.

Сдѣлавъ поворотъ, мы остановились въ полномъ порядкѣ.

Надъ нашими головами заревѣли, завыли и захохотали снаряды.

— На колѣни!

Мы опустились на лѣвое колѣно и взглянули впередъ. Вдали, на горизонтѣ шевелилось что-то, похожее на туманъ, но равнина передъ нами была совершенно пуста; только мѣстами отдѣльный снарядъ поднималъ пыль, точно камень, брошенный на зеркальную поверхность воды и образующій волны, которые концентрическими кругами расходятся по направленію къ берегамъ.

— Прицѣлъ на 2700. Изрѣдка!—возвѣстилъ голосъ команды.

Я приложилъ ружье къ щекѣ, упершись имъ въ правую ключицу.

Во что же стрѣлять? Конечно, въ эти клочки тумана на горизонтѣ.

Пять выстрѣловъ въ теченіе пяти минутъ, вотъ какъ стрѣляютъ «изрѣдка».

Между тѣмъ эти «заблудившіеся» снаряды начали падать все ближе къ нашему фронту. Вотъ, наконецъ, Стась Кжешъ изъ Окунева схватился обѣими руками за грудь, и, уронивъ ружье, упалъ навзничь.

— Пошли ему Господи вѣчный покой!—прошепталъ я, осѣняя убитаго крестнымъ знаменіемъ.

— Взводы праваго крыла—по череду впередъ!—раздалась команда ротныхъ командировъ.



Мы выскочили и при звукахъ оркестра съ штыками на-перевѣсъ бросились впередъ. Капитанъ нашъ съ крикомъ ура выскочилъ впередъ.

Стоявшій позади меня на колѣняхъ унтеръ-офицеръ пронзительно свистнулъ; мы оставили заслонъ и, услышавъ команду: «Встать, бѣгомъ!»—съ бѣшеной скоростью устремились впередъ.

Добѣжавъ до едва замѣтной возвышенности почвы, мы плашмя упали на землю и начали стрѣлять на болѣе близкомъ разстояніи, а тѣмъ временемъ другіе взводы приблизились къ намъ, и такимъ образомъ мы постепенно приближались къ воображаемымъ клочкамъ тумана.

На разстояніи трехсотъ шаговъ отъ нихъ я замѣтилъ высовывающіяся изъ-подъ земли прусскія каски.

Еще двѣ перемѣны позиціи, и вотъ загремѣли трубы и затрещали барабаны, подавая сигналъ къ штыковой атакѣ.

Мы вскочили и, при звукахъ оркестра, съ штыками на-перевѣсъ бросились впередъ. Капитанъ нашъ съ крикомъ «ура» выскочилъ впередъ.

Мы всѣ повторили этотъ возгласъ и черезъ мгновеніе очутились лицомъ къ лицу съ врагомъ. Рядъ черныхъ мундировъ и блестящихъ касокъ наклонилъ штыки, загремѣли залпы, потомъ страшный скрежетъ стали о сталь, стукъ, точно тысячи цѣповъ, и хрипъ поверженныхъ людей слились въ одинъ неописуемый аккордъ со стонами, командой и музыкой военныхъ оркестровъ, приблизившихся къ намъ вмѣстѣ съ колоннами третьяго и четвертаго батальоновъ.

Дымъ и пыль заслонили мнѣ глаза, но сквозь эту мутную пелену я замѣтилъ чернѣющую прямо передо мной фигуру и острее штыка на разстояніи меньше, чѣмъ четверти аршина отъ моей груди. Я моментально отразилъ ударъ и съ силой оттолкнулъ врага, пронзивъ его штыкомъ.

Въ отвѣтъ раздался вопль, точно крикъ пѣтуха, и черная фигура нырнула мнѣ подъ ноги, простонавъ:

— О Iисусъ, Марiя, святой Iосифъ!

Познанецъ упалъ, пораженный моимъ ударомъ. Но въ то же мгновенiе его товарищъ занялъ мѣсто убитаго.

Я схватилъ свое ружье за дуло и обѣими руками, точно обухомъ, началъ наносить удары направо и налѣво.

Кровавая завѣса заслонила мнѣ глаза, и я дрался наобумъ, насколько хватало силъ.

Наконецъ я почувствовалъ, что мнѣ не хватаетъ воздуха, во рту появился соленый вкусъ, я зашатался и навѣрное упалъ бы, если бы стоявшiй позади меня товарищъ не подхватилъ меня за плечи и не увелъ изъ водоворота.

— Ловкiй ты парень, нечего сказать,—проговорилъ мой спаситель,—я шелъ позади тебя и все видѣлъ. Съ десятокъ швабовъ ты отправилъ на тотъ свѣтъ и тебѣ не миновать отличiя.

— Но вѣдь это были мои соотечественники,—простоналъ я.

— Соотечественники? — Такъ что же, надо было имъ позволить по-братски прикончить себя! И лежалъ бы ты теперь, какъ онъ лежитъ. Э, что толковать! Глупымъ ты былъ, глупымъ и останешься! Ступай въ лазаретъ, тебѣ надо малость подкрѣпиться послѣ тяжелаго труда.

А во время нашего разговора отброшенные нами ряды пруссаковъ убѣгали по направленiю къ сѣверо-западу, на Тильзитъ и Крулевецъ.

Б е й!

— Много разъ,—говорилъ намъ вахмистръ,—слышалъ я о разныхъ ловкихъ подвохахъ, устроенныхъ казаками нѣмцамъ, но самъ не видалъ ихъ и не знаю.

Я былъ свидѣтелемъ казацкихъ атакъ, поистинѣ лихихъ нападенiй, неожиданныхъ выступленiй изъ-за спины товарищей другого рода оружiя, молнiеносныхъ поворотовъ, чтобы черезъ мгновенiе, сдѣлавъ гигантскiй кругъ, съ противоположной стороны атаковать марширующую непрiятельскую колонну. Да... Все это я видѣлъ и восхищался этимъ, но, какъ я уже сказалъ, подвоховъ, какъ ихъ называютъ наши драгуны, мнѣ никогда не приходилось видѣть.

Но вотъ, однажды, я получилъ приказъ отъ нашего бригаднаго командира вручить важный пакетъ полковнику, шедшему во главѣ передового отряда.

И нужно было случиться, чтобы конь мой, на разстоянiи мили отъ позицiи полковника, счелъ необходимымъ покинуть эту юдоль скорби и перенестись въ лучшiй мiръ. И вотъ я остался одинъ сиротою на чужой, незнакомой землѣ. Передо мной разстилалась волнообразная, поросшая кустарниками равнина, перерѣзанная двумя, совершенно гладкими дорогами. Туманъ, который утромъ висѣлъ на высотѣ трехсотъ саженей отъ земли, началъ опускаться все ниже и ниже и, наконецъ, окуталъ землю густымъ, непроницаемымъ покровомъ, лишивъ меня возможности орiентироваться, тѣмъ болѣе, что, желая исполнить данное мнѣ порученiе, я долженъ былъ пробираться незамѣченнымъ, опасаясь попасть въ руки какого-нибудь непрiятельскаго разъѣзда. Поэтому, мнѣ пришлось избѣгать дорогъ и итти окольными путями.

Такимъ образомъ я шелъ около часа. Тѣмъ временемъ туманъ, согрѣваемый сверху солнечными лучами, началъ осаждаться на травѣ и листьяхъ, всасываться въ землю и, наконецъ, исчезъ, а въ эту самую минуту до моихъ ушей донесся топотъ множества коней, точно буря, мчавшихся въ мою сторону.

Я присѣлъ на корточки подъ кустомъ и спрятался между зеленью. Передо мной былъ небольшой, слегка обросшiй пригорокъ, перерѣзанный почти подъ острымъ угломъ прямой, прекрасно устроенной дорогой.

Совсѣмъ близко отъ меня промчался казачiй отрядъ, состоящiй изъ ста человѣкъ. Промчался и, скрытый пригоркомъ, опустился на землю вмѣстѣ съ лошадьми. Нельзя было не восхищаться ловкости лошадей. Конь не задѣвалъ коня, человѣкъ не задѣвалъ человѣка. Не загремѣло оружiе, не звякнуло ни одно стремя. Лавина лежащихъ людей и лошадей, казалось, сливалась съ матерью-землей, къ которой она довѣрчиво приникла.

Я догадался, что сталъ свидѣтелемъ засады, и потому рѣшилъ остаться невидимымъ.

Минуты ожиданія ползли медленно, какъ часы, пока, наконецъ, издали, среди дороги не показалось легкое облако пыли. Волнуемое вѣтромъ, оно поднималось вверхъ и улетало въ пространство, чтобы затѣмъ опять появиться въ новомъ мѣстѣ. Облако безостановочно мчалось прямо на насъ, пока, наконецъ, въ немъ что-то не зачернѣло и не заблестѣло...

Это былъ, повидимому, развѣдочный отрядъ, высланный именно противъ насъ. Онъ состоялъ изъ двухъ эскадроновъ уланъ. Не подозрѣвая засады, уланы ѣхали быстро, все время не спуская, однако, глазъ съ дороги.

Когда они подъѣхали къ занятому казаками пригорку, оттуда раздалось, внезапно, пронзительное, какъ по командѣ вылетѣвшее изъ сотни грудей, могучее:

— Бей!

Нѣмецкія лошади присѣли на зады отъ испуга и понесли. Нѣсколько улановъ упало съ лошадей, весь отрядъ разсыпался, а на разбѣжавшихся съ крикомъ и свистомъ обрушились казаки.

Уланы даже не пробовали обороняться. Они помчались впередъ, куда глаза глядятъ, но быстроногія казацкія лошадки не отставали отъ нихъ. Началась погоня, полная треска, шума и стоновъ...

Дождавшись минуты, когда свалка отдалилась отъ меня не меньше, чѣмъ на версту, я вышелъ изъ-за куста, поймалъ нѣмецкаго коня, который, потерявъ своего всадника, бѣгалъ вокругъ пригорка, и отправился во всю прыть въ свою сторону. Не болѣе, чѣмъ черезъ полчаса я былъ уже представленъ полковнику, а спустя два часа вернулся невредимымъ въ обозъ.

Наука не прошла даромъ.

Въ лазаретѣ подали ужинъ. Въ небольшой палатѣ, предназначенной для офицеровъ, сидѣли на постеляхъ двое выздоравливающихъ. Сбоку, опираясь на спинку кровати, стояла сестра милосердія, прислушиваясь къ ихъ разговору.

— Подъ Сталлупененомъ мы подцѣпили швабовъ на ихъ собственной хитрости, — говорилъ энергичный пожилой полковникъ.

— То-есть какъ, на ихъ собственной?—спросилъ молодой поручикъ.

— А вотъ, посудите сами. Дѣло было подъ Ляо-хе. Видныя, какъ на ладони, японскія позиціи подверглись энергичному обстрѣлу со стороны нашихъ батарей.

По поведенію непріятеля мы сразу поняли, что огонь нашъ былъ весьма плодотворнымъ, ибо вскорѣ японскія пушки одна за другой начали умолкать, и наконецъ, на непріятельскихъ позиціяхъ воцарилась гробовая тишина. Тогда, не принимая никакихъ предосторожностей, мы направились къ уничтоженнымъ съ виду окопамъ, какъ вдругъ, на половинѣ пути—переполохъ. Изъ всѣхъ японскихъ пушекъ, изъ всѣхъ пулеметовъ и ружей—сразу огонь. Можете себѣ представить, что съ нами сдѣлалось?

Во всякомъ случаѣ, было совершенно очевидно, что молчаніе батареи было поистинѣ дьявольскимъ подвохомъ противника.

Мнѣ же это разсказывалъ потомъ въ госпиталѣ одинъ японскій капитанъ, смѣявшійся надъ нами, что мы дали поддѣть себя на нѣмецкую хитрость, такъ какъ этому научили ихъ нѣмецкіе инструктора.

— Ха-ха-ха! Съ такими-то пріятелями мы жили по сосѣдству!

— А какъ они вкрались въ наше довѣріе!

— Въ томъ-то и дѣло! Ну зато теперь пришло время посчитаться. И какъ разъ въ томъ бою, о которомъ я началъ говорить.

— Подъ Ляо-хе?

— Нѣтъ, подъ Сталлупененомъ! Однажды, увѣдомленные о приближеніи нѣмцевъ, мы сильно укрѣпились.

Ждемъ.

Нѣмцы пришли, разнюхали, какъ и что, и давай палить въ насъ.

Ну и мы не остались въ долгу!

Началась перестрѣлка изъ орудій.

Мы отвѣчаемъ часто, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ пушки, нахо-



Къ разсказу «На границѣ». Люди бѣжали изъ города, подожженнаго нѣмецкими снарядами.

дящейся на правомъ флангѣ, зарядивъ ее картечью, я не даю приказанія стрѣлять. Черезъ три минуты то же самое дѣлаю съ другой, третьей и т. д. Нѣмцы продолжаютъ стрѣлять, но они до сихъ поръ, повидимому, не освоились съ разстояніемъ и промахиваются.

А мы молчимъ. Только восемь казачьихъ сотенъ, спѣшившись, крадучись, приблизились къ пригорку и приготовили ружья.

И вдругъ—тишина. Нѣмецкія орудія перестали грохотать.

Чтобы показать свою ловкость, они высылаютъ впередъ цѣпь застрѣльщиковъ, за ними резервъ и нѣсколько колоннъ пѣхоты... какъ на маневрахъ. Но мы продолжаемъ молчать!

Наконецъ на половинѣ дороги швабы не выдержали. Солдаты смѣшались, и съ шумомъ, смѣхомъ и криками бросились къ нашимъ окопамъ. Тогда я подалъ сигналъ.

Потокъ картечи обрушился на груди толпившихся солдатъ, градъ пуль посыпался имъ на головы...

Поднялась суматоха, стоны, смѣшавшіеся нѣмцы съ проклятіями устремились въ бѣгство, и тогда я выпустилъ на нихъ восемьсотъ казаковъ.

Однимъ словомъ, началась настоящая рѣзня!

Казаки взяли въ плѣнъ только начальство, а остальные погибли.

Съ этими словами полковникъ покрутилъ усы, а сестра милосердія вставила съ улыбкой:

— Итакъ, нѣмецкая наука не прошла даромъ... Однако, нѣмцы должно-быть, отомстили, коли они ранили васъ?

— Э, дорогая сестрица, пуля въ бою пустячная вещь. Человѣкъ стрѣляетъ,

Богъ пули носитъ!—говоритъ пословица. И то правда, хоть такая пулька и не тебѣ предназначена, но вѣдь это некогда ей объяснять. Приходится принимать и не жаловаться, чтобы того и гляди одна не потянула за собою другую! Да!

Полковникъ замолчалъ, а сестра милосердія подала ему пачку папиросъ.

— Ну, сегодня довольно разговаривать! Эти папиросы для васъ обоихъ на два дня. Пятьдесятъ штукъ, должно хватить. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — отвѣтили оба офицера, съ нѣжностью глядя вслѣдъ удаляющейся бѣлой фигурѣ.

— Ангелъ, а не женщина!—меланхолически прошепталъ поручикъ.

На границѣ.

Вѣковыя руины стариннаго замка, казалось, заботливо прыкрывали своимъ крыломъ мѣстечко, пріютившееся у его ногъ.

Старый, еще меченосцами построенный каѳедральный соборъ громаднымъ силуэтомъ рѣзко выдѣлялся на общемъ фонѣ пейзажа, а широкая, великолѣпная Висла сіяла разноцвѣтными искрами, отражающихся въ ея волнахъ горячихъ лучей солнца.

Въ мѣстечкѣ не видно было никакого движенія, окна были закрыты, лавки забиты досками и только изрѣдка въ верхнемъ окошкѣ изъ-за занавѣски покажется голова любопытнаго обывателя съ ужасомъ въ глазахъ всматривающагося въ глубь пустой улицы.

Прусаки!..

Вторженія ихъ ожидали каждую минуту.

И дѣйствительно, около полудня по улицамъ города туда и обратно проскакалъ разъѣздъ, состоящій изъ пяти уланъ, а въ два часа дня цѣлый кавалерійскій полкъ съ четырьмя орудіями занялъ холмъ, на которомъ возвышались руины, и отправилъ эскадронъ подъ предводительствомъ офицера въ городъ.

Остановившись на рынкѣ, эскадронъ сошелъ съ лошадей, а ротмистръ съ вахмистромъ и тремя солдатами вошли въ магистратъ.

— Гдѣ бургомистръ?—громко спросилъ прусскій офицеръ.

Изъ передней высунулся блѣдный служащій.

— Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, въ пріемную, господинъ бургомистръ на своемъ посту.

— Чортъ возьми! Показывай дорогу, а то убью!

Служащій открылъ дверь.

Бургомистръ въ полномъ облаченіи, съ ключами города, хлѣбомъ и солью на подносѣ вышелъ навстрѣчу пришедшему офицеру.

Борода у него тряслась, зубы стучали, и онъ не былъ въ состояніи произнести ни слова.

— Гдѣ члены магистрата? Гдѣ делегація отъ населенія?!—загремѣлъ ротмистръ, по-наполеоновски скрещивая руки.

Отвѣта не послѣдовало. Бургомистръ стоялъ, блѣднѣя все больше и больше.

И вдругъ, онъ бросилъ подносъ на полъ и, пересиливъ себя, воскликнулъ:

— Никого нѣтъ! Я остался одинъ, чтобы привѣтствовать васъ. Но и я раскаиваюсь въ этомъ и беру обратно ключи, предпочитая лучше умереть, чѣмъ отдать ихъ въ ваши руки!

— Что онъ говоритъ? — спросилъ ротмистръ стоявшаго тутъ же вахмистра.

Послѣдній перевелъ ему содержаніе словъ бургомистра.

Офицеръ посинѣлъ отъ злости. Въ первый моментъ онъ стоялъ, не зная, что сказать и что сдѣлать, и, наконецъ, нашелся.

— Взять его! Взять всѣхъ!—заревѣлъ онъ.

Солдаты схватили бургомистра и служащаго и связали ихъ вмѣстѣ.

— Гдѣ городская касса?—спросилъ ротмистръ узниковъ.

Оба молчали, какъ нѣмые.

— Вывести ихъ и разстрѣлять! Деньги мы отыщемъ сами!—заключилъ прусcакъ.

Взломавъ кассу и забравъ изъ нея всю наличность, нѣмцы подожгли мебель въ нѣсколькихъ комнатахъ и вышли на рынокъ.

Звуки выстрѣловъ убѣдили ихъ, что приказаніе ротмистра было исполнено

Уѣзжая съ рынка, пруссаки подожгли его съ четырехъ концовъ.

Эскадронъ направился по улицамъ города къ заставѣ, какъ вдругъ съ колокольни костела раздался звонъ колоколовъ, отбивающихъ набатъ.

Испуганное населенiе высыпало изъ жилищъ, чтобы узнать причину тревоги. Гигантскiе столбы огня и чернаго ѣдкаго дыма были настолько яснымъ отвѣтомъ, что не нужно было искать другихъ объясненiй.

Люди начали спасать городъ отъ пожара, думая, что дѣйствiя пруссаковъ этимъ ограничатся.

Однако они ошиблись.

Грохотъ орудiй и трескъ разрывающихся надъ городомъ шрапнелей обнаружили намѣренiя врага.

— Они хотятъ разрушить городъ и перебить все населенiе,—заключили беззащитные жители.

— Неужели мы должны точно бараны ложиться подъ ножъ? Такъ ужъ лучше подороже продать свою жизнь. Къ оружiю!—загремѣлъ голосъ рабочихъ и довольно многочисленной мѣстной молодежи.

Всѣ бросились въ свои жилища, чтобы вооружиться, кто чѣмъ могъ. Косы, серпы, топоры, нѣсколько десятковъ револьверовъ и столько же ружей были разобраны въ одну минуту.

Партiя рѣшила покинуть городъ, захвативъ съ собой и населенiе его. Между тѣмъ шрапнели дѣлали свое дѣло. Множество убитыхъ и раненыхъ заполняло улицы, то тутъ, то тамъ вспыхивало пламя. Трескъ горящихъ домовъ, гулъ выстрѣловъ, грохотъ обрушивающихся стѣнъ слились въ какую-то сплошную оргiю съ криками женщинъ, плачемъ и стонами избиваемыхъ людей и жалобнымъ ревомъ животныхъ.

Вооруженная молодежь, выстроивъ толпу, провела ее по берегу Вислы къ находившемуся на разстоянiи полуверсты отъ города оврагу, заросшему кустарникомъ, который закрывалъ его отъ глазъ нежеланныхъ гостей.

Между тѣмъ пожаръ въ городѣ разбушевался съ непреодолимой силой. Разрушивъ въ городѣ нѣсколько большихъ домовъ и соборъ, пруссаки направились въ глубь страны, оставивъ на мѣстѣ одинъ эскадронъ, который на слѣдущее утро долженъ былъ разграбить драгоцѣнности и затѣмъ догнать товарищей въ лежащемъ на разстоянiи пяти миль уѣздномъ городѣ. Но жаждущiе грабежей солдаты не стали ждать утра. Въ тотъ же вечеръ они ворвались въ городъ, растаскивая все, что стоило взять съ собой. Въ карманахъ лежащихъ на улицахъ многочисленныхъ труповъ они искали деньги, въ подвалахъ виноторговли выпили все вино, не оставивъ тамъ ни одной капли, въ концѣ-концовъ, зашли на развалины собора. Разсыпавшись по всѣмъ сторонамъ, они внезапно были поражены звуками выстрѣловъ, раздавшихся изъ-за развалинъ. Выстрѣлы раздавались безпорядочно, но часто; повидимому, кто-то напалъ на ротмистра, оставленнаго со своимъ взводомъ въ руинахъ. Нужно было спѣшить ему на помощь. Между тѣмъ гулъ выстрѣловъ раздавался ближе, на улицахъ.

Перепуганные не на шутку уланы побѣжали въ сторону развалинъ, откуда почти изъ-за каждаго несожженнаго угла посыпались на нихъ мѣткiе выстрѣлы. Что не выстрѣлъ—то смерть.

Среди пруссаковъ поднялся страшный переполохъ.

Они побросали копья, потомъ оружiе и только немногiе добрались до развалинъ замка.

Здѣсь глазамъ ихъ представилось страшное зрѣлище.

Возлѣ огромнаго костра, разведеннаго на склонѣ холма, лежали тѣла дочиста перебитаго взвода. У убитыхъ было отобрано оружiе и заряды. Таинственный непрiятель увелъ вдобавокъ всѣхъ лошадей.

Точно преслѣдуемые волки, уланы крадучись помчались къ прусской границѣ. Когда и какъ добрались они туда, неизвѣстно, но можно съ увѣренностью сказать, что впередъ они будутъ осторожнѣе обращаться съ безоружнымъ населенiемъ.

Двое противъ двѣнадцати.



Два ирландскихъ драгуна, изъ которыхъ одинъ былъ раненъ, защищались противъ обступившихъ ихъ нѣмцевъ въ полуразрушенной фермѣ. Когда нѣмцы привезли пулеметъ, то ирландцы прорвались во дворъ и сражались тамъ, пока оба не были убиты.



Месть Голіаѳа

Разсказъ

М. Первухина.

Голіаѳъ—это было не то имя, не то просто данная матросами и на всю жизнь приставшая мѣткая кличка. Онъ былъ чистокровнымъ негромъ и принадлежалъ къ одной изъ суданскихъ расъ. Когда его спрашивали, сколько ему лѣтъ, онъ съ серьезнымъ видомъ начиналъ высчитывать по пальцамъ обѣихъ рукъ; но, досчитавъ до десяти, всегда сбивался и, чистосердечно смѣясь, говорилъ:

— Столько, и еще много.

По виду ему можно было дать лѣтъ сорокъ, но онъ былъ крѣпокъ, мускулистъ и гибокъ, какъ молодой парень.

Едва ли онъ и самъ зналъ, гдѣ его родина,—такъ давно оторвался отъ нея, такъ долго скитался по морямъ и океанамъ всего свѣта.

Языкъ, на которомъ онъ объяснялся, представлялъ собою невѣроятную, поистинѣ фантастическую мѣшанину изъ словъ арабскихъ, англійскихъ, японскихъ, малайскихъ, французскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ и русскихъ.

И такую же мѣшанину представляли его личныя воспоминанія о пережитомъ и долгіе годы странствованій: были тутъ картины жизни въ «зэрибѣ» негроторговцевъ-арабовъ Центральной Африки, и картины работъ въ качествѣ погонщика верблюдовъ въ лагерѣ Махди подъ Хартумомъ. Вспоминалъ онъ почему-то, какъ ему было холодно, когда «Чайку» затерло льдами гдѣ-то у Шпицбергена, и какъ его, Голіаѳа, чуть не съѣлъ аллигаторъ, когда онъ вздумалъ купаться во время стоянки «Королевы Маргариты» на Амазонкѣ.

Ну, а потомъ примѣшивалось еще воспоминаніе, какъ его, Голіаѳа, арестовали полицейскіе во Владивостокѣ за буйство въ кабачкѣ, и какъ онъ отсиживалъ за подобное же буйство въ Рейкіявикѣ...

Всѣ эти воспоминанія были тѣсно связаны съ профессіею Голіаѳа, а профессія его была такова: съ шестнадцати или семнадцати лѣтъ, съ небольшими перерывами, Голіаѳъ служилъ кочегаромъ на океанскихъ и рѣчныхъ пароходахъ всѣхъ націй міра. Ухитрился пробыть кочегаромъ даже на единственномъ паровомъ суднѣ, носящемъ флагъ негритянской республики Либеріи...

Подъ чьимъ флагомъ служить, куда плыть,—для Голіаѳа было совершенно безразлично, ибо онъ являлся космополитомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Давно уже для него «отечествомъ» стало машинное отдѣленіе какого-либо

парохода, ограниченное пространство съ раскаленною температурою, съ атмосферою, насыщенною угольною пылью и ядовитыми газами. Только тамъ, гдѣ люди копошатся, какъ гномы, обливаясь потомъ, гдѣ глаза слѣпитъ яркій свѣтъ, вырывающійся изъ топокъ, и гдѣ слышенъ непрерывный ревъ вгоняемаго мѣхами въ поддувала воздуха, Голіаѳъ чувствовалъ себя какъ дома.

Выдерживать годами работу кочегара,— на это способны лишь немногіе. Люди бѣлой расы, напримѣръ, теряютъ здоровье черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ лучшемъ случаѣ черезъ годъ, два. Лучше другихъ уживаются малайцы, отчасти японцы, да еще арабы изъ земного пекла, изъ Адена.

А Голіаѳъ не только годами ее выдерживалъ, но чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. И если ему приходилось долго сидѣть на берегу безъ работы, онъ начиналъ буквально тосковать и худѣть. А стоило снова попасть на бортъ какого-нибудь судна, стоило дохнуть воздухомъ, въ которомъ угольная пыль, газы и масляная гарь смѣшивались въ одно цѣлое,—онъ оживалъ и расцвѣталъ.

Даже часы отдыха Голіаѳъ проводилъ не въ матросскомъ кубрикѣ, а въ угольныхъ камбузахъ, соорудивъ себѣ подобіе ложа на грудахъ каменнаго угля.

Кочегаромъ «Арминія» Голіаѳъ сталъ случайно: огромный трансатлантическій пароходъ «Бисмаркъ», принадлежавшій сѣверо-германскому ллойду, ушелъ изъ Вальпарайзо, оставивъ на берегу Голіаѳа, который не во время запилъ. Черезъ нѣсколько дней въ гавань Вальпарайзо зашелъ элегантный германскій крейсеръ и, слонявшійся по набережной, уже голодный Голіаѳъ, не долго думая, полѣзъ на бортъ крейсера, скаля бѣлые зубы и выпаливая весь запасъ словъ на арабскомъ, французскомъ, японскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

По пути въ Вальпарайзо на крейсерѣ произошла маленькая катастрофа въ машинномъ отдѣленіи: заживо сварило прорвавшимся паромъ нѣсколько моряковъ. Судно нуждалось въ кочегарахъ. Поэтому Голіаѳа взяли, въ видѣ исключенія, вопреки строгихъ военно-морскихъ правилъ,— только на одинъ рейсъ. Но потомъ словно позабыли, что въ числѣ кочегаровъ имѣется человѣкъ, который не принадлежитъ къ числу вѣрныхъ подданныхъ императора Вильгельма и не имѣетъ высокой чести состоять въ спискахъ чиновъ германскаго военнаго флота.

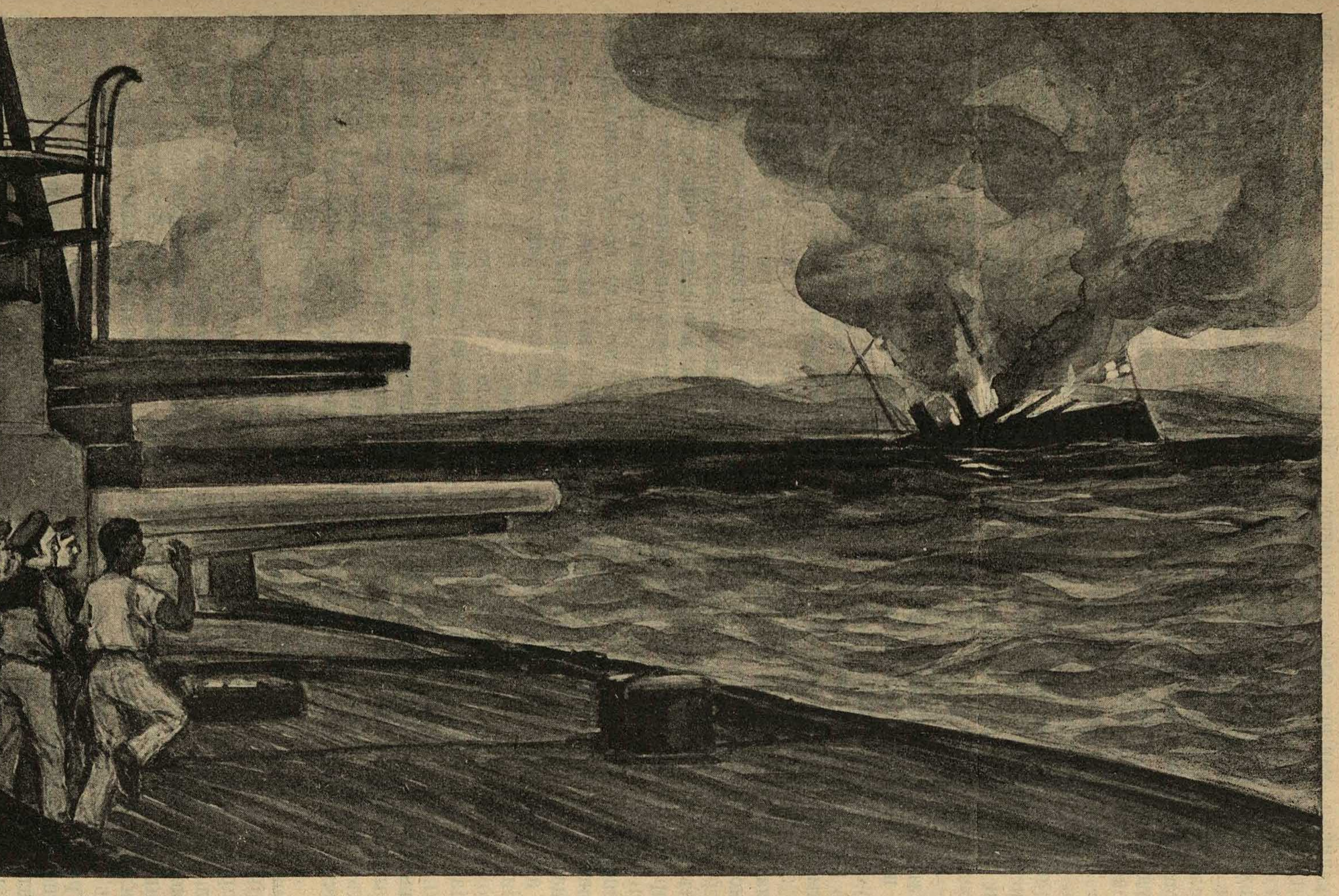
Крейсеръ совершалъ одинъ рейсъ за другимъ, заходилъ въ гавани, рыскалъ въ моряхъ и океанахъ,— а Голіаѳъ копошился въ нѣдрахъ крейсера, таскалъ къ гигантскимъ топкамъ вагонетки съ углемъ, кормилъ этимъ углемъ всепожирающій огонь и былъ донельзя доволенъ своею участью: жалованье онъ получалъ порядочное, обращались съ нимъ грубовато, но по-своему добродушно, кормили хорошо. Одно только— на суднѣ царила суровая военная дисциплина, да еще — матросы могли отвести душу лишь во время очень рѣдкихъ стоянокъ.

А когда «очередь», то-есть партія отпущенныхъ на берегъ людей команды, возвращалась на бортъ,— унтеръ-офицеры производили строжайшій осмотръ и безъ зазрѣнія совѣсти отбирали всякій шкаликъ съ спиртными напитками, такъ что, несмотря на всѣ ухищренія, пронести съ собою на судно хоть нѣсколько глотковъ рому или виски можно было исключительно только въ собственномъ желудкѣ...

Съ командою «Арминія» Голіаѳъ уживался сравнительно хорошо, но сближаться не было возможности: онъ не понималъ того, что говорили нѣмцы, они не понимали его болтовни.

На крейсерѣ, жившемъ своею, обособленною жизнью, самъ Голіаѳъ тоже жилъ обособленно, мало вмѣшиваясь въ чужую жизнь.

Какъ-то,—это было еще лѣтомъ 1914 года,—«Арминій», обладавшій могучимъ безпроволочнымъ телеграфомъ, получилъ какія-то важныя сообщенія съ берега, находясь въ открытомъ морѣ. Матросы были выстроены на палубѣ, командиръ судна съ каменнымъ лицомъ вышелъ въ полной парадной формѣ, вслухъ прочиталъ только что полученную депешу, потомъ громкимъ голосомъ,



Когда разбившійся о скалы «Арминій» былъ разстрѣлянъ орудіями «Монгомери», Голіаѳъ хохоталъ и плясалъ отъ восторга.

отчеканивая каждое слово, произнесъ короткую рѣчь. Матросы дружно кричали «Носh». И вмѣстѣ съ ними кричалъ выбѣжавшій на палубу Голіаѳъ.

Въ чемъ была суть,—негръ плохо понялъ. Другіе кочегары объясняли ему, больше при помощи жестовъ и гримасъ, покуда онъ не закивалъ утвердительно головою и забормоталъ:

— Понялъ: пушка пумъ! Бахъ! Убивалъ много враговъ.

И потомъ, припомнивъ знакомое итальянское слово, подхваченное въ дни стоянки въ одномъ изъ портовъ Эритреи, сказалъ серьезно:

— Ла гуэрра. Габешъ... Негушъ...

Матросы и злились и смѣялись, но всѣ ихъ попытки разъяснить безтолковому негру, что Абиссинія и ея негусъ тутъ ни при чемъ,—остались безрезультатными. И негра оставили въ покоѣ. Да, это была война. Великая міровая война... И негръ Голіаѳъ, чистѣйшій космополитъ, принялъ въ ней участіе.

Германскій крейсеръ «Арминій» сыгралъ въ этой войнѣ особую роль. Нѣмцы говорятъ, что «Арминій» поддержалъ честь германскаго знамени, что онъ совершилъ рядъ великихъ, геройскихъ подвиговъ, что вся его команда—герои, имена которыхъ должны быть занесены на золотыя страницы исторіи Германіи.

Во всѣхъ «подвигахъ» «Арминія» негръ Голіаѳъ участвовалъ въ равной мѣрѣ со всею командою крейсера и... и очень удивился бы, если бы, кто-нибудь попытался внушить ему, что и онъ совершалъ геройскіе подвиги, что и его имя должно быть занесено на страницы исторіи...

Война застигла «Арминія» въ водахъ Индійскаго океана, въ колоссальномъ лабиринтѣ острововъ и островковъ, опасныхъ банокъ и рифовъ. Отъ времени до времени, когда запасы каменнаго угля начинали истощаться, «Арминій» подходилъ къ одному изъ такихъ островковъ архипелага. Островокъ этотъ на географическихъ картахъ числится совершенно необитаемымъ. Но «Арминій» зналъ, что это не такъ: тамъ, на островкѣ, подъ грудами водорослей, лежали тысячи и тысячи тоннъ отличнаго каменнаго угля, и въ шалашахъ жили люди, такіе же голубоглазые и свѣтловолосые, какъ всѣ матросы команды крейсера. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ тайныхъ каменноугольныхъ складовъ, устроенныхъ нѣмцами въ предвидѣньи морской войны.

Наполнивъ свои «бункеры» антрацитомъ, крейсеръ уходилъ отъ этого островка, сносился при помощи безпроволочнаго телеграфа съ какою-то, тоже тайно устроенною, станціею нѣмецкаго безпроволочнаго телеграфа, и потомъ, въ опредѣленный часъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ океана встрѣчался съ толстопузымъ грузовымъ пароходомъ, шедшимъ то подъ голландскимъ, то подъ американскимъ флагомъ: пароходъ этотъ привозилъ на условленное заранѣе мѣсто свиданія съѣстные припасы для крейсера. Перегрузка совершалась тутъ же, въ морѣ, а затѣмъ — суда расходились. «Арминій» продолжалъ скитаться на просторѣ Индійскаго океана, грузовикъ возвращался въ «нейтральную» гавань и снова начинялъ свои трюмы припасами, предназначенными для крейсера.

Дѣлалъ «Арминій» и еще кое-что. Именно то, что вся Германія считала за геройскіе подвиги...

Въ первый разъ, наблюдая это, Голіаѳъ не могъ притти въ себя отъ изумленія.

Было это такъ.

Какъ-то ночью вахтенные на борту «Арминія» обнаружили огни шедшаго въ двадцати километрахъ отъ крейсера большого судна. Сейчасъ же «Арминій», дѣлавшій 26 узловъ въ часъ, ринулся въ ту сторону, гдѣ виднѣлись огни парохода. На разсвѣтѣ суда сошлись, и съ борта «Арминія» былъ данъ холостой выстрѣлъ, означавшій приказъ пароходу застопорить машину. Пароходъ этотъ покорно остановился. На его мачтахъ развѣвался флагъ Франціи, тотъ флагъ, подъ которымъ частенько плавалъ Голіаѳъ въ былые годы.

На кормѣ парохода красовалась золотая надпись:

«Дагомея. Портъ Гавръ».

Спущенная съ крейсера шлюпка съ вооруженными матросами подошла къ «Дагомеѣ». Лейтенантъ Эрихъ Рихтго-

фенъ, поднялся по трапу на бортъ «Дагомеи», пробылъ тамъ около десяти минутъ, потомъ вернулся на бортъ «Арминія» и сдѣлалъ докладъ капитану Рейдемюллеру.

Голіаѳъ стоялъ на палубѣ и смотрѣлъ, весело скаля бѣлые зубы. Онъ видѣлъ, какъ «Дагомея» спустила всѣ свои шлюпки, какъ эти шлюпки наполнились людьми съ парохода,— какъ они отвалили и пошли по направленію къ открытому морю.

«Странно! — думалъ негръ. — Развѣ «Дагомея» горитъ или тонетъ? И почему матросы плывутъ не къ намъ, а отъ насъ?»

— Б-бахъ-ба-бахъ! — сердито рявкнуло одно изъ орудій крейсера, и Голіаѳъ видѣлъ, какъ граната ударила въ бокъ безпомощно колыхавшагося парохода, немножко повыше ватерлиніи, у кормы.

— Бах-ба-бахъ.

Вторая граната разворотила бокъ «Дагомеи» въ центрѣ, противъ машиннаго отдѣленія. Судно, наполняясь водой, начало клониться на бакбортъ, въ то же время осѣдая на корму. Еще пять минутъ,—и оно, перевернувшись, пошло ко дну. А на палубѣ «Арминія» поднялись ликующіе крики и раздалось громовое «гохъ» въ честь императора Вильгельма и великой побѣдоносной Германіи.

Голіаѳъ, ошеломленный, растерянный, стоялъ среди бѣснующихся матросовъ и протиралъ глаза кулаками. Его мозгъ примитивнаго человѣка не могъ понять э т о г о.

«За что мы потопили «Дагомею»?— думалъ онъ.—Развѣ это военное судно? Развѣ оно могло сопротивляться?»

Дня два спустя «Арминій» такимъ же образомъ подстерегъ и потопилъ неосторожный русскій пароходъ, везшій уголь во Владивостокъ. И опять Голіаѳъ въ недоумѣніи протиралъ глаза кулаками: русскій угольщикъ по сравненію съ крейсеромъ казался скорлупкою. На немъ было всего двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ экипажа. И... и тамъ была женщина съ ребенкомъ.

Усаживаясь въ шлюпку, эта женщина, съ разметавшимися по вѣтру космами спутанныхъ каштановыхъ волосъ, долго кричала что-то и показывала на небо, словно призывая мщеніе Бога на экипажъ «Арминія». А матросы крейсера гоготали и, какъ мальчишки, высовывали языки.

Голіаѳъ видѣлъ, какъ двѣ шлюпки съ русскаго угольщика затерялись въ безпредѣльномъ просторѣ океана. И вспомнилъ, какъ однажды и онъ, Голіаѳъ, оставался двѣ недѣли въ океанѣ на шлюпкѣ, гдѣ не было ни капли воды уже на четвертый день плаванія, и нечего было ѣсть. И вспоминалъ о мученіяхъ, перенесенныхъ имъ тогда, и о томъ, какъ умирали одинъ за другимъ его товарищи.

Вотъ, и русскіе будутъ переживать такія же мученія. Но... но вѣдь тогда это была роковая случайность: затонулъ паровой шведскій бригъ «Фіордъ», столкнувшись ночью съ китайскою джонкою. Это было кораблекрушеніе. А тутъ— тутъ люди нарочно, сознательно потопили злополучный русскій пароходикъ, и еще ликовали...

Голіаѳъ забился на дно угольной ямы и пролежалъ нѣсколько часовъ, думая какую-то свою тяжкую и больную думу. И когда ему снова пришлось стать на дежурство,—онъ былъ мраченъ и неразговорчивъ. И становился тѣмъ мрачнѣе, чѣмъ сильнѣе ликовали матросы «Арминія».

«Арминій» совершалъ свои «геройскіе подвиги» приблизительно два съ половиною мѣсяца. Газеты всего свѣта были наполнены вѣстями объ этихъ подвигахъ. Крейсеръ специализировался на истребленіи англійскихъ коммерческихъ судахъ, шедшихъ въ Индію или изъ Индіи. Каждую недѣлю онъ топилъ одно, два судна. И только разъ былъ двухнедѣльный перерывъ, когда, гоняясь за какимъ-то грузовикомъ, «Арминій» черкнулъ днищемъ по неотмѣченной на картѣ подводной отмели и былъ вынужденъ уйти чиниться въ одно изъ своихъ таинственныхъ убѣжищъ на «необитаемыхъ» островахъ.

За первый мѣсяцъ дѣятельности «Арминія» стоимость погубленныхъ имъ англійскихъ, бельгійскихъ и французскихъ судовъ достигла милліона фунтовъ стерлинговъ. Второй мѣсяцъ далъ пол-

тора милліона. Третій мѣсяцъ опять милліонъ.

Въ Германіи шло дикое ликованіе. Командиръ крейсера былъ объявленъ національнымъ героемъ.

А на самомъ крейсерѣ, забившись въ угольную яму, безумно тосковалъ бѣдняга негръ.

И все же онъ не сдѣлалъ бы ничего, если бы судьба не пошутила надъ нимъ: въ одинъ и тотъ же день «Арминій» обычнымъ манеромъ потопилъ два парохода, на которыхъ когда-то Голіаѳъ служилъ кочегаромъ. Это былъ «Лотосъ» изъ Ливерпуля и «Язонъ» изъ Гавра. И на томъ и на другомъ у Голіаѳа были среди экипажа друзья и пріятели.

Оба эти судна были встрѣчены крейсеромъ въ открытомъ морѣ, такъ далеко отъ береговъ, что у команды пароходовъ не было надежды добраться куданибудь на шлюпкахъ. Поэтому командиръ крейсера выказалъ свое великодушіе: людей сняли съ пароходовъ, продержали на борту крейсера, въ качествѣ военноплѣнныхъ, и потомъ высадили ихъ на берегу небольшого, но населеннаго островка голландскихъ владѣній Индійскаго океана.

Голіаѳу не удалось переговорить ни съ однимъ изъ этихъ людей, но онъ наблюдалъ за ихъ каждымъ движеніемъ, и тогда же принялъ рѣшеніе, которое и выполнилъ.

Темною ночью, когда крейсеръ плылъ мимо другого островка, знакомаго негру, кочегаръ тѣнью прокрался на палубу и ринулся въ воду. Онъ былъ вооруженъ однимъ только ножомъ, а въ этихъ водахъ водились акулы. Но Голіаѳъ рѣшился или спастись или умереть,—и онъ спасся.

Прошла недѣля. На рейдъ Батавіи зашелъ четырехтрубный красавецъ англійскій крейсеръ «Монгомери». Какъ всегда, лодки туземцевъ окружили судно, предлагая свѣжую рыбу, бананы, кокосы, цыновки и пр.

Команда крейсера отбояривалась отъ этого нашествія, обливая назойливыхъ торговцевъ изъ брандспойтовъ, тычками спроваживала ихъ съ трапа. Но отъ одного изъ непрошенныхъ посѣтителей отдѣлаться было нельзя: это былъ гигантъ негръ. Онъ билъ себя кулакомъ въ могучую грудь, кланялся и бормоталъ слова:

— Кочегаръ «Арминій». Нѣмцы злые. Нѣмцы топить «Лотосъ». Знать гдѣ «Арминій» брать уголь. Капитана! Показать, гдѣ «Арминій» бери уголь...

Сначала, не понимая, надъ негромъ смѣялись. Потомъ кто-то прислушался. Голіаѳа отвели къ капитану «Монгомери». Тамъ, въ капитанской каютѣ, собрался экстренный военный совѣтъ. Негра разспросили и тщательно записали каждое сказанное имъ слово.

Ему показывали подробныя морскія карты, и онъ съ серьезнымъ видомъ разсматривалъ ихъ, но понять ничего не могъ. Тогда догадались,—и стали показывать фотографіи, изображавшія отдѣльные острова. И онъ указалъ по этимъ фотографіямъ и тотъ островъ, гдѣ у нѣмцевъ находился тайный складъ каменнаго угля, и тотъ, куда «Арминій» заходилъ для производства починокъ, и тотъ, гдѣ онъ бралъ воду.

— Не ошибаешься ли ты? — допытывались у него.

А онъ скалилъ зубы, ворочалъ бѣлками глазъ, стучалъ кулакомъ въ грудь, и твердилъ:

— Все знать. Все видѣть. Нѣмцы злая акула. Они потопили и «Лотосъ», и «Язонъ». Негръ не любитъ нѣмцевъ...

«Монгомери» попытался провѣрить показанія Голіаѳа. И черезъ три дня огромный каменноугольный складъ на необитаемомъ островѣ былъ обращенъ въ колоссальный костеръ. Два голландскихъ грузовика, везшихъ къ условленному мѣсту провизію для «Арминія», были захвачены англійскимъ вспомогательнымъ крейсеромъ «Сипай».

«Арминій» направился къ островку, гдѣ у него имѣлось надежное убѣжище,—и напоролся тамъ на сторожевой броненосецъ «Алкивіадъ». Едва ушелъ, воспользовавшись превосходною быстротою, отъ выстрѣловъ врага.

Крейсеръ, потерявшій большинство своихъ базъ для пополненія припасовъ, заметался, какъ смертельно раненый звѣрь. Ему удалось потопить еще три или четыре коммерческихъ парохода, онъ совершилъ «геройскій» набѣгъ на

французскую гавань въ Малаккскомъ проливѣ, обманувъ стоявшее въ порту судно береговой обороны поднятіемъ русскаго флага. Но это былъ уже послѣдній «подвигъ» пирата: недѣлю спустя у тѣхъ же береговъ Малакки «Арминій» встрѣтился съ неустанно преслѣдовавшимъ его «Монгомери».

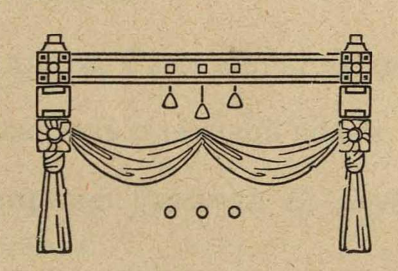
Въ открытомъ бою силы оказались не равными: англичанинъ дѣлалъ на два узла въ часъ больше нѣмца, и вооруженіе его было сильнѣе. Увидѣвъ превосходство врага, «Арминій» бросился въ бѣгство, но «Монгомери» настигалъ его и громилъ дальнобойными пушками.

Тогда «Арминій» бросился на всѣхъ парахъ къ ближайшему берегу и выкинулся на скалы. Экипажъ высадился на островокъ и поднялъ бѣлый флагъ: нѣмцы «геройски» сдавались въ плѣнъ.

Разбившееся о скалы судно было разстрѣляно пушками «Монгомери».

И когда граната за гранатою рвались надъ палубою «Арминія», обращая нѣмецкій крейсеръ въ груду обломковъ, — на палубѣ «Монгомери» стоялъ негръ Голіаѳъ. Онъ хохоталъ, какъ безумный, онъ приплясывалъ при каждомъ выстрѣлѣ и, махая платкомъ, кричалъ:

— Нѣмцы злые. Голіаѳъ все знать. Голіаѳъ привести англичанинъ убивать нѣмцевъ!




СОДЕРЖАНІЕ

